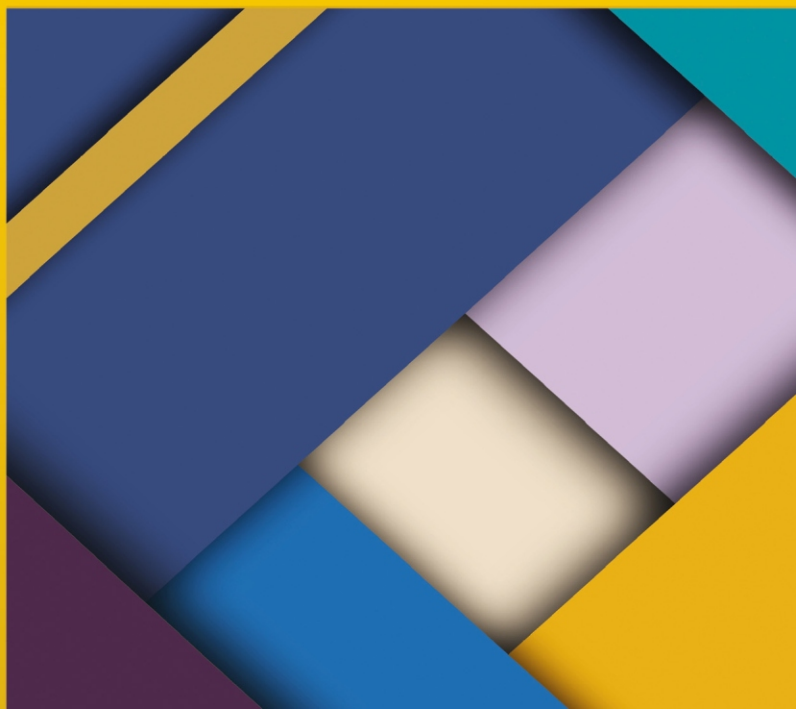


ISSN 3033-5981 (Online)

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES

РОССИЙСКИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Volume 18, Number 1
2026



Russian Social and Humanitarian Studies

Volume 18, Number 1
2026



Российские социогуманитарные исследования

Том 18, № 1
2026

Главный редактор

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, профессор,
декан Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва
Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

Т.А. Марсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический
университет», Набережные Челны, Российская Федерация

D. Dozenko Doctor of Philology, Lehrer,
Volkshochschule Marzahn-Hellersdorf, Berlin, Germany

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

**Russian Social and Humanitarian Studies /
Российские социогуманитарные исследования**

Peer-reviewed specialized academic journal
Специализированный академический рецензируемый журнал

Periodicity. 4 issues per year / Периодичность. 4 номера в год

Vol. 18, No 1, 2026 / Том 18, № 1, 2026

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(регистрационный номер от 20.05.2025
серии ЭЛ № ФС 77-89427)

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:
РИНЦ

Белый список
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<https://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
EL № FS 77-89427,
issued May 20, 2025.

Russian Social and Humanitarian Studies is
included in the List of leading peer-reviewed
scientific journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:
RISC

White List
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<https://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права, Сумский государственный университет (Сумы, Украина)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Sergey I. Degtyarev – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Theory and History of State and Law, Sumy State University (Sumy, Ukraine)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkín – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

История в системе социально-гуманитарных наук / History in the System of Social-Humanitarian Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-529](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-529)EDN: [ODBPFY](https://edn.ru/ODBPFY)

УДК 394.262.5



Репрезентация ёлочных игрушек и украшений в советской иллюстрации и живописи

И.В. Корнилова^{1,2}, Н.Г. Панфилов¹*¹Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация**²Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию художественной репрезентации ёлочных игрушек и украшений в советской визуальной культуре – от иллюстраций в детских книгах и журналах до живописных произведений. Авторы анализируют, как эти изображения отражали эволюцию новогодней атрибутики, участвовали в формировании идеологических, социальных и культурных нарративов советской эпохи. Советские новогодние игрушки – это не просто украшения, а отражение эпохи, идеологии и культурных трансформаций. Их изображения в живописи и иллюстрации позволяют проследить, как менялись праздничные традиции, как пропаганда и искусство влияли на восприятие Нового года.

Цель исследования – показать, как ёлочные игрушки и украшения репрезентировались в советском изобразительном искусстве, какие символы преобладали и как они вписывались в контекст времени.

Материалы и методы. Главный метод исследования – сравнительно-исторический, позволяющий проследить эволюцию образов ёлочных украшений в разные периоды советской эпохи, выявить связь между изменением сюжетов и общественно-политическим контекстом. Используются опубликованные источники, представленные законодательными актами, документами делопроизводства, источниками личного происхождения, каталогами коллекционных ёлочных украшений, материалами периодической печати.

Результаты. Ёлочная игрушка являлась своеобразным маркером исторических изменений, сюжеты и стилистика которой давала возможность проследить ключевые этапы советской истории – индустриализацию, Великую Отечественную войну, космические достижения, успехи в развитии сельского хозяйства и др.

Книжные иллюстрации и новогодние открытки создавали узнаваемые визуальные коды, которые становились частью детских воспоминаний и семейных традиций, формировали коллективную память.

Ключевые слова: Новый год; ёлка; новогодняя атрибутика; традиции; советский символ; репрезентация; иллюстрации; живопись

Для цитирования. Корнилова, И. В., & Панфилов, Н. Г. (2026). Репрезентация ёлочных игрушек и украшений в советской иллюстрации и живописи. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 10–30. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-529>

Representation of Christmas items and decorations in Soviet illustration and painting

I.V. Kornilova^{1,2}, N.G. Panfilov¹

¹*Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation*

²*Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny,
Russian Federation*

Abstract

Background. The article is devoted to the study of the artistic representation of Christmas tree toys and decorations in Soviet visual culture – from illustrations in children’s books and magazines to paintings. The authors analyze how these images reflected the evolution of New Year’s paraphernalia, participated in the formation of ideological, social and cultural narratives of the Soviet era. Soviet New Year’s toys are not just jewelry, but a reflection of the era, ideology and cultural transformations. Their images in painting and illustration allow you to trace how holiday traditions changed, how propaganda and art influenced the perception of the New Year.

Purpose. The article shows how Christmas tree ornaments and decorations were represented in Soviet visual arts, what symbols prevailed, and how they fit into the context of the time.

Materials and methods. The primary research method is comparative historical, allowing us to trace the evolution of Christmas tree decoration images across different periods of the Soviet era and identify the connections between changing themes and the socio-political context. Published sources, including legislative acts, administrative documents, personal sources, catalogs of collectible Christmas tree decorations, and periodicals, were used.

Results. The Christmas tree toy was a kind of marker of historical changes, the plots and style of which made it possible to trace the key stages of Soviet history – industri-

alization, World War II, space achievements, successes in the development of agriculture, etc. Book illustrations and New Year's cards created recognizable visual codes that became part of children's memories and family traditions, formed a collective memory.

Keywords: New Year; Christmas tree; New Year's paraphernalia; traditions; Soviet symbol; representation; illustrations; painting

For citation. Kornilova, I. V., & Panfilov, N. G. (2026). Representation of Christmas items and decorations in Soviet illustration and painting. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 10–30. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-529>

Введение

Новогоднее празднование с установкой ёлки, официально введённой в советскую праздничную культуру в середине 1930-х гг., стало основой для создания новых традиций, которые обрели свои основные черты уже к началу следующего десятилетия. Установка новогодней ёлки с её последующим украшением игрушками сформировала одну из самых устойчивых новогодних традиций, где в процесс подготовки к празднованию вовлекалась вся малая социальная группа или значительная её часть. Нарядно украшенная ёлка становилась центральным объектом праздничного мероприятия. Закрепление в сознании ёлки как неотъемлемой части новогоднего праздника, преобразуемой в ассоциативные образы, сделало саму украшенную игрушками ёлку, отдельную ёлочную игрушку или ёлочную игрушку в паре с хвойной ветвью одними из самых узнаваемых символов советского Нового года.

Под воздействием исторических событий ёлочная игрушка становится не только символом праздника, но и средством, способным воплотить в своём образе самые смелые и значимые свершения, выпавшие на время её изготовления. Эти события отражались в ёлочной игрушке в виде актуальных конкретных символов эпохи. Наиболее ярко ёлочная игрушка вышла из границ только новогоднего символизма в советский период. Она стала способна отражать в своём художественном образе достижения советского народа, научно-технического развития государства. На ёлке последовательно сменялись игрушки полярной, военной, космической, сельскохозяйственной тематики. Торжественное убранство новогодней ёлки

стало более явно идентифицироваться с определённым периодом в истории страны.

Нашло своё отражение в ёлочной игрушке и тяжелейшее время Великой Отечественной войны. В этот период игрушка, часто сделанная из подручных материалов, становится маяком надежды на фронте и в тылу. Праздник отчасти позволял вернуть мирное довоенное время, когда люди собирались у наряженной ёлки.

Ёлочная игрушка представляет собой летопись событий, способную раскрыть некоторые направления развития государства, общества, отечественной культуры. Она в полной мере может быть задействована, как исторический источник, при исследовании истории XX века в России, реконструируя дух времени [3].

В педагогической деятельности школьного учителя истории или изобразительного искусства ёлочная игрушка может стать одним из объектов, посредством которого возможно проследить историю России. Учитель может показать, как через вещественные источники, которые являются предметами повседневности или частью праздничного быта можно изучать события, произошедшие в определённый исторический период.

В настоящее время в Российской Федерации ёлочные игрушки входят в коллекции многих областных и региональных музеев. Каждый год к празднику промышленность предлагает огромный ассортимент ёлочных игрушек. В регионах налажен выпуск игрушек с символикой, отражающей особенности отдельного субъекта Российской Федерации. Так, в Республике Татарстан выпускаются игрушки, в оформлении которых используется национальный орнамент или элементы народного татарского костюма. Средствами ёлочной игрушки популяризируются культурные традиции народов, проживающих на территории Татарстана.

Тема художественной репрезентации ёлочных игрушек и украшений в советской визуальной культуре привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Основной вклад в изучение темы внесли такие российские историки как Д.И. Антонов [3], Я.П. Кривко, М.А. Гончаров [6], Б.В. Куприянов, А.А. Порохова [7],

А.И. Лушин [9], А. Сорокин, Д. Агафонов, Н. Волхонская, У. Догадова [10], В.В. Редина [18] и др.

Цель исследования – показать, как ёлочные игрушки и украшения репрезентировались в советском изобразительном искусстве, какие символы преобладали и как они вписывались в контекст времени.

Материалы и методы

В процессе исследования использованы опубликованные источники, представленные законодательными актами (постановления СНК, ЦК ВЛКСМ), документами делопроизводства (прейскуранты отпускных цен на ёлочные игрушки и украшения; документация Всесоюзного научно-исследовательского института игрушки; руководства по изготовлению ёлочных игрушек), источниками личного происхождения (дневники, записные книжки, воспоминания), каталогами коллекционных ёлочных украшений, периодической печатью (газета «Правда», приложение к газете «Коммуна»). Особое внимание уделено ёлочным игрушкам и украшениям, находящимся в фондах российских музеев. Ёлочные игрушки – важный праздничный элемент повседневности, который, как источник способен предоставить возможность взглянуть на исторические процессы с совершенно других сторон.

Основными методами данной работы послужили историко-описательный и историко-сравнительный, позволяющие проследить эволюцию образов ёлочных украшений в разные периоды советской эпохи, выявить связь между изменением сюжетов и общественно-политическим контекстом. Выборочный метод был применен для отбора необходимой информации, касающейся проблемы данного исследования, в связи с огромным количеством источников, полная обработка которых весьма затруднительна.

Результаты и обсуждения

Во второй половине 1930-х гг. в СССР начала формироваться уникальная новогодняя культура, в которой на протяжении всего

советского периода вырабатывались и закреплялись праздничные традиции, сохранившиеся до наших дней. Помимо общих для советских граждан новогодних приготовлений, возникали локальные традиции в семье, детском и трудовом коллективе. Они выражались в ассортименте праздничного меню, совместном досуге или новогодних мероприятиях. В некоторых семьях обязательным действием стало украшение новогодней ёлки с участием всех членов семьи. Этот захватывающий процесс начинался с перебирания содержимого коробки, в которой хранились ёлочные игрушки, каждая игрушка, особенно самодельная, вызвала воспоминания о прошлых праздниках.

В конце 1935 г. ёлка после почти двух десятилетий запрета на рождественские традиции, официально внедряется в советскую праздничную культуру [10]. До этого времени ёлка ассоциировалась исключительно с религиозными и буржуазными традициями, что и привело к проведению «антирождественских кампаний» в 1927 г. и даже её запрету в 1929 г. [13].

Ключевым документом, восстановившем ёлку как символ Нового года (а не Рождества, как это было до революции), стало письмо секретаря ЦК ВКП(б) П.П. Постышева «Давайте организуем детям к новому году хорошую ёлку!» [15, с. 3], опубликованное в газете «Правда» 28 декабря 1935 г. Важна не столько критика объявивших ёлку «буржуазным предрассудком», а именно призыв организовать новогодние праздники для детей по всей стране. На следующий день 29 декабря вышло Постановление ЦК ВЛКСМ «О проведении вечеров учащихся, посвящённых встрече нового, 1936 года» [14, с. 3], предписывающее комсомольцам и пионерам организовывать новогодние ёлки с играми и подарками, но без «занудных докладов». Отныне проведение новогодних мероприятий не только разрешалось, но и поощрялось по всей стране.

Разрешение на проведение новогодних ёлок в 1935 г. было встречено советской общественностью и интеллигенцией с энтузиазмом, однако реакция была неоднозначной – некоторые восприняли это как признак смягчения режима, другие сомневались в искренности

властей. Так, Михаил Пришвин в этом событии увидел значимое изменение в жизни советского общества, введение ёлки воспринималось им, как начало свободы в общественной жизни, которое позже, как он надеялся, отразится и на цензурировании советской литературы [17]. В этих ожиданиях новогодняя ёлка выступала символом, а также, отчасти воплощением фразы И.В. Сталина «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее», произнесённой 17 ноября 1935 г. [19]. Эта же фраза вождя сопровождает иллюстрацию украшенной ёлки на первой полосе периодического издания «Крокодил» в январе 1936 г. (см. рис. 1).



Рис. 1. Бродата Л.Г., Ротов К.П. Обложка издания «Крокодил», 1936 г.

Fig. 1. Brodata L.G., Rotov K.P. Cover of the publication *Krokodil*, 1936.

Среди изображённых на ёлке игрушек в виде шаров и рыбок, присутствуют достижения советской индустриализации – пароходы, локомотивы, грузовой автомобиль. Крупнее остальных игрушек, украшающих ёлку, изображены самолёты со звёздами, что подчёркивает особую значимость авиации, связанную с расцветом авиастроения

в середине 1930-х гг. Конструкторские бюро разрабатывали новые типы самолётов, шла активная постройка авиационного флота. В апреле 1934 г. завершилась операция по спасению челюскинцев, что ещё больше способствовало популяризации авиации в советском обществе. Ранее в январе 1931 г. на IX съезде ВЛКСМ было принято шефство над Военно-воздушным флотом [20]. Молодёжь активно записывалась в аэроклубы, которые открывались по всей стране. В марте 1935 г. в Москве был открыт Центральный аэроклуб СССР.

Новогодняя ёлка, позиционировавшаяся как мероприятие для детей, становится символом советского счастливого детства. Центральное место в новогоднем празднике отводилось детям, поэтому после решения о начале организации ёлок, популяризация праздника начала внедряться в общество именно через детскую литературу. Издавались различные сборники на новогодние темы, где публиковались рассказы советских писателей. Во второй половине 1930-х гг. интенсивно издаётся литература для дошкольных и школьных учреждений, разъясняющая порядок организации и проведения ёлок.

Активно включились в процесс создания новой визуальной эстетики праздника, сочетая идеологическую пропаганду с традиционными образами, советские художники и иллюстраторы.

Новогодняя ёлка, украшенная игрушками, изображалась на обложках новогодних выпусков периодических изданий, праздничных открытках, книжных иллюстрациях. Первые изображения были простыми: дети вокруг ёлки, Дед Мороз с подарками, символы советского быта (красноармейцы, полярники и др.). Увенчанная пятиконечной красной звездой (вместо Вифлеемских звезд) ёлка становится символом советского Нового года.

Художники-оформители создавали эскизы для ёлочных игрушек, отражающие достижения СССР: дирижабли, самолёты, фигурки полярников, красноармейцев. В 1937 г. были выпущены игрушки с изображением портретов В.И. Ленина и И.В. Сталина, шары с серпом и молотом, отражающие идеологические установки советской власти. Появились игрушки, вдохновлённые советскими фильмами, например клоуны и животные из фильма «Цирк» (1936 г.). Попу-

лярными были ватные игрушки ручной работы, так как фабричные ёлочные украшения были еще в дефиците. Сложнее новогодние традиции приживались в деревнях, некоторые колхозники опасались обвинения в «религиозных пережитках». Интеллигенция понимала, что возвращение ёлок в большей степени связано с необходимостью перехвата контроля над традицией. Новый год стал инструментом пропаганды. Художники рисовали плакаты, где ёлка символизировала радостное детство при социализме.

Исторический контекст предвоенного времени отражает иллюстрация художника Юрия Васнецова «Ёлочка» (см. рис. 2), выполненная в 1939 г.



Рис. 2. Васнецов Ю.А. «Ёлочка». Бумага, автолитография, 1939 г.
Fig. 2. Vasnetsov Y.A. “The Little Christmas Tree”. Paper, photolithograph, 1939.

Композиция демонстрирует ёлочные игрушки, половина из которых – это самолёты, парашюты, автомобили, танки. Общая милитаризация, охватившая европейский континент во второй половине 1930-х гг., помимо прочего находила выход в иллюстрациях детской литературы, игрушках, в том числе и ёлочных. В это время произво-

дятся ёлочные игрушки из ваты, стекла на военные темы. В убранстве советских ёлок появляются собаки-санитары, парашютисты, красноармейцы. На иллюстрации около ёлки художник изобразил детей, лица которых выражают восторг и ожидание чуда – широко раскрытые глаза, улыбки, возможно, смех. Дети в костюмах танкистов, лётчиков, красноармейцев стали популярны на новогодних утренниках. Это воспитывало патриотизм и готовность к защите Родины. Военные мотивы поданы Ю. Васнецовым мягко, через детские игры, а не агрессивную символику. Например, мальчика в костюме танкиста, поднимающего над головой игрушечный танк, трактуют не только как персонажа в русле государственной пропаганды, подчеркивающей важность и достижения Красной армии, но и просто отражением эпохи. В 1930-е гг. конструировались новые виды вооружений, большое внимание уделялось не только авиации, но и танкам. Война в Испании, конфликты 1938 и 1939 гг. позволили испытать новую технику в боевых условиях.

Новогодняя ёлка стала одной из желанных тем в живописных работах художников, где она нередко выступает как центральный элемент художественной композиции. Традиции праздничной культуры советского периода отражены в работе Е.С. Зерновой «Украшенная ёлка» (см. рис. 3), написанной в 1935 г.

Среди украшающих ёлку игрушек, изображен редкий атрибут – электрическая гирлянда, подчеркивающая праздничную атмосферу, ожидание новогоднего волшебства и что не менее важно, технологические достижения СССР. Гирлянды в 1930-е гг. были редкими и дорогими, купить такую гирлянду могла не каждая семья, а изготовить самостоятельно было вполне по силам. Поэтому в сборниках и периодических изданиях печатались схемы изготовления электрических гирлянд. Так, в детской однодневной газете «Новогодняя ёлка» от 18 декабря 1936 г., выпущенной как приложение к областной калужской газете «Коммуна», рассказывалось, как изготовить игрушки и иллюминацию для ёлки [1]. В каталоге завода «Москабель» за 1937 год электрическая гирлянда предлагалась в наборе для клубной ёлки, набор для домашней ёлки предусматривал

использование свечей. В прейскуранте цен Московского областного отдела торговли в 1938 г. уже предлагались электрические гирлянды с разным количеством лампочек [16]. Электрические гирлянды выпускались предприятиями в недостаточном количестве и были большой редкостью на домашних ёлках. В некоторых семьях для усиления атмосферы праздника лампочки, находящиеся в комнате с ёлкой, оборачивали цветной бумагой [8] или покрывались тонким слоем краски. Изготовление гирлянд и ёлочных игрушек в домашних условиях постепенно станет семейной традицией, с одной стороны, позволяющей сэкономить на новогодних украшениях, а, с другой – несущей воспитательный потенциал.

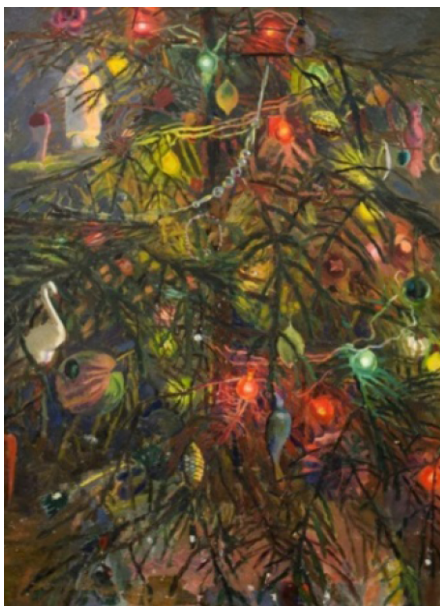


Рис. 3. Зернова Е.С. «Украшенная ёлка». Холст, масло, 1935 г.
Fig. 3. Zernova E.S. "Decorated Christmas Tree". Oil on canvas, 1935.

Несмотря на организацию и начало выпуска ёлочных игрушек в СССР, на домашних ёлках их по-прежнему было мало. В некоторых советских семьях ещё долгое время на ёлках находили своё место сохранившиеся дореволюционные украшения и игрушки. Также и в

том числе, поэтому широкое распространение получили самодельные игрушки. Воспоминание о процессе изготовления игрушек в семье сохранились у Л.М. Алексеевой. Вырезалась из картона желаемая фигура, обматывалась ватой и для фиксации смачивалась сахарным сиропом, что ещё придавало и блеск. После высыхания с помощью нитки такая игрушка вешалась на ёлку [2].

Нехватка игрушек для украшения ёлки компенсировалась не только самодельными игрушками, но и конфетами, пряниками, яблоками, высушенными гроздьями рябины или калины. В качестве полноценного украшения в домашних условиях широко использовалась вата, как одно из самых доступных материалов. На картине С.Я. Дунчева «Под Новый год» (1958 г.) показано как ватой декорировали ёлочные ветви (см. рис. 4). Белоснежная вата, уложенная на ветвях, даёт возможность почувствовать атмосферу уюта и тепла, радость предвкушения праздника.



Рис. 4. Дунчев С.Я. «Под Новый год». Холст, масло, 1951 г.

Fig. 4. Dunchev S.Y. "On New Year's Eve". Oil on canvas, 1951.

Более часто вату использовали для скрытия деревянной крестовины, которая обычно была не покрашена. В обоих случаях вата должна

была имитировать снег. Также вата раскладывалась между оконных рам и на неё выкладывались стеклянные ёлочные игрушки. Применение ваты в убранстве ёлок и изготовлении маскарадных костюмов ассоциировалось с заснеженными лесами и зимней сказкой.

В 1960-е гг. в ёлочных игрушках появляются новые сюжеты, связанные с космосом, как главным символом советского превосходства в «космической гонке». На полотне К.М. Максимова «Новогодний вечер. Дима Лебедев у ёлки» (см. рис. 5) показан момент украшения ёлки пионером.



Рис. 5. Максимов К.М. «Новогодний вечер. Дима Лебедев у ёлки».
Холст, масло, 1963 г.

Fig. 5. Maksimov K.M. "New Year's Eve: Dima Lebedev by the Christmas Tree".
Oil on canvas, 1963.

В левой руке герой картины держит стеклянную игрушку в виде космонавта [5]. Работа выполнена в 1963 г., в период триумфальных достижений в космической сфере, которые являлись и являются сейчас предметом национальной гордости и одним из краеугольных камней национальной идентичности.

Тема космоса была обыграна советскими художниками в новогодних открытках, она также реализовалась в ёлочных игрушках в виде спутников, ракет, космонавтов и т.д. Такого рода украшения были частью государственной кампании по воспитанию гордости за страну, космические достижения которой стали и остаются символом глобального лидерства. В 1960-1970-е гг. выпускались электрические гирлянды с пластиковыми насадками, стилизованными под планеты, ракеты, спутники, которые крепились на лампочки [4]. Космическая тема заменяла религиозные мотивы, подчёркивая светский характер советского новогоднего праздника.

На ёлке среди множества игрушек можно рассмотреть кукурузу – царицу полей. Кампания по внедрению кукурузы началась во второй половине 1950-х гг. Власти задействовали СМИ, НИИ, передовиков сельского хозяйства, известных аграриев в работе по популяризации кукурузы. Печатались агитационные плакаты, детская литература, посвящённые «царице полей». Промышленность выпускала детские и ёлочные игрушки на тему сельского хозяйства. В 1957 г. в стране создаются совнархозы, что усиливает внедрение кукурузы в советское сельское хозяйство. Вытеснения кукурузой основных зерновых культур и неурожай в 1963 г. привели к кризису, который выразился в нехватке зерна для производства хлеба [9]. Тем не менее, на ёлках игрушки в виде кукурузы встречались часто вплоть до первой половины 1980-х гг., а иногда и позже.

Пионер на картине в правой руке держит флажковую гирлянду на тему сигнальных флагов (см. рис. 5). Такие гирлянды фиксируются на фотографиях уже с 1936 г. [11], часто встречаются в книжной графике и живописи. Простота производства и некая универсальность, они могли быть не только украшением ёлки, но и пространства вокруг неё, сделали этот тип ёлочных украшений особенно популярным в СССР. Они имели широкий тематический охват – герои русских сказок, мультфильмов, флаги Военно-морского флота СССР и союзных республик, другие сюжетные линии.



Рис. 6. Гуляев А.Г. «Украшение новогодней ёлки». Холст, масло, 1967 г.

Fig. 6. Gulyayev A.G. "Decorating the Christmas Tree". Oil on canvas, 1967.

Картина А.Г. Гуляева «Украшение новогодней ёлки» (1967 г.) (см. рис. 6) демонстрирует, как семья художника наряжает ёлку. В советских семьях дети активно участвовали в этой части приготовления к Новому году. Игрушки и украшения для ёлки обычно хранили в картонной коробке, там же находились и электрические гирлянды. Такую коробку и изобразил художник в своей работе. Коробка постепенно пополнялась новыми игрушками, которые покупались каждый год, в итоге в такой коробке собиралась большая коллекция. Коробка с игрушками иногда передавалась от родителей детям и уже в новой семье также продолжала пополняться каждый год. В итоге после украшения, даже большой ёлки, под потолок, оставалось около половины коробки разных украшений. Оставшиеся игрушки могли использоваться для украшения помещения.

К 1970-м гг., с переходом к массовому промышленному производству, самобытность и динамизм в развитии ёлочных украшений во многом утрачиваются, уступая место шаблонному тиражирова-

нию. Однако в изобразительном искусстве именно игрушки предшествующих десятилетий продолжают воспроизводиться как знаки подлинности, как «хрупкая красота», противостоящая унификации.

Заключение

Репрезентация ёлочных игрушек и украшений в советской иллюстрации и живописи представляет собой уникальный феномен, в котором причудливо переплелись эстетика, идеология и повседневность. Проведённый анализ позволяет утверждать, что изображения новогоднего декора никогда не были просто нейтральными деталями праздничного интерьера, они выступали полноценными носителями культурных смыслов и маркерами исторических эпох.

Советская ёлочная игрушка прошла сложный путь от тотального запрета и гонений до превращения в один из ключевых элементов государственной праздничной политики. Этот путь наглядно запечатлён в изобразительном искусстве: от плакатов конца 1920-х гг., клеймивших елку как «поповский пережиток», до жизне-радостных иллюстраций конца 1930-х гг., где возрожденная ель, увенчанная красной звездой, становится символом «счастливого советского детства».

Визуальные материалы демонстрируют, как ёлочные украшения чутко реагировали на малейшие изменения в жизни страны. Довоенные игрушки-дирижабли, парашютисты и полярники отражали энтузиазм освоения Арктики и воздушного пространства. Суровые военные годы запечатлелись в лаконичных изображениях ёлок, украшенных кустарными игрушками из ваты – в этих образах праздник предстал как тихий островок мирной жизни и надежды. Послевоенная иллюстрация, напротив, тяготела к избытку: в росписи шаров и фигурок закреплялись мотивы фруктов, овощей, сказочных персонажей, знаменуя возвращение к мирному быту.

Художники-иллюстраторы и живописцы сумели создать визуальный канон советского Нового года, где ёлочная игрушка выполняла двойную функцию: с одной стороны, она транслировала офи-

циальные ценности (индустриализацию, покорение космоса и др.), с другой – оставалась носителем личных воспоминаний, интимного переживания праздника.

Список литературы

1. Агансон, И. (1936). Как иллюминировать ёлку. *Новогодняя ёлка. Детская од-нодневная газета* (Приложение к № 291 газеты «Коммуна»), 18 декабря, с. 2. <https://expositions.nlr.ru/ve/RA3906/novy-god-1931-1940#gallery-16>
2. Алексеева, Л. М. *Устная история*. <https://oralhistory.ru/members/alexeeva>
3. Антонов, Д. И. (2024). Новогодняя ёлка и фолежная икона: неочевидное род-ство и социальные биографии. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, 3(42), 232–248. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-232-248>. EDN: <https://elibrary.ru/JWEDQD>
4. Гирлянда электрическая новогодняя «Космос», СССР, 1961 г. СГМЗ ОФ32030. *Ставропольский государственный историкокультурный и природноланд-шафтный музейзаповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве*. <https://gokatalog.ru/portal/#/collections?id=22616801>
5. Игрушка ёлочная. Космонавт, 1960–1970е гг. НГМ КП 44251/59. *Новгород-ский государственный объединённый музейзаповедник*. <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/229173>
6. Кривко, Я. П., & Гончаров, М. А. (2023). Особенности трансформации Рож-дественских детских праздников в праздник новогодней ёлки на страницах пионерской периодической печати в первой трети XX века. *Наука и школа*, 4, 151–160. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-4-151-160>. EDN: <https://elibrary.ru/DMQWOM>
7. Куприянов, Б. В., & Порохова, А. А. (2022). Трансформация новогоднего праздника в СССР: реконструкция по современным воспоминаниям о совет-ском детстве. *Этнографическое обозрение*, 3, 176–196. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030101>. EDN: <https://elibrary.ru/HVYLDV>
8. Луговская, Н. С. (2016). *Дневник советской школьницы. Преодоление [1932–1937], [дневники, записные книжки 1940–1993 гг.]*. Москва, с. 511. https://royallib.com/book/lugovskaya_nina/dnevnik_sovetskoy_shkolnitsi_preodolenie.html
9. Лушин, А. И. (2022). Всеобщая «кукурузация» как один из несостоявшихся управленческих экспериментов Н. С. Хрущёва. *Управленческое консульти-рование*, (11 (167)), 98–110. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-11-98-110>. EDN: <https://elibrary.ru/DVETZL>
10. Сорокин, А., Агафонов, Д., Волхонская, Н., & Догадова, У. (2022). Миллионы молодых жизней ёлок... не должны приноситься в жертву буржуазной затее. *Родина*, 1, 129–133. EDN: <https://elibrary.ru/IBQCEX>

11. Новогодняя ёлка для выздоравливающих детей в хирургическом отделении детской больницы им. Русакова. Декабрь 1936 г. (2014). В: *Альбом «Москва в фотографиях 1920–1930е». «Лики России»*. <https://pastvu.com/p/418885>
12. Панфилов, Н. Г. (2024). Ёлочная игрушка в блокадном Ленинграде (к 80летию полного снятия блокады). В: *Вызовы XXI века: Материалы всероссийской студенческой научнопрактической конференции (с международным участием), Набережные Челны, 17–25 апреля 2024 года*. Набережные Челны, с. 281–284. EDN: <https://elibrary.ru/PTCXUV>
13. Постановление Совета Народных Комиссаров. *О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю* (24 сентября 1929 г.). <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377210#mode/inspect/page/3/zoom/4>
14. Постановление ЦК ВЛКСМ «О проведении вечеров учащихся, посвящённых встрече нового, 1936 года» (1935). *Правда*, (357), 28 декабря, с. 3.
15. Постышев, П. (1935). Давайте организуем детям к новому году хорошую ёлку! *Правда*, (357), 28 декабря, с. 3.
16. Прейскурант отпускных цен на ёлочные украшения производства предприятий всех систем, находящихся в городе Москве и Московской области (1938) / Сост.: А. И. Домбек, М. М. Хаютина, С. Д. Хальский; Моск. обл. отд. торговли. Москва, с. 56. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005329127
17. Пришвин, М. М. (2010). *Дневники. 1936–1937* / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселёвой; Статья, коммент. Я. З. Гришиной. СанктПетербург, с. 989. <https://djvu.online/file/S1y9TgazzVYLH>
18. Редина, В. В. (2019). Официальное разрешение установки новогодней ёлки в СССР как форма адаптации рождественских традиций к советским реалиям. *Вестник Оренбургской духовной семинарии*, 4(13), 189–192. EDN: <https://elibrary.ru/KUIMHZ>
19. Речь товарища Сталина на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935). *Правда*, (321 (6567)), 22 ноября, с. 1. https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1935_321-2796
20. IX съезд ВЛКСМ. 16–26 января 1931 года. Из резолюции по докладу о международном и внутреннем положении и задачах комсомола (1969). В: *Товарищ комсомол. 1918–1968: Док. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. Т. 1. 1918–1941*. Москва, с. 445. <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/440112>

References

1. Aganson, I. (1936). How to illuminate a Christmas tree. *New Year Tree. Children's oneday newspaper (Supplement to No. 291 of the newspaper "Kommuna")*, December 18, p. 2. Retrieved from <https://expositions.nlr.ru/ve/RA3906/novy-god-1931-1940#gallery-16>

2. Alekseeva, L. M. *Oral history*. Retrieved from <https://oralhistory.ru/members/alexeeva>
3. Antonov, D. I. (2024). The New Year tree and the foil icon: Unlikely kinship and social biographies. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*, 3(42), 232–248. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-232-248>. EDN: <https://elibrary.ru/JWEDQD>
4. Electric New Year garland “Cosmos”, USSR, 1961. SGMS OF 32030. *Stavropol State Historical, Cultural and Natural Landscape Museum Reserve named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave*. Retrieved from <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22616801>
5. Christmas tree ornament. Cosmonaut, 1960s–1970s. NGM KP 44251/59. *Novgorod State United Museum Reserve*. Retrieved from <https://novgorod-iss.kamisccloud.ru/entity/OBJECT/229173>
6. Krivko, Ya. P., & Goncharov, M. A. (2023). Features of the transformation of Christmas children’s celebrations into the New Year tree holiday in the pages of pioneer periodicals in the first third of the 20th century. *Science and School*, 4, 151–160. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-4-151-160>. EDN: <https://elibrary.ru/DMQWOM>
7. Kupriyanov, B. V., & Porokhova, A. A. (2022). Transformation of the New Year holiday in the USSR: Reconstruction based on contemporary memories of Soviet childhood. *Ethnographic Review*, 3, 176–196. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030101>. EDN: <https://elibrary.ru/HVYLDV>
8. Lugovskaya, N. S. (2016). *Diary of a Soviet schoolgirl. Overcoming [1932–1937], [diaries, notebooks 1940–1993]*. Moscow, p. 511. Retrieved from https://royallib.com/book/lugovskaya_nina/dnevnik_sovetskoy_shkolnitsi_preodolenie.html
9. Lushin, A. I. (2022). Universal “cornization” as one of the failed management experiments of N. S. Khrushchev. *Management Consulting*, (11 (167)), 98–110. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-11-98-110>. EDN: <https://elibrary.ru/DVETZL>
10. Sorokin, A., Agafonov, D., Volkhonskaya, N., & Dogadova, U. (2022). Millions of young Christmas tree lives... should not be sacrificed to a bourgeois idea. *Rodina*, 1, 129–133. EDN: <https://elibrary.ru/IBQCEX>
11. New Year tree celebration for recovering children in the surgical department of the Rusakov Children’s Hospital. December 1936 (2014). In: *Album “Moscow in Photographs 1920s–1930s”*. “Faces of Russia”. Retrieved from <https://pastvu.com/p/418885>
12. Panfilov, N. G. (2024). Christmas tree ornaments in besieged Leningrad (on the 80th anniversary of the complete lifting of the siege). In: *Challenges of the 21st Century: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference (with international participation)*, Naberezhnye Chelny, April 17–25, 2024. Naberezhnye Chelny, pp. 281–284. EDN: <https://elibrary.ru/PTCXUV>

13. Resolution of the Council of People's Commissars. On working hours and rest time in enterprises and institutions switching to a continuous production week (September 24, 1929). Retrieved from <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377210#mode/inspect/page/3/zoom/4>
14. Resolution of the Central Committee of the Komsomol "On holding student parties dedicated to the meeting of the new year 1936" (1935). *Pravda*, (357), December 28, p. 3.
15. Postyshev, P. (1935). Let's organize a good Christmas tree for children for the New Year! *Pravda*, (357), December 28, p. 3.
16. Price list of selling prices for Christmas tree decorations produced by enterprises of all systems located in Moscow and the Moscow region (1938) / Compiled by: A. I. Dombek, M. M. Khayutina, S. D. Khalsky; Moscow Regional Department of Trade. Moscow, p. 56. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005329127
17. Prishvin, M. M. (2010). *Diaries. 1936–1937* / Prepared by Ya. Z. Grishina, A. V. Kiselyova; Article, comments by Ya. Z. Grishina. Saint Petersburg, p. 989. Retrieved from <https://djvu.online/file/S1y9TgazzVYLH>
18. Redina, V. V. (2019). Official permission to install a New Year tree in the USSR as a form of adapting Christmas traditions to Soviet realities. *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*, 4(13), 189–192. EDN: <https://elibrary.ru/KUIMHZ>
19. Speech of Comrade Stalin at the First AllUnion Conference of Stakhanovites (1935). *Pravda*, (321 (6567)), November 22, p. 1. Retrieved from https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1935_321-2796
20. IX Congress of the Komsomol. January 16–26, 1931. From the resolution on the report on the international and internal situation and the tasks of the Komsomol (1969). In: *Comrade Komsomol. 1918–1968: Documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol*. Vol. 1. 1918–1941. Moscow, p. 445. Retrieved from <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/440112>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Корнилова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник; заведующая кафедрой истории и методики ее преподавания *Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан; Набережночелнинский государственный педагогический университет*
ул. Пушкина, 56, г. Казань, 420015, Российская Федерация; ул. Низаметдинова, 28, г. Набережные Челны, 423806, Российская Федерация
ivkornilova@list.ru

Панфилов Николай Геннадьевич, аспирант

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан

ул. Пушкина, 56, г. Казань, 420015, Российская Федерация
architectonica@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORES

Irina V. Kornilova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher; Head of the Department of History and Teaching Methods

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

56, Pushkin Str., Kazan, 420015, Russian Federation; 28, Nizametdinov Str., Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation

ivkornilova@list.ru

SPIN-code: 6727-2777

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0910-8897>

ResearcherID: I-2607-2018

Scopus Author ID: 55799533500, 57403557000

Nikolay G. Panfilov, Postgraduate Student

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies named after M. Khasanov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

56, Pushkin Str., Kazan, 420015, Russian Federation

architectonica@bk.ru

SPIN-code: 9676-8516

Поступила 28.01.2026

После рецензирования 03.03.2026

Принята 07.03.2026

Received 28.01.2026

Revised 03.03.2026

Accepted 07.03.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-532](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-532)

EDN: [ONUGSW](https://www.edn.ru/ONUGSW)



УДК 101. 1: 316

Философия беременности: понимание экзистенциальных и этических аспектов

С.М. Мальцева^{1,2}, Т.П. Хозерова¹, А.С. Куликова³

¹Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация

²НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация

³Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Современный социальный контекст характеризуется усложнением проблемного поля, связанного с феноменом беременности. Исследование способствует развитию этико-экзистенциальной теории беременности.

Основной целью данного исследования является философский анализ беременности, раскрытие её экзистенциальных и этических сторон.

Гипотеза: беременность представляет собой антропологический кризис и фундаментальную трансформацию, в ходе которой женщина не только вынашивает новую жизнь, но и заново конструирует собственную идентичность, сталкиваясь с предельными вопросами смысла, ответственности и одиночества. Данное исследование опирается преимущественно на методологию аналитической философии, дополненной элементами герменевтического и экзистенциалистского подходов.

Результаты. Исследование вносит вклад в формирование философии беременности как особого междисциплинарного направления, предлагая концептуальный каркас для интеграции экзистенциального, этического и социально-политического анализа.

Ключевые слова: беременность; личность; ответственность; этика; материнство; самоопределение

Для цитирования. Мальцева, С. М., Хозерова, Т. П., & Куликова, А. С. (2026). Философия беременности: понимание экзистенциальных и этических аспектов. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 31–46. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-532>

The philosophy of pregnancy: understanding the existential and ethical aspects

S.M. Maltseva^{1,2}, T.P. Khozerova¹, A.S. Kulikova³

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,*

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

²*Nizhny Novgorod Institute of Railways - branch of the Volga State University*

of Railways, Nizhniy Novgorod, Russian Federation

³*Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering,*

Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. The modern social context is characterized by the increasing complexity of the problem field associated with the phenomenon of pregnancy. The research contributes to the development of the ethical and existential theory of pregnancy.

The main **purpose** of this study is a philosophical analysis of pregnancy, revealing its existential and ethical aspects.

Hypothesis: pregnancy represents an anthropological crisis and a fundamental transformation, during which a woman not only conceives a new life, but also re-constructs her own identity, facing the ultimate questions of meaning, responsibility and loneliness. This research is based primarily on the **methodology** of analytical philosophy, supplemented by elements of hermeneutical and existentialist approaches.

Results. The research contributes to the formation of the philosophy of pregnancy as a special interdisciplinary field, offering a conceptual framework for the integration of existential, ethical and socio-political analysis.

Keywords: pregnancy; personality; responsibility; ethics; motherhood; self-determination

For citation. Maltseva, S. M., Khozerova, T. P., & Kulikova, A. S. (2026). The philosophy of pregnancy: understanding the existential and ethical aspects. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 31–46. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-532>

Введение

Тема материнства затрагивает большое количество аспектов, превышающее рамки исключительно медицинской и биологической проблематики. Беременность существенно трансформирует внутренний мир женщины, заставляя задуматься о таких вопросах как смысл существования, самоидентификация и моральная обязанность, объединяя личные ощущения с универсальными жизнен-

ными темами. В последние десятилетия наблюдается тенденция рассматривать беременность как уникальную форму бытия человека, в котором объединены физические, психические и моральные элементы.

Несмотря на большое количество исследований в данной области, большинство из них ограничено либо какими-то специфическими медицинскими проблемами, либо какими-то отдельными юридическими аспектами. Отсутствие философской модели, раскрывающей комплексность и глубину опыта беременности, приводит к появлению нерешённых вопросов, имеющих значительное теоретическое и практическое значение. В частности, остаётся недостаточно изученным влияние беременности на самооценку и субъективное восприятие женщины, а также этические обязательства, возникающие в отношении плода.

Современный социальный контекст характеризуется усложнением проблемного поля, связанного с феноменом беременности. Данный вопрос давно перестал быть сугубо клиническим, перейдя в комплексную биологическую, психологическую, социокультурную проблему, оказывающую системное влияние на жизненный мир женщины. Беременность, связанная с позитивными ожиданиями, одновременно представляет собой экстремальный жизненный период, отмеченный целым спектром физиологических и психоэмоциональных нагрузок. Эмоциональное состояние женщины в это время отличается высокой лабильностью и амбивалентностью, колеблясь между эйфорией и глубокой тревогой, что усугубляется соматическим дискомфортом, болевыми синдромами и общей физиологической перестройкой организма.

Помимо объективных физиологических и социальных трудностей, беременность инициирует у женщины глубинный экзистенциальный кризис, сопровождающийся радикальной ревизией идентичности и ценностных ориентиров. Материнство представляет собой не просто приобретение новой социальной роли, а фундаментальную онтологическую трансформацию личности, затрагивающую ядро самости. В этот период происходит переосмысление

предназначения, семейной роли и места в социуме, что требует выработки новой, целостной картины мира. Несмотря на то, что классическая философия уделяет пристальное внимание вопросам свободы, ответственности и смысла жизни, феномен беременности – с его мощным экзистенциальным и социальным звучанием – остается на периферии философского дискурса, что представляет собой существенный пробел, учитывая его значение как для отдельной личности, так и для человечества в целом [20].

На сегодняшний день философская литература по этой теме остаётся относительно скромной. Существуют лишь отдельные работы, которые касаются беременности как самостоятельного предмета исследования. Беременность рассматривается авторами как акт самопознания и самореализации [4; 5].

Экзистенциальные и этические аспекты беременности действительно требуют глубокого анализа. Дебаты о начале жизни, правах нерождённого ребёнка и ответственности родителей актуализируются в современном обществе [13]. Наконец, современный уровень развития биотехнологий поднимает острые вопросы искусственного оплодотворения, генной инженерии и суррогатного материнства, что ставит новые задачи перед философией (табл. 1) [6; 7].

Таблица 1.

Типологизация основных позиций в биоэтических дебатах о деторождении**Table 1.** A Typology of Key Positions in the Bioethical Debate on Childbearing

Позиция	Представители	Принципы
Религиозно-консервативная	РПЦ, Ватикан, протестанты	Жизнь священна и неприкосновенна, дана Богом. Она начинается с зачатия, а аборт – это убийство. Природой нельзя манипулировать, а потому ЭКО и суррогатное материнство запрещены, евгеника в исключительных случаях
Либертарианская	П. Сингер – «освобождение жизни», Российская Ассоциация Репродукции Человека (РАРЧ), Европейское общество репродукции человека и эмбриологии (ESHRE)	Эмбрион не обладает моральным статусом личности до определенного срока. Женщина абсолютно свободна распоряжаться своим телом. Аборты и суррогатное материнство разрешены, евгеника допустима

Умеренно-либеральная	Ю. Хабермас («Будущее человеческой природы»)	Нужен общественный договор, нацеленный на сохранение родовой сущности человека («этика вида»). Евгеника недопустима, ЭКО допустимо для борьбы с бесплодием, суррогатное материнство также.
Радикальный феминизм	А. Дворкин	Репродуктивные технологии - новый инструмент патриархата и контроля над телом женщины. Против всех технологий

В российской действительности эти дебаты имеют специфику: позиция РПЦ оказывает значительное влияние на законодательство, что отражает победу консервативного дискурса в публичной политике, хотя либеральная критика сохраняется.

Материалы и методы

Основной целью данного исследования является философский анализ беременности, раскрытие её экзистенциальных и этических сторон. Подчеркнуть уникальное положение женщины в процессе вынашивания ребёнка, её внутреннее перерождение и стремление к поиску смысла и ответственности. Данное исследование опирается преимущественно на методологию аналитической философии, дополненной элементами герменевтического и экзистенциалистского подходов.

Результаты и обсуждение

Философия традиционно анализирует человеческое бытие через призму основных вопросов, касающихся сущности существования, смысла жизни и предназначения индивида. Проблематика беременности имеет глубокие корни в истории философской мысли и привлекает внимание представителей различных эпох и культур.

Так, в античное время Платон и Аристотель выделяли ключевую роль продолжения рода, рассматривая его как естественный процесс поддержания и развития цивилизации. В концепции Платона семья выступала составной частью идеального полиса, способствующего достижению баланса между личным благом и общественным устройством [17]. Аристотель, в свою очередь, подчёркивал значение вос-

питания потомства, аргументируя, что формирование добродетели происходит преимущественно в рамках семейного воспитания [3].

В средневековый период философы-христиане толковали феномен беременности преимущественно в религиозном контексте. Августин Блаженный трактовал рождение ребёнка как проявление божественного замысла, акцентируя внимание на необходимости в полном подчинении воле Бога [1]. Фома Аквинский, развивая идеи аристотелизма, рассматривал процесс зачатия и развития эмбриона, интегрируя биологические аспекты в общую богословскую парадигму [2].

Начиная с эпохи Просвещения, концепция беременности приобрела новый вектор исследования, сосредотачиваясь на правах женщины в контексте контроля над собственным телом и принятия решения о рождении ребёнка.

В современных научных работах уделяется значительное внимание психоэмоциональным аспектам беременности, которые анализируются в рамках психологии и этики. Среди отечественных исследователей примечательна деятельность А. Мимикиной, изучающей влияние образования на материнство и утверждающей, что образование способствует большей уверенности в успешности реализации в материнстве [15]. Также следует выделить Д. Татаркову, которая акцентирует внимание на проблематике репродуктивной свободы, подчёркивая критическую важность персонального выбора женщины относительно беременности и деторождения как следствия уважения к личности женщины, её способности принимать ответственные решения, касающиеся собственной жизни и тела [19].

Проблематика беременности представляет собой особую область, в рамках которой выявляются многие экзистенциальные вопросы.

Вопросы идентификационного характера: беременность вызывает глубокие изменения в восприятии собственного «я». Возникает дилемма: кем является женщина в этот период – будущей матерью или личностью, сохраняющей свои прежние черты? Рассматривается возможность изменения идентичности женщины под воздействием статуса ожидающей рождения ребёнка. При этом обнаруживается ситуация, когда внешние нормативы и внутренние переживания

конфликтуют, приводя к напряжённости между прошлым и предполагаемым будущим образом «я» [16; 21].

Можно сказать, что противоречия между общественными нормами, которые в какой-то степени определяют поведение будущей матери, и своими личными чувствами, способны вызвать эмоциональное напряжение. Например, девушка обычно едет в автобусе стоя, уступая, таким образом, место для пожилых, но теперь она должна ездить сидя, так как в новом статусе будущая мама и по общественным нормам должна так делать. В результате возникает противоречие между двумя стилями поведения.

Страх смерти: беременность сопровождается обострённым чувством уязвимости организма. Страх потерять здоровье или даже умереть во время родов является одним из проявлений базового экзистенциального страха, то есть чувства страха или беспокойства, который может появиться в виде мыслей о смерти, но одновременно беременность обретает новый смысл в виде наполнения жизни смыслом – заботой о новом существе. Реально по данным ВОЗ, уровень материнской смертности в России оценивается примерно в 30 случаев на 100 000 живорождений. Для сравнения: в США этот показатель составляет около 24 на 100000 (2020 г.), но с резкими расовыми различиями (до 70 среди женщин негроидной расы). Таким образом, этот страх хоть и опирается на реальные (хотя и редкие) риски, но его интенсивность часто не соответствует объективной статистической вероятности [14].

В современном обществе существуют различные форумы (babyblog.ru, woman.ru, babyplan.ru, и др.), на которых молодые мамы делятся своим опытом беременности и родов, вследствие чего у беременных может появиться страх негативного сценария, «накручивание» себя возможными ложными страхами, игнорирование того, что роды это перерождение личности – забота не только о себе, но и о продолжении себя.

Одиночество: чувство изоляции характерно для беременных женщин, несмотря на поддержку близких. Е.П. Сальникова заявляет, что высокий уровень одиночества испытывают 38% женщин, средний –

55% женщин, а низкий уровень – лишь 7% женщин [18]. Оно обусловлено специфическим опытом внутренних изменений, ощущений и переживаний, которые трудно передать другому человеку. Переживание за новую жизнь внутри себя формирует чувство уникальности и создаёт границу между внутренним и внешним миром.

Чувство одиночества возникает у беременных женщин и потому что они на какой-то срок ограничены в своих любимых занятиях. Например, долгие прогулки с друзьями могут сократиться с появлением у будущей мамы трудностей из-за отёка ног, что станет преградой в общение с окружающим миром и усилит чувство изоляции. Это подтверждается свидетельствами женщин, указывающих на важность поиска поддержки в такие моменты для будущих матерей [10; 11].

Анализ беременности в этическом контексте выявляет множество значимых вопросов.

1. Моральная ответственность: беременность возлагает на женщину особые обязанности. Поведение женщины в этот период оказывает воздействие не только на неё, но и на развивающийся плод внутри неё. Формируется новая категория моральной ответственности, которую трудно измерить количественно, но её наличие является безусловным и требует осознанного контроля и внимания [12]. В частности, употребление алкогольных напитков или курение способствуют возникновению тяжёлых патологий у ребёнка. Например, риск мертворождения уже от пассивного курения увеличивается на 13% [14]. В связи с этим формируется особая категория какой-либо ответственности в период беременности.

2. Право выбора: ключевой проблемой остаётся выбор женщины в отношении своего репродуктивного здоровья. Если рассматривать беременность исключительно как личное решение возникает этический вопрос о границах возможного вмешательства общества в жизнь индивида. Какова степень допустимого регулирования данного выбора государством с учётом общественных интересов? Либо же каждый случай подлежит индивидуальному рассмотрению на основе субъективных убеждений и пожеланий какой-то конкретной женщины? Важна самостоятельность при решении о беременности,

опора исключительно только на собственные предпочтения и жизненные обстоятельства. Такой выбор отражает уважение к праву личности на самоопределение, одновременно создавая условия для выражения своих взглядов и ценностей.

Исследование состояния беременности выходит за пределы рамок личных переживаний и влияет на формирование государственной политики гражданского общества. Обеспечение поддержки беременных женщин и молодых матерей рассматривается как ключевой элемент социально-экономической стабильности государства. Государственные меры включают в себя предоставление финансовых пособий, обеспечение доступности качественной медицинской помощи, а также создание условий, способствующих психологической реабилитации, если у будущей матери возникнет такая проблема как «послеродовая депрессия».

Данные меры направлены на формирование здорового поколения и укрепление национальной безопасности, что показывают результаты ряда эмпирических исследований (табл. 2) [16, с. 78].

Таблица 2.

Государственные меры поддержки беременных женщин

Table 2. Government Support Measures for Pregnant Women

Мера поддержки	Описание	Влияние на здоровое поколение	Вклад в национальную безопасность
Материнский капитал	Денежная выплата при рождении второго и последующих детей, а не только на первого ребёнка	Стимулирует рождаемость, улучшает материальное положение семей	Укрепляет демографическую стабильность, снижает риск сокращения численности населения
Бесплатная медицинская помощь	Обеспечение беременных и детей качественным медицинским обслуживанием	Снижает младенческую смертность, способствует здоровью нации	Повышает качество человеческого капитала, снижает нагрузку на систему здравоохранения
Программы дородового сопровождения	Консультации, наблюдения за беременными, школы будущих матерей	Уменьшает риски осложнений при родах, способствует рождению здоровых детей	Снижает затраты на лечение врождённых патологий, укрепляет генофонд

Льготная ипотека для семей с детьми	Субсидирование процентных ставок по ипотеке для семей с детьми	Улучшает жилищные условия, снижает стресс родителей в плане стабильности семьи	Повышает уровень жизни, снижает социальную напряжённость
Декретные выплаты и пособия	Финансовая поддержка женщин в период беременности и ухода за ребёнком	Обеспечивает стабильный доход, снижает уровень бедности среди семей с детьми	Уменьшает социальное неравенство, способствует экономической устойчивости
Развитие инфраструктуры детских садов	Строительство новых дошкольных учреждений, поддержка частных садов	Даёт возможность матерям раньше выйти на работу, улучшает социализацию детей	Повышает занятость, увеличивает экономическую активность населения

Существующая система достаточна по объёму вложений (94 млрд на охрану материнства и детства, 66,3 млрд на детское здравоохранение), но недостаточно эффективна. Эффективность сдерживается внешними факторами (рост цен на жильё, инфляция) и внутренней несогласованностью (формально доступная, но реально обесценивающаяся бюрократическими барьерами. Так многодетная семья для получения земли должна соответствовать критериям нуждаемости, а для льготного кредита – подтверждать высокий уровень дохода) [9]. Закрытие роддомов не отменяет меры поддержки, но делает их менее эффективными, превращая «право на бесплатную медицинскую помощь» в привилегию жителей крупных городов. В Архангельской области количество роддомов сократилось с 24 до 7. Женщины вынуждены ехать за 7-8 часов по плохим дорогам, что создает прямую угрозу жизни и здоровью. Таким образом, принимаемые меры все еще далеки от совершенства, но постоянно принимаются [8].

Деятельность активистов и некоммерческих организаций (благотворительный фонд «Женщины за жизнь», основатели Наталья Москвитина и Борис Корчевников; АНО «Спаси жизнь», «Душа мамы», и др.) значима для информирования общественности, защи-

те прав женщин, формирования дискуссионных платформ, касающихся сложных этических и социальных проблем. Реализация групп поддержки, консультационных служб и образовательных инициатив способствует повышению уровня информированности населения и развитию сознательного отношения к вопросам материнства.

Итоговый вывод свидетельствует о том, что беременность представляет собой не просто медицинское явление, а сложную социально-философскую конструкцию, насыщенную множеством смыслов и различных этических проблем. В современном социокультурном контексте данное состояние актуально через разнообразные философские концепции, которые формируют общественное восприятие материнства и соответствующих ролей в обществе.

Выводы

Проведённое философское исследование позволило осуществить анализ феномена беременности, раскрывая его сущность как комплексного экзистенциально-этического явления, выходящего далеко за рамки биологического процесса. Подтверждена центральная гипотеза о том, что беременность представляет собой антропологический кризис и фундаментальную трансформацию, в ходе которой женщина не только вынашивает новую жизнь, но и заново конструирует собственную идентичность, сталкиваясь с предельными вопросами смысла, ответственности и одиночества.

Историко-философская ретроспектива выявила эволюцию восприятия этого феномена: от античного понимания как гражданского долга перед полисом и средневековой трактовки в контексте божественного промысла до просвещенческой парадигмы, делавшей акцент на автономии и правах женщины. Современный этап характеризуется фокусировкой на психоэмоциональных аспектах и проблеме репродуктивного выбора, что знаменует смещение акцента с общественного долга на личную экзистенциальную драму и внутренние переживания женщины.

В этическом аспекте исследование систематизировало основные дилеммы, центральной из которых остаётся проблема репродуктив-

ного выбора, требующая балансирования между безусловной личной автономией женщины и допустимыми границами общественного регулирования. Параллельно формируется особая категория расширенной моральной ответственности, где действия и решения женщины напрямую определяют благополучие другого, зависимого существа. Государственные меры поддержки предстают не просто инструментами демографической политики, а практическим воплощением этических принципов справедливости и заботы, призванных создать условия, при которых экзистенциальный выбор в пользу материнства не будет сопряжён с непосильными социально-экономическими рисками.

Таким образом, исследование вносит вклад в формирование философии беременности как особого междисциплинарного направления, предлагая концептуальный каркас для интеграции экзистенциального, этического и социально-политического анализа. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения для разработки более гуманной социальной политики, образовательных программ и этического консультирования, где беременность рассматривается не как пассивное состояние, а как активный, смыслообразующий диалог женщины с собственным бытием и миром.

Список литературы

1. Аврелий, А. (2022). *О благе супружества*. Москва: Сибирская Благовонница, 160 с.
2. Аквинский, Ф. (2020). *Сумма теологии*. Москва: Издательство АСТ, 320 с.
3. Аристотель (2020). *Политика*. Москва: Академический Проект, 318 с.
4. Балевских, О. Ю. (2006). Преобразующая сила беременности: философско-этический аспект. В: *Вторые Лойфмановские чтения: Универсалии культуры: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 19–20 декабря 2006 г.)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, с. 185–190.
5. Басов, И. А. (2021). *Путь человека от зачатия до смерти, и немного дальше (экзистенциально-холистические аспекты)*. Москва: Автор, 276 с.
6. Быльева, Д. С. (2025). Цифровые моральные системы в симулированной и социальной реальности. *Вестник Мининского университета*, 13(2), с. 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-2-15>. EDN: <https://elibrary.ru/VGAYUK>

7. Герасимова, А. *Дизайнерские дети: можно ли родить ребёнка «под заказ»?* Retrieved from <https://unclinic.ru/dizajnerskie-deti-mozhno-li-rodit-rebenka-pod-zakaz/> (accessed: 02.02.2026)
8. Депутат Алескеров. *Оптимизация системы здравоохранения оставляет северян без медицины*. Retrieved from <https://ldpr.ru/event/deputat-aleskerov-optimizatsiya-sistemy-zdravookhraneniya-stavlyaet-severyan-bez-meditsiny/> (accessed: 02.02.2026)
9. ЕР возьмёт на особый контроль социальные расходы госбюджета — Кузнецова. Retrieved from https://rapsinews.ru/incident_news/20260114/311503271.html (accessed: 02.02.2026)
10. Ефимова, А. А., & Чеботарева, Е. Ю. (2018). Феномен одинокого материнства: взгляд изнутри. *Психология и психотерапия семьи*, 3, с. 5–17. <https://doi.org/10.17513/pps.2018.3.1>. EDN: <https://elibrary.ru/UWPIVS>
11. *Из послеродовой депрессии в горы с младенцем: каково это — быть молодой мамой*. Retrieved from <https://bloknot-krasnodar.ru/news/iz-poslerodovoy-depressii-v-gory-s-mladentsem-kakovo> (accessed: 02.02.2026)
12. Карпачева, М. В. (2022). Быть женщиной — терпеть боль. *Журнал клинического и прикладного психоанализа*, III(1), с. 124–137.
13. Копецкая, А., Копецкий, А., Иванов, В., & Трофимова, А. *Разговор по душам – философия беременности!* Retrieved from <https://mybook.ru/author/aleksandra-kopecskaya-ivanova/razgovor-po-dusham-filosofiya-beremennosti-3/> (accessed: 02.02.2026)
14. *Материнская и перинатальная смертность*. Retrieved from <https://www.msmanuals.com/ru/home/проблемы-со-здоровьем-у-женщин/осложнения-при-беременность/материнская-и-перинатальная-смертность?autoredirectid=35892> (accessed: 02.02.2026)
15. Мимикина, А. А. (2015). Образование матерей как средство развития компетентности в воспитании детей. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 2(97), с. 36–44. EDN: <https://elibrary.ru/TSGZCJ>
16. Немировская, Ю. В. (2007). Особенности социального статуса беременных женщин в современной России. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 2(46), с. 77–79. EDN: <https://elibrary.ru/IIVXSV>
17. Платон (2023). *Пир*. Москва: Рипол-Классик, 314 с.
18. Сальникова, Е. П. (2023). Особенности внутриличностного конфликта женщин в декрете. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 12-4(87), с. 68–70. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-12-4-68-70>. EDN: <https://elibrary.ru/WDFXNJ>
19. Татаркова, Д. (2021). *Беременность в радость. Как победить страхи, наслаждаться беременностью и подготовиться к счастливым родам*. Москва: Эксмо, 272 с.

20. Фахрудинова, Э. Р., & Суворов, В. В. (2021). Философия материнства: от ценностей марксизма к ценностям общества потребления. *Манускрипт*, 14(7), с. 1404–1408. <https://doi.org/10.30853/mns210261>. EDN: <https://elibrary.ru/ZSTTGJ>
21. Черных, Н. А. (2016). Материнство как социально-обусловленный феномен: эмпирическое исследование тревожности беременных. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 22, с. 94–96. EDN: <https://elibrary.ru/WKOPXZ>

References

1. Avreliy, A. (2022). *On the Good of Marriage*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, 160 pp.
2. Aquinas, T. (2020). *Summa Theologica*. Moscow: AST Publishing, 320 pp.
3. Aristotle (2020). *Politics*. Moscow: Academic Project, 318 pp.
4. Balevskikh, O. Yu. (2006). The transformative power of pregnancy: A philosophical and ethical aspect. In: *Second Loifman Readings: Cultural Universals: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Yekaterinburg, December 19–20, 2006)*. Yekaterinburg: Ural University Press, pp. 185–190.
5. Basov, I. A. (2021). *The Human Journey from Conception to Death, and a Bit Beyond: Existential and Holistic Aspects*. Moscow: Author, 276 pp.
6. Bylieva, D. S. (2025). Digital moral systems in simulated and social reality. *Bulletin of Minin University*, 13(2), p. 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-2-15>. EDN: <https://elibrary.ru/VGAYUK>
7. Gerasimova, A. *Designer babies: Is it possible to have a child “on order”?* Retrieved from <https://unclinic.ru/dizajnerskie-deti-mozhno-li-rodit-rebenka-pod-zakaz/> (accessed: 02.02.2026)
8. Deputy Aleskerov. *Healthcare optimization leaves northerners without medical care*. Retrieved from <https://ldpr.ru/event/deputat-aleskerov-optimizatsiya-sistemy-zdravookhraneniya-stavlyaet-severyan-bez-medsiny/> (accessed: 02.02.2026)
9. *United Russia will take social budget expenditures under special control — Kuznetsova*. Retrieved from https://rapsinews.ru/incident_news/20260114/311503271.html (accessed: 02.02.2026)
10. Efimova, A. A., & Chebotareva, E. Yu. (2018). The phenomenon of single motherhood: An insider's view. *Psychology and Family Psychotherapy*, 3, pp. 5–17. <https://doi.org/10.17513/pps.2018.3.1>. EDN: <https://elibrary.ru/UWPIVS>
11. *From postpartum depression to the mountains with a baby: What it's like to be a young mother*. Retrieved from <https://bloknot-krasnodar.ru/news/iz-poslerodovoy-depressii-v-gory-s-mladentsem-kakovo> (accessed: 02.02.2026)
12. Karpacheva, M. V. (2022). To be a woman is to endure pain. *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*, III(1), pp. 124–137.

13. Kopetskaya, A., Kopetsky, A., Ivanov, V., & Trofimova, A. *A heart-to-heart talk – the philosophy of pregnancy!* Retrieved from <https://mybook.ru/author/aleksandra-kopeckaya-ivanova/razgovor-po-dusham-filosofiya-beremennosti-3/> (accessed: 02.02.2026)
14. *Maternal and perinatal mortality*. Retrieved from <https://www.msmanuals.com/ru/home/проблемы-со-здоровьем-у-женщин/осложнения-при-беременность/материнская-и-перинатальная-смертность?autoredirectid=35892> (accessed: 02.02.2026)
15. Mimikina, A. A. (2015). Mothers' education as a means of developing parenting competence. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*, 2(97), pp. 36–44. EDN: <https://elibrary.ru/TSGZCJ>
16. Nemirovskaya, Yu. V. (2007). Features of the social status of pregnant women in modern Russia. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2(46), pp. 77–79. EDN: <https://elibrary.ru/IIVXSV>
17. Plato (2023). *Symposium*. Moscow: Ripol Classic, 314 pp.
18. Salnikova, E. P. (2023). Features of intrapersonal conflict in women on maternity leave. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 12 4(87), pp. 68–70. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-12-4-68-70>. EDN: <https://elibrary.ru/WDFXNJ>
19. Tatarkova, D. (2021). *Pregnancy Made Joyful: How to Overcome Fears, Enjoy Pregnancy, and Prepare for a Happy Birth*. Moscow: Eksmo, 272 pp.
20. Fakhruddinova, E. R., & Suvorov, V. V. (2021). The philosophy of motherhood: From Marxist values to consumer society values. *Manuscript*, 14(7), pp. 1404–1408. <https://doi.org/10.30853/mns210261>. EDN: <https://elibrary.ru/ZSTTGJ>
21. Chernykh, N. A. (2016). Motherhood as a socially conditioned phenomenon: An empirical study of anxiety in pregnant women. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 22, pp. 94–96. EDN: <https://elibrary.ru/WKXPZ>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, доцент, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС

*ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru*

Куликова Анна Сергеевна, студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами
Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
an.kulikova.kulikova@yandex.ru

Хозерова Татьяна Петровна, канд. филос. наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики, психологии

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

ул. Ильинская, 65, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
hozeroва@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor; Associate Professor of General and Professional Disciplines

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Nizhny Novgorod Institute of Railways - branch of the Volga State University of Railways

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

maltsewasvetlana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-1852>

Scopus Author ID: 57204862811

Anna S. Kulikova, Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

an.kulikova.kulikova@yandex.ru

Tatiana P. Khozerova, PhD, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy, Psychology

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

65, Ilyinskaya Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

hozeroва@bk.ru

Поступила 10.02.2026

После рецензирования 25.02.2026

Принята 11.03.2026

Received 10.02.2026

Revised 25.02.2026

Accepted 11.03.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-487](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-487)

EDN: [QMTQMW](https://www.edn.ru/qmtqmw)

УДК 140.8:101.1:316



Актуальные идеи русских космистов в контексте глобальных вызовов человечества

С.М. Мальцева^{1,2}, К.И. Мохнов¹, Е.А. Нагорнов²

¹Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация

²НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В данной статье осуществляется анализ ключевых положений философии русского космизма, формировавшейся в России в конце XIX-начале XX веков. Исследование охватывает замыслы ведущих представителей этого направления – Н. Фёдорова, К. Циолковского, В. Вернадского и других. Показана актуальность их взглядов в свете современных научных и технологических достижений, а также в контексте глобальных вызовов человечества.

Цель исследования – анализ идей русского космизма, выявление их актуальности в разных аспектах: философских и научных, а также установление направлений последующего развития этих идей в контексте передовых научных и технологических реалий.

Материалы и методы. Изучение основывается на историко-философском методе, рассмотрении первоисточников, методах сравнительного исследования и интерпретации. Также используется подход междисциплинарного анализа, включающий компоненты футурологии, биоэтики и эпистемологию, гносеологию и методологию науки.

Результаты. Рассмотрены убеждения таких философов, как Н. Фёдоров, К. Циолковский и В. Вернадский. Анализируется влияние их представлений на современные философские, научные и технологические подходы к улучшению человечества, включая трансгуманизм, биоэтику, футурологию и экологическую философию. Особое внимание уделено сопоставлению классических идей космистов с современными концепциями в науке, философии и техноэтике. Особое внимание уделяется трансгуманистическим элементам философии космизма, их влиянию на развитие футурологии, биотехнологий и экологической мысли.

Ключевые слова: русский космизм; философия; Федоров; Циолковский; Вернадский; ноосфера; бессмертие; космос; трансгуманизм; наука; религия

Для цитирования. Мальцева, С. М., Мохнов, К. И., & Нагорнов, Е. А. (2026). Актуальные идеи русских космистов в контексте глобальных вызовов человечества. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 47–60. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-487>

Current ideas of Russian cosmologists in the context of global challenges of mankind

S.M. Maltseva^{1,2}, K.I. Mokhnov¹, E.A. Nagornov²

¹*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Nizhny Novgorod Institute of Railways - branch of the Volga State University
of Railways, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

Background. This article analyzes the key provisions of the philosophy of Russian cosmism, which was formed in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The study covers the ideas of the leading representatives of this field – N. Fedorov, K. Tsiolkovsky, V. Vernadsky and others. The relevance of their views is shown in the light of modern scientific and technological achievements, as well as in the context of global challenges to humanity.

The **purpose** of this article is to analyze the ideas of Russian cosmism, to identify their relevance in various aspects: philosophical and scientific, as well as to establish the directions for the subsequent development of these ideas in the context of advanced scientific and technological realities.

Materials and methods. The study is based on the historical and philosophical method, consideration of primary sources, methods of comparative research and interpretation. An interdisciplinary analysis approach is also used, including components of futurology, bioethics and epistemology, epistemology and methodology of science.

Results. The beliefs of such philosophers as N. Fedorov, K. Tsiolkovsky and V. Vernadsky are considered. The influence of their ideas on modern philosophical, scientific and technological approaches to the betterment of humanity, including transhumanism, bioethics, futurology and environmental philosophy, is analyzed. Special attention is paid to the comparison of classical cosmist ideas with modern concepts in science, philosophy and technoethics. Special attention is paid to the transhumanistic elements of the philosophy of cosmism, their influence on the development of futurology, biotechnology and environmental thought.

Keywords: Russian cosmism; philosophy; Fedorov; Tsiolkovsky; Vernadsky; noosphere; immortality; space; transhumanism; science; religion

For citation. Maltseva, S. M., Mokhnov, K. I., & Nagornov, E. A. (2026). Current ideas of Russian cosmologists in the context of global challenges of mankind. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 47–60. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-487>

Введение

Русский космизм является уникальным философским течением, в котором идеи религиозного мессианства и научного прогресса объединяются в стремлении к радикальному преобразению мира и самого человека. Эту область нельзя однозначно отнести ни к чисто философскому, ни к религиозному, ни к научному. Она формировалась как интегративный подход, охватывающий вопросы метафизики, этики, космологии, биологии и социальной философии. На заре XX века идеи русских космистов воспринимались как утопические, но в XXI веке, в эпоху бурного развития технологий, они вновь приобретают значимость. Современное человечество сталкивается с масштабными вызовами: экологическими кризисами, технологической экспансией, моральной и философской дезориентацией. На этом фоне становится всё более актуальной потребность в целостной концепции, объединяющей науку, этику и метафизику.

Идеи русского космизма, ранее считавшиеся утопичными, начинают восприниматься как перспективная альтернатива односторонне технократическому мышлению. Любопытство и интерес к русскому космизму возрос в конце XX века.

К. Циолковский предложил теоретический фундамент исследования космоса и разработал технические проекты межпланетных полётов, рассматривая человека как существо, призванное выйти за пределы Земли. Он полагал, что прогресс науки и техники не только неизбежен, но и должен служить высшей цели – распространению разумной жизни во Вселенной. В своих трудах К. Циолковский описал конструкцию космических аппаратов, предложил принципы ракетного движения, изучал вопросы жизнеобеспечения в условиях невесомости и длительны. С. Полякова заявляет, что «совокупность

методологических принципов Циолковского представляет базу того мировоззрения, которому можно и нужно учиться сегодня» [13]. В. Вернадский внёс научное обоснование в философию космизма, сформулировав концепции биосферы и ноосферы. Он считал, что человек представляет собой неотъемлемую часть биосферы, активно преобразующую её через разумную деятельность. Согласно В. Вернадскому, разум делается новой геологической силой, способной изменить не только условия жизни на планете, но и её структуру [9].

Однако русский космизм подвергался и резкой критике, в частности, зарубежными исследователями. Так М. Хагемайстер свел все это направление к эзотерике и псевдонауке, при этом практически никак не обосновав свои выводы методологически, что заметил И. Александров [2; 18]. Д. Янг же не только сформулировал причины популярности русского космизма в России, но и указал в нем на вопросы, способствующие решению глобальных проблем [20]. Однако и он отмечает признаки эзотеризма, игнорируя переход космизма В. Вернадского и К. Циолковского в естественно-научное русло [1].

Таким образом, объединённый анализ трудов Н. Фёдорова, К. Циолковского и В. Вернадского демонстрирует сквозную для русского космизма мысль необходимости преодоления ограничений, навязанных природой, и перехода к сознательному управлению эволюцией человека и планеты с целью достижения гармонии, бессмертия и выхода в космическое пространство [16; 19]. Полученные результаты подтверждают гипотезу о значительном влиянии философии русского космизма на формирование современной футурологической, трансгуманистической и биоэтической мысли. Интерпретация идей Н. Фёдорова, К. Циолковского и В. Вернадского демонстрирует их созвучность вызовам антропоценовой эпохи, включая климатический кризис, демографические сдвиги и совершенствование технологий нейросетей и компьютерного разума.

Цель исследования – анализ идей русского космизма, выявление их актуальности в разных аспектах: философских и научных, а также установление направлений последующего развития этих идей в контексте передовых научных и технологических реалий.

Задачи исследования: установить концептуальные параллели между классическими идеями космизма и современными технологическими проектами в области продления жизни, нейроинтерфейсов, искусственного интеллекта и освоения космоса; определить роль идей русского космизма в формировании современной футурологической, трансгуманистической и биоэтической мысли; обосновать значение космизма как концептуального ресурса для решения актуальных цивилизационных вызовов.

Гипотеза заключается в том, что вопросы русского космизма могут быть переосмыслены и использованы в качестве ядра для современной научно-философской модели устойчивого развития человечества. Исследование покажет целостность и междисциплинарность идей русского космизма, определит их релевантность в контексте актуальных вызовов и предложит направления их адаптации к текущим социальным, научным и философским реалиям.

Научная новизна исследования заключается в комплексном междисциплинарном анализе философии русского космизма как действующего концептуального фундамента современных трансгуманистических, биотехнологических и космических проектов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для разработки философско-этического обоснования стратегий технологического развития, включая программы по продлению жизни, освоению космоса и созданию искусственного интеллекта. Материалы работы могут применяться в преподавании курсов по истории философии, философии науки, биоэтике и футурологии.

Материалы и методы

Изучение основывается на историко-философском методе, рассмотрении первоисточников, методах сравнительного исследования и интерпретации. Избранный метод позволяет выйти за рамки чисто исторической реконструкции и продемонстрировать прогностический и практический потенциал идей космистов, их способность служить смысловым каркасом для современных научных иници-

атив. Также используется подход междисциплинарного анализа, включающий компоненты футурологии, биоэтики и эпистемологию, гносеологию и методологию науки.

Результаты и обсуждение

Анализ работ философов антропокосмизма позволил выявить ряд сквозных идей, пронизывающих как классические философские концепции, так и современные трансгуманистические, футурологические и биотехнологические проекты [4; 8]. Идеи Н. Фёдорова о преодолении смерти и воскрешении предков средствами науки перекликаются с современными инициативами по продлению жизни, цифровому бессмертию и созданию виртуальных аватаров. Так И. Александров утверждает, что «суть учения федоровцев - трансгуманизм, который замаскирован под христианизированными морально-этическими представлениями» [3, с. 6]. Концепция К. Циолковского о неминуемом выходе человечества за рубеж нашей планеты и распространить живое по всей Вселенной воплощается в современных космических программах, включая проекты SpaceX и Blue Origin. Теория ноосферы Вернадского получила новое прочтение в рамках развития глобальных сетевых систем, нейросетей, искусственного интеллекта и концепции цифровых биосфер [5; 7].

Проекты по освоению космоса, разработке технологий цифрового бессмертия и управляемому изменению биосферы могут быть рассмотрены сквозь призму философии русского космизма. Особенно показательно это влияние в свете развития трансгуманистических проектов XXI века, таких как Neuralink, занимающийся созданием нейрокомпьютерных интерфейсов, или инициатив по цифровому бессмертию, например концепций цифровых аватаров и виртуальных реальностей для переноса человеческого сознания [14]. Компания, основанная И. Маском, разрабатывает нейроинтерфейсы для интеграции человеческого мозга с компьютерами. Эта технология перекликается с идеями русского космизма о расширении возможностей человека и преодолении биологических ограничений через разумную деятельность. Создание глобальных

цифровых экосистем и нейросетевых систем соответствует представлениям в космизме о ноосфере – пространстве коллективного разума. Платформы вроде Meta (бывший Facebook)¹, The Sandbox и виртуальные пространства Horizon Worlds используются как детали для формирования нового взаимодействия в антропосфере. Развиваются проекты по созданию технологий, формирующих фундамент будущей ноосферы, которые будут способствовать защите глобальной связи. Проекты по созданию нейросетевых интерфейсов рассматриваются как шаг к формированию ноосферных систем, о которых писал В. Вернадский. Эти проекты перекликаются с идеей Н. Фёдорова о победе над смертью через научное объединение усилий, а именно исследования в области цифрового бессмертия, которые включают проекты по переносу человеческого сознания в информационное пространство и создание виртуальных аватаров. Такие намерения, как Mind Uploading, Nectome и Eternime, воодушевлены идеями Н. Фёдорова о «воскрешении предков» и победе над смертью средствами науки. Также развиваются концепции цифровых двойников и искусственных личностей, как в проекте Soul Machines, который создает персонализированные цифровые аватары с частью искусственного интеллекта [14].

Проекты по типу «Россия 2045», или «The 2045 Initiative». Основанный российским медиаменеджером Д. Ицковым, проект декларирует создание искусственных тел-аватаров, перенос сознания и достижение цифрового бессмертия как прямое продолжение «общего дела» Н. Фёдорова по воскрешению предков и победе над смертью научными средствами [11]. Это начинание было также замотивировано идеями Н. Фёдорова о бессмертии и общем деле человечества. Подобные проекты исследуют пути радикального продления жизни. Ведутся работы над созданием цифровых копий человеческого мозга и полной имитации сознания. Исследования в сфере генной инженерии, тканевой инженерии, редактирования генома (CRISPR-Cas9), омоложения (Сенолитики, Биотехнология

¹ Компания Meta, а также социальные сети Facebook и Instagram признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории Российской Федерации.

омоложения), создания синтетических органов (3D-биопринтинг) и выращивания органов из стволовых клеток направлены на продление жизни и увеличение биологических характеристик человека. Это все перекликается с идеями космистов о намеренном управлении эволюцией человека. Также берут свое начало проекты создания биологических организмов, адаптированных к условиям других планет. Особое развитие получила концепция цифровой ноосферы, формируемая в рамках проектов РКО (Русское космическое общество) и НОЦ «Космическая философия». Разрабатываются имитации сетей ноосферы, направленные на объединение потенциала человечества. Современные проекты колонизации Марса и Луны, инициируемые корпорациями SpaceX и Blue Origin, также находятся в русле космистской традиции [15]. Программы по освоению Марса, созданию орбитальных станций и лунных баз являются прямым продолжением философии К. Циолковского, полагавшего, что человек должен выйти за пределы Земли и распространить разумную жизнь по Вселенной. Помимо SpaceX и Blue Origin, активно развиваются российские программы – в том числе проекты по созданию космических обитаемых модулей, межпланетных автоматических станций и перспективных пилотируемых кораблей «Орел». Крупнейшая международная инициатива NASA направлена на возвращение человека на Луну и создание первой постоянной лунной базы [12]. Эти замыслы стали основой современной космической программы, цель которой – создание автономных поселений за пределами Земли и подготовка к дальним межпланетным миссиям. Долгосрочные цели государственная корпорации «Роскосмос» содержат мессианские мотивы освоения космоса как судьбы человечества, что соответствует космистскому мировоззрению [6].

Современные экологические проекты, направленные на управление климатом (например, геоинжиниринг, или же программы по созданию искусственных облаков, орбитальных зеркал или отражающих солнечный свет аэрозольных слоёв в стратосфере), соответствуют идее Вернадского о разумной геологической деятельности человека. Исследования проводятся в рамках Climate Intervention

Strategies, Stratospheric Aerosol Injection (SAI), а также проектов по восстановлению ледников, солнечному затенению и поглощению углерода из атмосферы. Что касается представлений В. Вернадского о ноосфере, то современные концепции глобальных сетевых технологий, таких как Интернет вещей, искусственный интеллект, облачные вычисления и нейросетевые платформы, формируют цифровую инфраструктуру, которая всё больше начинает напоминать ноосферную модель информационного пространства. В научной литературе идут дискуссии о идеях цифровой биосферы и глобальных экосистемных платформ, что подтверждает современное прочтение теории Вернадского.

А если взглянуть на труды предыдущих авторов, видно, что ещё в советский период философия космизма исследовалась преимущественно в контексте истории философии и культуры. Акцент делался на религиозно-этическом аспекте мыслей Н. Фёдорова, их утопическом характере и влиянии на интеллектуальный климат XX века [14]. В ряде исследований отмечается воздействие идей Н. Фёдорова на формирование взглядов К. Циолковского.

Выводы

Проведённый анализ демонстрирует, что философские принципы русского космизма (антропокосмизма) – преодоление смерти, экспансия в космос, управление эволюцией и формирование ноосферы – не остались в сфере умозрительных утопий, но трансформировались в мощные культурные коды, определяющие цели и нарративы ключевых технологических проектов XXI века, включая трансгуманизм, геоинжиниринг и освоение космоса. Антропокосмизм выступает как философский прецедент и смысловой каркас для современных технаучных инициатив, обеспечивая им историко-интеллектуальную легитимацию и эсхатологическую масштабность.

Сопоставление с предшествующими исследованиями показало, что в советский период идеи космизма изучались преимущественно как культурно-исторический феномен. В отличие от этого, современное исследование делает акцент на их практическом и прогно-

стическом потенциале, демонстрируя их применимость для решения актуальных вызовов антропоценовой эпохи.

К числу ограничений исследования следует отнести методологическую сложность сопоставления философских концепций столетней давности с реалиями XXI века, а также ограниченность объёма отечественных исследований, посвящённых прямому воздействию космизма на современные научные и технологические проекты. Ключевыми векторами будущих исследований являются изучение трансформации космистских идей в постсоветской философии, их интеграции в глобальные концепции устойчивого развития, биомедицинской этики, космической медицины и технологий цифрового бессмертия. Особый интерес представляют проекты по управляемому изменению биосферы, созданию ноосферных сетей и освоению космоса в контексте этико-философских принципов русского космизма [10; 14].

Таким образом, философия русского космизма выступает не только уникальным историко-философским феноменом, но и мощным интеллектуальным ресурсом для выработки последних моделей взаимодействия человека с природой, обществом и технологической средой в условиях мировых цивилизационных вызовов.

Список литературы

1. Александров, И. Ю. (2023). Концепция русского космизма Джорджа Янга. *Вестник СПбГИК*, (1), 6–11. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-1-6-11>. EDN: <https://elibrary.ru/PLBAOK>
2. Александров, И. Ю. (2023). Концепция русского космизма Михаэля Хагемайстера. *Вестник СПбГИК*, (3), 6–12. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-3-6-13>. EDN: <https://elibrary.ru/JECQPS>
3. Александров, И. Ю. (2023). К вопросу об истории становления русского космизма. *Вестник СПбГИК*, 2(55), 6–12. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-6-12>. EDN: <https://elibrary.ru/NYQVIB>
4. Балашова, Е. С., Немова, О. А., & Свадьбина, Т. В. (2025). К вопросу об актуальных критериях оценки качества педагогической деятельности. *Казанская наука*, (10), 38–40. EDN: <https://elibrary.ru/AQODOM>
5. Быльева, Д. С. (2025). Цифровые моральные системы в симулированной и социальной реальности. *Вестник Мининского университета*, 13(2), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-2-15>. EDN: <https://elibrary.ru/VGAYUK>

6. Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» [Электронный ресурс]. Получено 22.05.2025, из: <https://www.roscosmos.ru/>
7. Гришин, Я. (n. d.). SpaceX и Blue Origin: как миллиардеры сражаются за космос. Получено 12.01.2026, из: <https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/spacex-i-blue-origin-kak-milliarderi-srazhayutsya-za-kosmos>
8. Дубов, О. Л. (2023). Концептуальные основания развития идеи русского космизма на современном этапе. *Universum: общественные науки*, (1), 15–18. EDN: <https://elibrary.ru/HFBREB>
9. Задорожная, К. В. (2024). Человек и природа в русском космизме: концепции Н. Ф. Фёдорова и В. И. Вернадского. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, (3), 23–27. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-44-23-27>. EDN: <https://elibrary.ru/YXEZER>
10. Иванова, В. А. (2021). Ноосферный образ человека: реальность и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, (6), 81–85. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-6-81-85>. EDN: <https://elibrary.ru/TGUXZM>
11. «Инициатива 2045» утверждает, что через 30 лет бессмертие станет возможным благодаря компьютерному управлению мозгом и голографическим телам [Электронный ресурс]. Получено 22.05.2025, из: <https://www.businessinsider.com/initiative-2045-says-we-will-be-brain-computers-in-hologram-bodies-in-30-years-2012-7>
12. Планы NASA, SpaceX и Роскосмоса по колонизации Луны и Марса к 2050 году. Сроки миссий, технологии и прогнозы экспертов [Электронный ресурс]. Получено 22.05.2025, из: <https://science.mail.ru/articles/6514-kakim-budet-kosmos-cherez-25-let/>
13. Полякова, С. А. (2022). Философия космизма и методологические принципы в работах К. Циолковского. *Вестник ПГПУ. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки*, (2), 74–81. <https://doi.org/10.24412/2308-7196-2022-2-74-81>. EDN: <https://elibrary.ru/BULEKT>
14. Прохоров, М. М. (2020). Русский космизм, концепция ноосферы и марксизм. *Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки*, (1), 97–108. EDN: <https://elibrary.ru/MUMHAF>
15. Русское космическое общество [Электронный ресурс]. Получено 22.05.2025, из: <https://cosmatica.org/>
16. Семёнова, С. Г. (2020). *Созидание будущего. Философия русского космизма*. Москва: Ноократия, 458 с.
17. Технология переноса человеческого разума в облако [Электронный ресурс]. Получено 22.05.2025, из: <https://www.drive2.ru/c/497374806136586845/>
18. Хагемайстер, М. (1998). Русский космизм в 20-е годы и сегодня. *Страницы: богословие, культура, образование*, 3(2), 182–198.

19. Чечнева, М. И. (2019). Философия русского космизма. *Инновационная наука*, (5), 130–133. EDN: <https://elibrary.ru/UYTBNP>
20. Young, G. M. (2011). Esoteric elements in Russian cosmism. *The Rose+Croix Journal*, 8, 124–139.

References

1. Alexandrov, I. Yu. (2023). The concept of Russian cosmism by George Young. *Bulletin of SPbGIK*, (1), 6–11. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-1-6-11>. EDN: <https://elibrary.ru/PLBAOK>
2. Alexandrov, I. Yu. (2023). The concept of Russian cosmism by Michael Hagemeister. *Bulletin of SPbGIK*, (3), 6–12. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-3-6-13>. EDN: <https://elibrary.ru/JECQPS>
3. Alexandrov, I. Yu. (2023). On the history of the formation of Russian cosmism. *Bulletin of SPbGIK*, 2(55), 6–12. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2023-2-6-12>. EDN: <https://elibrary.ru/NYQVIB>
4. Balashova, E. S., Nemova, O. A., & Svad'bina, T. V. (2025). On current criteria for assessing the quality of pedagogical activity. *Kazan Science*, (10), 38–40. EDN: <https://elibrary.ru/AQODOM>
5. Byl'eva, D. S. (2025). Digital moral systems in simulated and social reality. *Bulletin of Minin University*, 13(2), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-2-15>. EDN: <https://elibrary.ru/VGAYUK>
6. State Corporation for Space Activities “Roscosmos” [Electronic resource]. Retrieved on May 22, 2025, from: <https://www.roscosmos.ru/>
7. Grishin, Ya. (n. d.). SpaceX and Blue Origin: how billionaires are fighting for space. Retrieved on January 12, 2026, from: <https://journal.sovcombank.ru/umnii-potrebitel/spacex-i-blue-origin-kak-milliarderi-srazhayutsya-za-kosmos>
8. Dubov, O. L. (2023). Conceptual foundations for the development of the idea of Russian cosmism at the present stage. *Universum: Social Sciences*, (1), 15–18. EDN: <https://elibrary.ru/HFBREB>
9. Zadorozhnaya, K. V. (2024). Man and nature in Russian cosmism: the concepts of N. F. Fedorov and V. I. Vernadsky. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, (3), 23–27. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2024-44-23-27>. EDN: <https://elibrary.ru/YXEZER>
10. Ivanova, V. A. (2021). The noospheric image of man: reality and prospects. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, (6), 81–85. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-6-81-85>. EDN: <https://elibrary.ru/TGUXZM>
11. “Initiative 2045” claims that in 30 years immortality will become possible thanks to brain-computer control and holographic bodies [Electronic resource]. Retrieved on May 22, 2025, from: <https://www.businessinsider.com/initiative-2045-says-we-will-be-brain-computers-in-hologram-bodies-in-30-years-2012-7>

12. NASA, SpaceX, and Roscosmos plans for colonizing the Moon and Mars by 2050: mission timelines, technologies, and expert forecasts [Electronic resource]. Retrieved on May 22, 2025, from: <https://science.mail.ru/articles/6514-kakim-budet-kosmos-cherez-25-let/>
13. Polyakova, S. A. (2022). The philosophy of cosmism and methodological principles in the works of K. Tsiolkovsky. *Bulletin of PGSPU. Series 3. Humanities and Social Sciences*, (2), 74–81. <https://doi.org/10.24412/2308-7196-2022-2-74-81>. EDN: <https://elibrary.ru/BULEKT>
14. Prokhorov, M. M. (2020). Russian cosmism, the concept of the noosphere, and Marxism. *Bulletin of ISU. Series: Humanities*, (1), 97–108. EDN: <https://elibrary.ru/MUMHAF>
15. Russian Space Society [Electronic resource]. Retrieved on May 22, 2025, from: <https://cosmatica.org/>
16. Semenova, S. G. (2020). *Creating the future: philosophy of Russian cosmism*. Moscow: Nookratiya, 458 p.
17. Technology for transferring human consciousness to the cloud [Electronic resource]. Retrieved on May 22, 2025, from: <https://www.drive2.ru/c/497374806136586845/>
18. Hagemester, M. (1998). Russian cosmism in the 1920s and today. *Pages: Theology, Culture, Education*, 3(2), 182–198.
19. Chechneva, M. I. (2019). Philosophy of Russian cosmism. *Innovative Science*, (5), 130–133. EDN: <https://elibrary.ru/UYTBNP>
20. Young, G. M. (2011). Esoteric elements in Russian cosmism. *The Rose+Croix Journal*, 8, 124–139.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, доцент, канд. филос. наук, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС

*ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru*

Мохнов Кирилл Ильич, студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами

Мининский университет

*ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
kirill20066788@gmail.com*

Нагорнов Евгений Александрович, доцент, канд. культурологии, доцент
НИПС - филиал ПривГУПС
пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
evnagor@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor; Associate Professor of General and Professional Disciplines
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Nizhny Novgorod Institute of Railways - branch of the Volga State University of Railways
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
maltsewasvetlana@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-1852>
Scopus Author ID: 57204862811

Kirill I. Mokhnov, Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
kirill20066788@gmail.com

Evgeny A. Nagornov, Associate Professor, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines
Nizhny Novgorod Institute of Railways - branch of the Volga State University of Railways
3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
evnagor@yandex.ru

Поступила 05.02.2026

После рецензирования 28.02.2026

Принята 07.03.2026

Received 05.02.2026

Revised 28.02.2026

Accepted 07.03.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-542](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-542)

EDN: [LTGBKS](https://www.edn.ru/ltgbks)

УДК 37.01



Ответственность как учебный предмет: философские основания новой дидактики

Е.Ф. Мороз

*Красноярский институт железнодорожного транспорта,
Красноярск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В современном российском образовании социальная ответственность нормативно закреплена в качестве личностного результата обучения и воспитания. Однако её онтологическая природа остаётся не прояснённой: ответственность не сводится ни к знанию, ни к навыку, ни к компетенции. Возникает противоречие между педагогической риторикой «формирования ответственности» и отсутствием философского обоснования самой возможности и границ её дидактизации.

Цель исследования – обосновать онтологическую нередуцируемость ответственности как события, выявить имманентные парадоксы её дидактизации и предложить концептуальные основания альтернативной дидактической модели, в которой ответственность выступает не предметом изучения, а сквозным измерением образовательного процесса.

Материалы и методы. Исследование опирается на философские тексты Х. Йонаса, И. де Женнаро, Р. Люфтера, К. Ясперса, задающие онтологическую и феноменологическую рамку понимания ответственности. В качестве источников также использованы нормативные документы (ФГОС), педагогические исследования и зарубежные работы по гражданскому образованию.

Методологический инструментарий включает феноменологический метод (выявление способа данности ответственности в опыте), компаративный анализ (сопоставление педагогического и философского дискурсов), метод парадоксализации (фиксация внутренних противоречий дидактизации) и концептуальное моделирование (построение альтернативной дидактической стратегии).

Результаты. Установлено, что ответственность имеет событийную, а не субстанциальную природу: она не существует в латентном состоянии как «способность» или «качество», но актуализируется исключительно в ситуации ответа на вызов. Выявлены четыре принципиальных парадокса, возникающих при попытке сделать ответственность учебным предметом: парадокс трансляции (знание транслируемо, ответственность – нет), парадокс проверки (ответственность, ставшая объектом оценивания, подменяется симуляцией), парадокс субъекта (традиционная дидактика производит носителей компетенций, а не ответственных субъектов), парадокс времени (образование работает с завершённым прошлым, ответственность обращена в открытое будущее).

Доказано, что данные парадоксы носят не технологический, а сущностный характер и не могут быть разрешены совершенствованием методик. В качестве альтернативы предложена концепция «респонсивной дидактики», в рамках которой ответственность перестаёт быть содержанием образования и становится его сквозным измерением, трансформирующим три компонента: содержание (организуется вокруг проблемных ситуаций, требующих ответа), методы (приоритет событийных форматов), позицию педагога (учитель как свидетель, а не транслятор).

Сделан вывод, что ответственность может и должна присутствовать в образовании, но не как отдельная дисциплина, а как способ существования самого образования – открытого, событийного, обращённого к будущему.

Ключевые слова: социальная ответственность; дидактика; учебный предмет; философия образования; субъектность; респонсивность; онтологический статус ответственности; парадоксы образования; событийная педагогика

Для цитирования. Мороз, Е. Ф. (2026). Ответственность как учебный предмет: философские основания новой дидактики. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 61–84. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-542>

Responsibility as an academic subject: philosophical foundations of a new didactics

E.F. Moros

*Krasnoyarsk Rail Transport Institute – Branch of Irkutsk State Transport University,
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

Background. In contemporary Russian education, social responsibility is normatively established as a personal outcome of teaching and upbringing. However, its ontological nature remains unclear: responsibility cannot be reduced to knowledge, skill,

or competence. A contradiction arises between the pedagogical rhetoric of «forming responsibility» and the lack of philosophical justification for the very possibility and limits of its didactization.

Purpose. To substantiate the ontological irreducibility of responsibility as an event, to reveal the immanent paradoxes of its didactization, and to propose the conceptual foundations of an alternative didactic model in which responsibility acts not as a subject of study, but as a pervasive dimension of the educational process.

Materials and methods. The study draws upon philosophical texts by H. Jonas, I. De Gennaro, R. Luftner, and K. Jaspers, which provide the ontological and phenomenological framework for understanding responsibility. Sources also include normative documents (Federal State Educational Standards), pedagogical research, and foreign works on citizenship education. The methodological toolkit comprises the phenomenological method (identifying the mode in which responsibility is given in experience), comparative analysis (contrasting pedagogical and philosophical discourses), the method of paradoxalization (identifying internal contradictions of didactization), and conceptual modeling (constructing an alternative didactic strategy).

Results. It has been established that responsibility possesses an event-based, rather than substantial, nature: it does not exist in a latent state as an «ability» or «quality» but is actualized exclusively in the situation of responding to a challenge. Four fundamental paradoxes arising from the attempt to make responsibility an academic subject are identified: the paradox of transmission (knowledge is transmittable, responsibility is not), the paradox of assessment (responsibility, having become an object of evaluation, is supplanted by simulation), the paradox of the subject (traditional didactics produces bearers of competencies, not responsible subjects), and the paradox of time (education works with the completed past, responsibility is oriented toward an open future). It is demonstrated that these paradoxes are not technological but essential in nature and cannot be resolved by improving teaching methods. As an alternative, the concept of «responsivity didactics» is proposed, within which responsibility ceases to be the content of education and becomes its pervasive dimension, transforming three components: content (organized around problematic situations requiring a response), methods (prioritizing event-based formats), and the teacher's position (the teacher as a witness rather than a transmitter). It is concluded that responsibility can and should be present in education, not as a separate discipline, but as a mode of existence of education itself – open, event-based, and oriented toward the future.

Keywords: social responsibility; didactics; academic subject; philosophy of education; subjectivity; responsivity; ontological status of responsibility; paradoxes of education; event-based pedagogy

For citation. Moros, E. F. (2026). Responsibility as an academic subject: philosophical foundations of a new didactics. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 61–84. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-542>

Введение

В последние десятилетия проблематика социальной ответственности заняла устойчивое положение в нормативном поле российского образования. Как подчёркивают В.В. Лихолетов и А.Г. Абдуллин, задачи воспитания «ответственного поколения» и формирования гражданских убеждений являются сегодня приоритетными на государственном уровне и активно обсуждаются в научной литературе [14, с. 82-83]. Федеральные государственные образовательные стандарты фиксируют ответственность в числе ключевых личностных результатов, программы воспитания включают её в целевые ориентиры, разрабатываются педагогические конструкты и методики её формирования [8; 11; 25]. Однако за интенсивной педагогической разработкой темы скрывается фундаментальная теоретическая лакуна: онтологический статус ответственности остаётся не прояснённым. В новейших философских исследованиях эта проблема осмысливается через категорию «онтологии нравственного». Как убедительно показывает А.О. Карпов, нравственное (а следовательно, и ответственность как его модус) есть «фундаментально определяющее и онтологически основывающее феномен образования», однако современное образование «все более исключает нравственное из своей деятельности, тем самым разрушая свое человеческое основание» [12, с. 51]. Возникает противоречие между имплицитной презумпцией дидактики (ответственность можно «формировать» теми же методами, что и знания) и отсутствием философского обоснования самой возможности и границ такой дидактизации.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые проблема дидактизации ответственности ставится не как методическая, а как онтологическая и парадоксальная. В отличие от существующих педагогических исследований, ориентированных на поиск эффективных способов «формирования» ответственности, автор исходит из презумпции принципиальной нередуцируемости ответственности к традиционным дидактическим форматам. Вводится и обосновывается понятие «респонсивная дидактика», которое не имеет аналогов в отечественной философии образования. Впервые систематически

выявляются и анализируются четыре имманентных парадокса дидактизации ответственности.

Отечественная педагогическая традиция представлена работами Л.П. Разбегаевой [19], Е.А. Мацефук [16], Т.П. Гордиенко и А.С. Хоменко [6], Е.М. М.В. Осипова [17], в которых разрабатываются методические аспекты формирования ответственности и ценностных ориентаций. Однако, как будет показано далее, даже эти разработки сохраняют презумпцию «формирования», не проблематизируя онтологический статус самого феномена. Философско-педагогические основания образования разрабатывались в трудах Б.С. Гершунского [5]. Зарубежные исследования (J. Westheimer, J. Kahne [25], G. Richards [18]) сосредоточены преимущественно на проблематике citizenship education и критике инструменталистского подхода к гражданскому воспитанию. Философская традиция осмысления ответственности представлена этикой Х. Йонаса [11], феноменологическими исследованиями И. де Дженнаро и Р. Люфтера [9], экзистенциально-педагогическими идеями К. Ясперса [24]. Кроме того, в работе привлекаются идеи античной этики (Аристотель [1]), экзистенциально-феноменологической традиции (С.Л. Рубинштейн [21], М. Бубер [4], Э. Левинас [13]), эпистемологии личностного знания (М. Полани [18]) и теории самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан [8]), позволяющие углубить понимание субъектной и мотивационной природы ответственности. Однако в существующей литературе отсутствует концептуальный синтез философского понимания ответственности и дидактической проблематики; именно этот синтез осуществлён в настоящем исследовании.

Выявленный разрыв в исследовательской литературе определяет цель настоящей работы – обосновать онтологическую нередуцируемость ответственности как события, выявить имманентные парадоксы её дидактизации и предложить концептуальные основания альтернативной дидактической модели. Исходя из предварительного анализа философской традиции, автор выдвигает гипотезу о том, что ответственность не может быть учебным предметом в традиционном смысле, но может выступать сквозным измерением

образовательного процесса, трансформирующим его содержание, методы и позицию педагога.

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составляют три группы источников.

Первую группу образуют философские тексты, задающие онтологическую рамку понимания ответственности. Работа Х. Йонаса «Принцип ответственности» [11] позволяет трактовать ответственность как онтологическое обязательство перед бытием. Исследования И. де Дженнаро и Р. Люфтера [9] вводят понятие «респонсивности», фиксирующее способность человека отвечать на вызовы мира. Античная традиция, представленная «Никомаховой этикой» Аристотеля [1], задаёт исходную модель понимания добродетелей. Экзистенциально-феноменологические идеи С.Л. Рубинштейна [21] и диалогическая философия М. Бубера [4] раскрывают субъектную природу ответственного бытия. Эпистемология личностного знания М. Полани [18] позволяет дифференцировать транслируемое знание и необъективируемое личностное отношение, а теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [8] – проанализировать влияние внешней мотивации на формирование ответственности.

Вторую группу составляют нормативные документы и педагогические исследования. Федеральные государственные образовательные стандарты [22] фиксируют ответственность как целевой ориентир, а работы отечественных авторов (Т.П. Гордиенко, Е.А. Мацефук, Л.П. Разбегаевой и др. [6; 16; 19]) содержат анализ методических аспектов её формирования.

Третью группу образуют зарубежные исследования в области гражданского образования (J. Westheimer, G. Richards и др. [20; 25]), позволяющие осуществить компаративный анализ российской и западной традиций.

Методологическую основу исследования определяет характер поставленной проблемы, требующей концептуального анализа. Применение феноменологического метода позволило вынести за

скобки сложившиеся педагогические представления и выявить событийную, несубстанциальную природу ответственности. Компаративный анализ обеспечил сопоставление педагогического и философского дискурсов, зафиксировав их онтологические расхождения. Авторский метод парадоксализации дал возможность трактовать трудности дидактизации не как технологические сбои, а как имманентные границы самой дидактической формы. Концептуальное моделирование, использованное на завершающем этапе, послужило для построения альтернативной стратегии – респонсивной дидактики, в рамках которой ответственность выступает не содержанием, а сквозным измерением образования.

Логика и дизайн исследования

Исследование выстроено как движение от онтологической диагностики через парадоксализацию к концептуальному проектированию. На первом этапе осуществляется феноменологическая редукция педагогических представлений об ответственности, позволяющая выявить событийную природу феномена. Второй этап посвящён систематической реконструкции парадоксов, возникающих при попытке дидактизации ответственности; каждый парадокс рассматривается не как временное затруднение, а как имманентная граница. Третий этап представляет собой концептуальное моделирование – построение альтернативной дидактической стратегии (респонсивной дидактики), в которой ответственность перестаёт быть предметом и становится измерением. Такая трёхчастная логика позволяет избежать как наивного оптимизма («мы можем сформировать всё, что захотим»), так и педагогического нигилизма («ответственность вообще не относится к образованию»).

Избранная методологическая стратегия позволяет не просто констатировать трудности дидактизации ответственности, но выявить их глубинные, онтологические основания. Переход к анализу этих оснований требует ответа на вопрос, который обычно остаётся за скобками педагогического дискурса, что такое ответственность по способу своего существования?

Результаты и обсуждение

Онтологический статус ответственности: критика субстанционального подхода и обоснование событийной парадигмы

В современном педагогическом дискурсе ответственность преимущественно трактуется как качество личности, подлежащее формированию, развитию и диагностике. Имплицитно здесь работает субстанциональная онтология: ответственность мыслится как относительно устойчивое свойство индивида, которое может быть актуализировано и закреплено посредством целенаправленных воспитательных воздействий. Эта презумпция находит выражение в устойчивых речевых оборотах, таких как «формирование ответственности», «уровень сформированности», «диагностика ответственности», «развитие ответственного поведения» [6; 16; 20]. Предполагается, что ответственность существует в латентном состоянии – как потенция, которую педагогическими средствами можно перевести в актуальное качество.

Данная онтологическая установка не является специфически педагогической. Она восходит к аристотелевской традиции понимания добродетелей как гексес (устойчивых диспозиций), которые приобретаются через упражнение и закрепляются в характере (Аристотель, «Никомахова этика», кн. II). В этом смысле ответственность оказывается в одном ряду с честностью, мужеством, справедливостью: предполагается, что, подобно этим добродетелям, она может быть «воспитана» многократным повторением соответствующих поступков.

Однако применение этой модели к ответственности сталкивается с принципиальным затруднением. В отличие от честности или мужества, ответственность не имеет собственного предметного содержания, которое могло бы быть выделено и закреплено вне контекста. Честность проявляется в ситуациях обмана/правды, мужество – в ситуациях опасности, но ответственность всегда интенциональна и реляционна, она указывает на объект (ответственность за что-то) и адресата (ответственность перед кем-то). Вне этой отнесённости понятие ответственности теряет определённую

и превращается в абстракцию, не имеющую экзистенциального наполнения [19, с. 23-24].

Феноменологический анализ, предпринятый в русле респонсивной этики, позволяет увидеть иную онтологическую структуру. Как показывают И. де Дженнаро и Р. Люфтер, ответственность не есть свойство субъекта, которое он имеет до и независимо от ситуации; она есть способ бытия, актуализирующийся в событии ответа на вызов [9, с. 592-595]. Человек не «обладает» ответственностью как вещью – он оказывается ответственным, будучи поставлен перед необходимостью отвечать. До этой ситуации есть лишь абстрактная возможность, которая, по точному замечанию С.Л. Рубинштейна, «ничем не отличается от её отсутствия, пока не реализована в действии» [21, с. 78].

Различие между субстанциальным и событийным пониманием ответственности может быть описано через аристотелевскую оппозицию потенции и акта.

В первом случае ответственность трактуется по аналогии с навыком: его можно тренировать, наращивать, измерять, и он сохраняется как латентное качество даже в отсутствие актуализации. Во втором случае ответственность подобна акту мышления или речи, она существует лишь в самом акте осуществления, вне этого акта мы имеем дело не с ответственностью, а лишь со способностью, которая может никогда не реализоваться.

Это различие имеет принципиальные педагогические следствия. Если ответственность есть событие, а не свойство, то она не может быть сформирована путём тренировочных упражнений, подобно навыку. Нельзя «натренировать» ответственность, многократно помещая ученика в квази-ответственные ситуации с гарантированно безопасным исходом, поскольку подлинная ответственность начинается там, где результат не гарантирован, где есть риск ошибки, где последствия поступка не могут быть полностью просчитаны. Как отмечает А.О. Карпов, нравственное, а следовательно, и ответственность как его проявление, не может быть транслировано через готовые образцы, но требует от человека личностного

усилия и самоопределения в ситуации, не имеющей готового решения [12, с. 55].

Именно поэтому многие ситуации, моделируемые в учебном процессе, не порождают ответственности, а лишь имитируют её внешние проявления. Ученик «отвечает» за подготовку проекта, но цена ошибки – сниженная оценка, а не реальное изменение положения дел; ученик «несёт ответственность» за дежурство по классу, но последствия неисполнения ограничены замечанием учителя. Эти ситуации важны для освоения социальных ролей и норм (социализации), но они онтологически не тождественны ситуации подлинного вызова, требующего экзистенциального ответа [11, с. 112-115].

Отсюда следует вывод, который может быть воспринят как дискуссионный для педагогического сообщества: значительная часть того, что в образовании называется «формированием ответственности», на деле формирует не ответственность как экзистенциальную способность, а её симулякр – способность демонстрировать поведение, соответствующее ожиданиям. Это не означает, что подобная работа бесполезна. Однако она должна быть корректно концептуализирована, речь идёт не о формировании ответственности, а о социализации – освоении социально приемлемых паттернов поведения, которые могут стать основой для последующего возникновения подлинной ответственности, но не гарантируют её.

Подлинная ответственность, понятая как событие ответа на вызов, не может быть гарантирована никакой педагогической технологией. Она может лишь случиться – при наличии соответствующих условий, но без возможности принудительного производства. Задача образования в этом контексте радикально переопределяется: не «формировать» ответственность, а удерживать открытой возможность её возникновения, создавая пространство для подлинных вызовов и личностных ответов.

Четыре парадокса дидактизации ответственности

Выявленный событийный, несубстанциальный характер ответственности вступает в фундаментальное противоречие с базовыми установками традиционной дидактики. Это противоречие носит не

технологический, а сущностный характер, оно укоренено в самих основаниях педагогического мышления и потому может быть описано как система имманентных парадоксов. Каждый из рассматриваемых парадоксов фиксирует определённую грань несовместимости ответственности с логикой учебного предмета и указывает на принципиальные границы её дидактизации.

Первый парадокс трансляции. Традиционная дидактика основывается на презумпции транслируемости содержания образования. Знание (информация, факты, теории, алгоритмы) может быть передано от учителя к ученику, зафиксировано в текстах, воспроизведено и проверено. Эта презумпция опирается на эпистемологическую модель, в которой знание существует независимо от субъекта и поддаётся объективации.

Ответственность, напротив, необъективируема. Она не может быть «передана» подобно правилу или формуле. Возможна лишь трансляция знания об ответственности – моральных норм, примеров ответственного поведения, призывов быть ответственным. Однако, как показано в исследованиях личностного знания [18], такое знание не конституирует субъекта ответственного поступка. Усвоение информации о должном не тождественно формированию внутреннего императива.

Г. Ричардс, анализируя программы нравственного воспитания, фиксирует характерный сдвиг: «Вместо того чтобы создавать условия для возникновения нравственного чувства, педагоги начинают производить дискурс о нравственности, который легко имитируется, но не имеет экзистенциальной глубины» [20]. Этот сдвиг – прямое следствие парадокса трансляции: образование, ориентированное на передачу содержания, неизбежно подменяет ответственное бытие риторикой ответственности.

В российской образовательной практике данный парадокс проявляется в форматах воспитательной работы, построенных по модели трансляции готовых истин. Как отмечают Т.П. Гордиенко и А.С. Хоменко, «педагогические конструкты формирования социально ответственной личности» часто остаются на уровне деклараций,

не будучи обеспеченными механизмами, переводящими знание в личностное отношение [6, с. 47]. Знание о добре не делает человека добрым – этот тезис, известный ещё античной этике, сохраняет свою силу и в отношении ответственности.

В более поздней работе тех же авторов, посвящённой деятельностному подходу, предпринимается попытка преодолеть этот разрыв через включение студентов в социальную активность [7]. Однако и здесь сохраняется презумпция «формирования» ответственности: деятельность рассматривается как средство целенаправленного воспитательного воздействия, а не как пространство возникновения события ответа.

Второй парадокс связан с фундаментальной для современного образования процедурой оценивания. Если ответственность декларируется как образовательный результат, возникает закономерный запрос на её измерение. Однако попытка «проверить» ответственность наталкивается на принципиальную трудность.

Как показано в классических исследованиях Э. Деси и Р. Райана, внешнее подкрепление (оценка, поощрение, наказание) разрушает внутреннюю мотивацию: поведение начинает определяться не ценностным отношением, а стремлением к вознаграждению или избеганием санкций [8]. Применительно к ответственности это означает, что введение любой формы контроля переводит ситуацию в регистр внешней детерминации. Ответственность, будучи включённой в процедуры оценивания, утрачивает свою подлинную природу, поскольку подлинная ответственность проявляется именно в отсутствии внешнего принуждения.

Возникает феномен, который вслед за Ж. Бодрийяром [2] можно обозначить как симуляция ответственности, поведение полностью имитирует ответственное, но лишено его экзистенциальной основы. В российской образовательной практике это проявляется, например, в формальном заполнении «портфолио личностных достижений», где социальная активность учитывается количественно, но не оценивается качественно. Е.А. Мацефук, анализируя ценностное отношение к ответственности, подчёркивает, что «внешняя

отчётность подменяет внутреннюю работу, и ученик осваивает не ответственность, а навык демонстрации социально одобряемого поведения» [16, с. 6].

Третий парадокс коренится в субъектной структуре ответственности. Ответственность всегда персонифицирована, она требует конкретного лица, которое говорит «я отвечаю» и принимает последствия. Безличной ответственности не существует.

Традиционная дидактика, напротив, ориентирована на обезличенное содержание. Знание, передаваемое в образовательном процессе, не зависит от личности учителя, истины, усваиваемые учеником, должны быть одинаковы для всех. Это необходимый механизм сохранения культурной традиции, но он вступает в конфликт с природой ответственности.

Субъект ответственности не может быть сформирован как носитель компетенций. В этой связи принципиальное значение приобретает проблема коллективной субъектности в образовании. Как отмечают Е.В. Брызгалина и Ш. Чжан, современные исследования фиксируют феномен «этического переноса ответственности», при котором ответственность распределяется между участниками образовательного процесса, а коллектив выступает не просто суммой индивидов, но особым субъектом, формирующим ценностно-смысловое поле [3, с. 42-45]. Этот вывод согласуется с предлагаемой нами концепцией респонсивной дидактики, где ответственность возникает в событии диалогической встречи, а не транслируется от учителя к ученику. Компетентностный подход, доминирующий в современном образовании, ориентирован на подготовку функционалов – людей, способных эффективно решать стандартные задачи. Однако, как отмечает Л.П. Разбегаева, компетентность и ответственность лежат в разных плоскостях: первая отвечает на вопрос «как сделать?», вторая – на вопросы «зачем?» и «перед кем?» [19, с. 67]. Компетентный исполнитель и ответственный субъект представляют собой различные антропологические типы, и переход от первого ко второму не гарантирован простым накоплением компетенций.

М. Бубер в философии диалога проводил различие между отношением «Я–Оно» (где другой выступает как объект) и отношением «Я–Ты» (где происходит встреча личностей) [4]. Традиционная дидактика работает преимущественно в регистре «Я–Оно»: учитель транслирует, ученик усваивает. Ответственность же возможна только в пространстве диалогической встречи, где один человек обращается к другому не как к функции, а как к субъекту. Но такое пространство не может быть институционализировано – оно каждый раз создаётся заново в живом общении.

Четвёртый парадокс связан с темпоральной структурой ответственности. Знание, составляющее основу традиционного образования, по преимуществу обращено в прошлое, учебники фиксируют уже открытое, проверенное, устоявшееся. Школа готовит к жизни, передавая опыт предшествующих поколений.

Ответственность же имеет сложную временную структуру. Ретроспективная ответственность (ответственность за уже совершённое) обращена в прошлое, но актуализируется в настоящем как готовность отвечать за свои поступки. Проспективная ответственность (ответственность за будущее) является, по Х. Йонасу, фундаментальной характеристикой человеческого существования в эпоху, когда последствия наших действий могут стать необратимыми [11, с. 45-48].

Образование, ориентированное на передачу готового знания, функционирует в модусе прошедшего совершенного. Оно отвечает на вопрос «как было?», но не готовит к встрече с тем, «чего ещё не было». Ответственность же требует работы с открытым, неопределённым, становящимся. Нельзя «научить» ответственности за будущее в логике трансляции готового знания, поскольку будущее принципиально непредсказуемо – и именно в этой непредсказуемости коренится необходимость личного решения.

Дж. Дьюи, обосновывая прогрессивную педагогику, настаивал на том, что образование должно готовить к жизни в изменяющемся мире [10]. Однако даже у Дьюи акцент делался на адаптации к изменениям, а не на ответственности за них. Между тем современные

вызовы – экологические, технологические, геополитические – требуют не столько адаптации, сколько ответственного вмешательства в ход событий. Но такое вмешательство, как следует из событийной природы ответственности, не может быть отрететировано по учебнику.

Четыре рассмотренных парадокса не являются случайными трудностями, которые можно преодолеть совершенствованием методик. Они указывают на границы самой дидактической формы – на то, что ответственность не может быть адекватно представлена в логике учебного предмета. Попытки игнорировать эти границы ведут не к формированию ответственности, а к производству её симулякров, риторики вместо бытия, конформности вместо автономии, компетентности вместо субъектности.

Фиксация парадоксов не означает приговора образованию. Она означает, что работа с ответственностью требует смены оптики – перехода от логики предмета к логике измерения. Если ответственность не может быть содержанием образования, она может стать его сквозным измерением, способом организации образовательного процесса. Контуры такой альтернативной стратегии намечены в понятии респонсивной дидактики, к обоснованию которой мы переходим.

Респонсивная дидактика: от предмета к измерению

Проведённый анализ показал невозможность адекватной репрезентации ответственности в логике учебного предмета, попытки её «формирования» через трансляцию знаний, оценивание и обещанное содержание порождают парадоксы, ведущие к подмене ответственности симулякрами. Однако признание этого факта не означает отказа от педагогической работы с ответственностью, но требует перехода от предметно-центрированной парадигмы к парадигме, где ответственность выступает сквозным измерением образовательного процесса. Данную парадигму мы обозначаем как респонсивная дидактика.

Термин восходит к латинскому *respondere* (отвечать) и понятию респонсивности в феноменологической этике И. де Дженнаро и

Р. Люфтера, фиксирующему фундаментальную способность человека отвечать на вызовы Другого и мира [9, с. 592-595]. В образовательном контексте респонсивность понимается не как отдельное качество, а как способ организации среды, где учение и воспитание строятся вокруг ситуаций, требующих личностного ответа.

В отличие от традиционной дидактики, ориентированной на передачу объективированного знания, респонсивная дидактика исходит из того, что подлинное образование есть ответ на вызов – познавательный, диалогический или социальный. Наследуя традициям проблемного обучения (Дж. Дьюи, И. Лернер), диалогической педагогики (М. Бубер [4], П. Фреyre [23]) и экзистенциально-феноменологической педагогики (К. Ясперс [24]), она связывает их с онтологией ответственности, что требует перестройки трёх ключевых компонентов дидактической системы: содержания, методов и позиции педагога.

В традиционной дидактике содержание образования фиксировано в программах и стандартах как совокупность знаний, умений и навыков. В респонсивной дидактике оно не задаётся полностью извне, а конструируется в процессе ответа на проблемные ситуации, понимаемые не как познавательное затруднение, а как экзистенциальный вызов, требующий от ученика ценностного самоопределения. Примерами служат социальные и этические дилеммы, общественно значимые проекты, исследовательские задачи с открытым концом. Как отмечает Л.П. Разбегаева, «ценностное отношение к ответственности формируется не через усвоение готовых образов, а через проживание ситуаций, требующих личностного выбора» [19, с. 78]. При этом содержание не произвольно: оно задаётся культурным контекстом и стандартами, но предъявляется не как истина для запоминания, а как проблема, требующая ответа.

Традиционные методы (объяснение, упражнение, контроль) эффективны для трансляции культуры, но не порождают ответственности, поскольку та требует ситуации с непредрежённным исходом. Респонсивная дидактика отдаёт приоритет событийным форматам, где результат не гарантирован, а действие не сводится к воспроиз-

ведению образца: проектная деятельность с реальным продуктом, учебные исследования, дебаты по актуальным проблемам, социальные практики (волонтерство, самоуправление). Эти форматы, широко обсуждаемые в педагогике [20; 24], в контексте респонсивной дидактики получают новое обоснование: они создают условия для возникновения события ответа. Исследование деятельностного подхода к формированию социальной ответственности студенческой молодежи [7] подтверждает значимость подобных форматов, однако, в отличие от предлагаемой нами концепции, трактует их как инструмент формирования, а не как условие для возникновения события ответа. Событие нельзя спланировать и гарантировать – можно лишь проектировать среду, делающую его возможным.

Ответственность не может быть сформирована в обезличенной коммуникации; она требует встречи с Другим, самому являющемуся ответственным субъектом. В респонсивной дидактике учитель перестаёт быть только транслятором и контролёром, становясь свидетелем – тем, кто своим присутствием удостоверяет значимость проблемной ситуации и демонстрирует саму возможность ответа. Понятие свидетеля, заимствованное из этики Э. Левинаса, означает вовлечённость, не подменяющую решение ученика [13]. Как отмечает Г. Ричардс, деонтология педагогической профессии требует не просто функционального исполнения обязанностей, а субъектного присутствия [20]; учитель, избегающий ответственных решений, не может научить ответственности. В этом контексте принципиальное значение приобретает понятие «педагогической фидуциарной обязанности» (*fiduciary duty*), разрабатываемое Юджином Матусовым. Согласно его анализу, учитель несёт особую, доверительную ответственность перед учеником, которая не сводится к институциональным предписаниям, а требует подлинно диалогических, демократических отношений [15, с. 1245-1248]. Респонсивная дидактика предполагает высокий уровень личностной зрелости педагога, его готовность к диалогу и открытости.

Концепция не является универсальной и имеет ряд ограничений: 1) неполнота – она не отменяет традиционного обучения там,

где необходима передача фундаментальных знаний, а выступает дополнительным измерением; 2) риск манипуляции – организация проблемных ситуаций может вести к скрытому навязыванию ценностей, поэтому выбор должен оставаться за учеником; 3) институциональные ограничения – жёсткая регламентация школы часто препятствует гибкости событийных форматов, что допускает лишь фрагментарную реализацию; 4) неравенство возможностей – не все ученики готовы к ответу на вызов, что требует дифференциации подходов.

Таким образом, респонсивная дидактика предлагает разрешение выявленных парадоксов через смену целеполагания, не «формировать ответственность», а создавать условия для её возникновения. Это предполагает переход к модели, где ответственность становится сквозным измерением образования, пронизывающим содержание, методы и позицию педагога. Опираясь на традиции проблемного обучения, диалогической педагогики и экзистенциальной философии, концепция требует дальнейшей конкретизации в учебных программах и эмпирической проверки в образовательной практике.

Заключение

Проведённое исследование показало, что включение социальной ответственности в нормативное поле современного российского образования, зафиксированное в федеральных государственных стандартах и программах воспитания, не сопровождается прояснением её онтологического статуса. Этот вывод приобретает особую значимость в контексте современных дискуссий о воспитании убеждений и гражданской идентичности, которые, как отмечают исследователи, не могут быть сформированы без глубинного понимания природы ответственности [14]. Философско-феноменологический анализ, опирающийся на традицию респонсивной этики (Х. Йонас, И. де Дженнаро, Р. Люфтер) и экзистенциальную философию (С.Л. Рубинштейн), позволяет утверждать, что ответственность имеет событийную, а не субстанциальную природу. Этот вывод

согласуется с позицией А.О. Карпова, который, анализируя онтологию нравственного, подчёркивает его «непредзаданность» и невозможность редуцировать к набору алгоритмизируемых действий [12, с. 55-57]. Она не существует как латентное качество личности, которое можно «формировать» и «диагностировать», но актуализируется исключительно в ситуации ответа на вызов, будучи всегда интенционально и реляционно определённой (ответственность за что-то и перед кем-то). Это онтологическое обстоятельство делает невозможной прямую дидактизацию ответственности в традиционных форматах, ориентированных на трансляцию объективированного содержания.

Из событийной природы ответственности вытекают четыре парадокса, с которыми неизбежно сталкивается любая попытка представить её в логике учебного предмета. Парадокс трансляции фиксирует несовместимость транслируемости знания и необъективированности ответственного бытия. Парадокс проверки обнаруживает, что включение ответственности в процедуры внешнего оценивания разрушает её подлинность, провоцируя симуляцию социально одобряемого поведения. Парадокс субъекта указывает на ориентацию традиционной дидактики на обезличенное содержание, тогда как ответственность требует личностного присутствия и субъектного ответа. Наконец, парадокс времени обнажает противоречие между обращённостью образования к прошлому (трансляция готового знания) и принципиальной устремлённостью ответственности в будущее. Данные парадоксы носят не технологический, а сущностный характер и не могут быть разрешены путём совершенствования методик; они сигнализируют о границах самой дидактической формы.

Признание этих границ не означает отказа от педагогической работы с ответственностью, но требует смены исследовательской и практической оптики. Альтернативой предметно-центрированной модели выступает предложенная в статье концепция респонсивной дидактики, в рамках которой ответственность понимается не как содержание, а как сквозное измерение образовательного процесса.

Опираясь на идеи диалогической педагогики (М. Бубер), экзистенциально-феноменологической традиции (К. Ясперс) и респонсивной этики, респонсивная дидактика задаёт иные принципы организации трёх ключевых компонентов образования. Содержание выстраивается вокруг проблемных ситуаций, требующих личностного ответа, а не усвоения готовых истин. Приоритетными становятся событийные форматы (проекты, социальные практики, дискуссии), в которых результат не предreshён. Позиция педагога трансформируется от транслятора к свидетелю, удостоверяющему значимость ответственного действия и демонстрирующему саму возможность ответа.

Предложенная концепция не претендует на универсальность и не отменяет необходимости традиционного обучения в тех областях, где требуется передача фундаментальных знаний. Более того, она сопряжена с рядом ограничений, риском манипуляции при организации проблемных ситуаций, институциональными рамками современной школы, неравенством образовательных возможностей учащихся. Дальнейшая разработка респонсивной дидактики требует конкретизации её принципов в учебных программах и методических материалах, эмпирической проверки эффективности предлагаемых форматов, а также сравнительного анализа с зарубежными подходами к гражданскому и этическому образованию.

Таким образом, ответственность может и должна присутствовать в образовании, но не как очередная дисциплина в учебном плане, а как способ организации образовательного процесса – открытого, событийного, обращённого к будущему и требующего от всех участников подлинного субъектного присутствия. Философский анализ границ дидактического, предпринятый в статье, освобождает педагогическую мысль от иллюзий всемогущества технологий и открывает пространство для поиска иных, более адекватных природе ответственности, форм её присутствия в образовании.

Список литературы

1. Аристотель (1983). Никомахова этика. В: *Сочинения: в 4 т., т. 4*. Москва: Мысль, с. 53–294.
2. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляция*. Москва: Рипол-классик, 240 с.

3. Брызгалина, Е. В., & Чжан, Ш. (2025). Коллектив как субъект образования: концептуальное определение и основные характеристики. *Философия образования*, 25(3), с. 39–54. <https://doi.org/10.15372/PHE20250303>. EDN: <https://elibrary.ru/EUGLLS>
4. Бубер, М. (1995). *Два образа веры*. Москва: Республика, 464 с. ISBN: 5-250-02327-4. EDN: <https://elibrary.ru/SNCUSD>
5. Гершунский, Б. С. (1998). *Философия образования*. Москва: Флинта, 432 с.
6. Гордиенко, Т. П., & Хоменко, А. С. (2025). Идеология и методология педагогического конструкт-концепта формирования социально ответственной личности. *Проблемы современного педагогического образования*, (87-2), с. 154–157. EDN: <https://elibrary.ru/WZGJPU>
7. Гордиенко, Т. П., & Хоменко, А. С. (2025). Формирование социальной ответственности студенческой молодежи средствами социальной активности: деятельностный подход. *Современные проблемы науки и образования*, (3). <https://doi.org/10.17513/spno.34074>. EDN: <https://elibrary.ru/PWTSIH>
8. Деси, Э., & Райан, Р. (2000). The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 11(4), с. 227–268.
9. Дженнаро, И. де, & Люфтер, Р. (2024). Эпоха системного императива. Феноменологическая диагностика социальной ответственности. *HORIZON. Феноменологические исследования*, 13(2), с. 587–609. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2024-13-2-587-609>. EDN: <https://elibrary.ru/EEENAY>
10. Дьюи, Дж. (2000). *Демократия и образование*. Москва: Педагогика-Пресс, 384 с.
11. Йонас, Г. (2004). *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации*. Москва: Айрис-Пресс, 480 с.
12. Карпов, А. О. (2025). Онтология нравственного в феномене образования. *Вопросы философии*, (1), с. 51–62. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-1-51-62>. EDN: <https://elibrary.ru/BTUGSN>
13. Левинас, Э. (1998). *Время и Другой. Гуманизм другого человека*. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 265 с.
14. Лихолетов, В. В., & Абдуллин, А. Г. (2025). Знания-убеждения как ориентир воспитания российской молодежи. *Интеграция образования*, 29(1), с. 81–96. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202501.081-096>. EDN: <https://elibrary.ru/GTIFKQ>
15. Matusov, E. (2024). The teachers' pedagogical fiduciary duty to their students. *Integrative Psychological & Behavioral Science*, 58(4), с. 1235–1260. <https://doi.org/10.1007/s12124-022-09690-8>. EDN: <https://elibrary.ru/MHVVSA>
16. Мацефук, Е. А., & Разбегаев, П. В. (2013). Этические смысловые конструкты и ценностное отношение к ответственности. *Современные проблемы науки и образования*, (6), с. 1–8. EDN: <https://elibrary.ru/RVCREN>

17. Осипова, М. В. (2024). Особенности формирования социальной ответственности старшеклассников в проектной деятельности. *Бизнес. Образование. Право*, (2), с. 45–52. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2024.69.1148>. EDN: <https://elibrary.ru/AYXGSO>
18. Полани, М. (1985). *Личностное знание*. Москва: Прогресс, 344 с. EDN: <https://elibrary.ru/SXRQRX>
19. Разбегаева, Л. П. (2001). *Ценностные основания гуманитарного образования: монография*. Волгоград: Перемена, 289 с.
20. Ричардс, Г. (2018). Нравственное воспитание для структурных изменений. *Global Campaign for Peace Education*. Retrieved from <https://www.peace-ed-campaign.org/ru/moral-education-for-structural-change/> (accessed: 11.02.2026)
21. Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер, 512 с. EDN: <https://elibrary.ru/LBQEST>
22. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413) (ред. от 27.12.2023). Retrieved from https://gimn1kldg.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_SO0_s_01.09.2024.pdf (accessed: 19.02.2026)
23. Фрейре, П. (2018). *Педагогика угнетённых* / Д. Мачедо (предисл.); А. Шор (послесл.); пер. с англ. И. В. Никитиной, М. И. Мальцевой-Самойлович. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 288 с.
24. Ясперс, К. (2006). *Идея университета*. Минск: БГУ, 159 с.
25. Westheimer, J., & Kahne, J. (2004). What kind of citizen? The politics of educating for democracy. *American Educational Research Journal*, 41(2), с. 237–269. <https://doi.org/10.3102/00028312041002237>. EDN: <https://elibrary.ru/JKOFVF>

References

1. Aristotle (1983). *Nicomachean Ethics*. In: *Works: in 4 vols., Vol. 4*. Moscow: Mysl, pp. 53–294.
2. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and Simulation*. Moscow: Ripol Classic, 240 pp.
3. Bryzgalina, E. V., & Zhang, Sh. (2025). The collective as a subject of education: Conceptual definition and main characteristics. *Philosophy of Education*, 25(3), pp. 39–54. <https://doi.org/10.15372/PHE20250303>. EDN: <https://elibrary.ru/EUGLLS>
4. Buber, M. (1995). *Two Types of Faith*. Moscow: Respublika, 464 pp. ISBN: 5-250-02327-4. EDN: <https://elibrary.ru/SNCUSD>
5. Gershunsky, B. S. (1998). *Philosophy of Education*. Moscow: Flinta, 432 pp.
6. Gordienko, T. P., & Khomenko, A. S. (2025). Ideology and methodology of the pedagogical construct of the concept of forming a socially responsible personality. *Problems of Modern Pedagogical Education*, (87 2), pp. 154–157. EDN: <https://elibrary.ru/WZGJPU>

7. Gordienko, T. P., & Khomenko, A. S. (2025). Forming social responsibility in student youth through social activity: An activity-based approach. *Modern Problems of Science and Education*, (3). <https://doi.org/10.17513/spno.34074>. EDN: <https://elibrary.ru/PWTSIH>
8. Deci, E., & Ryan, R. (2000). The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 11(4), pp. 227–268.
9. De Gennaro, I., & Lufter, R. (2024). The era of the systemic imperative: Phenomenological diagnostics of social responsibility. *HORIZON. Phenomenological Research*, 13(2), pp. 587–609. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2024-13-2-587-609>. EDN: <https://elibrary.ru/EEEHAY>
10. Dewey, J. (2000). *Democracy and Education*. Moscow: Pedagogika Press, 384 pp.
11. Jonas, H. (2004). *The Principle of Responsibility: An Essay in Ethics for a Technological Civilization*. Moscow: Iris Press, 480 pp.
12. Karpov, A. O. (2025). Ontology of the moral in the phenomenon of education. *Questions of Philosophy*, (1), pp. 51–62. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-1-51-62>. EDN: <https://elibrary.ru/BTUGSN>
13. Levinas, E. (1998). *Time and the Other. Humanism of the Other Person*. Saint Petersburg: Higher School of Religious and Philosophical Studies, 265 pp.
14. Likholetov, V. V., & Abdullin, A. G. (2025). Knowledge and beliefs as a guide for the upbringing of Russian youth. *Integration of Education*, 29(1), pp. 81–96. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.029.202501.081-096>. EDN: <https://elibrary.ru/GTIFKQ>
15. Matusov, E. (2024). The teachers’ pedagogical fiduciary duty to their students. *Integrative Psychological & Behavioral Science*, 58(4), pp. 1235–1260. <https://doi.org/10.1007/s12124-022-09690-8>. EDN: <https://elibrary.ru/MHVVSA>
16. Matsefuk, E. A., & Razbegaev, P. V. (2013). Ethical meaning constructs and value attitude to responsibility. *Modern Problems of Science and Education*, (6), pp. 1–8. EDN: <https://elibrary.ru/RVCREN>
17. Osipova, M. V. (2024). Features of forming social responsibility in high school students through project activities. *Business. Education. Law*, (2), pp. 45–52. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2024.69.1148>. EDN: <https://elibrary.ru/AYXGSO>
18. Polanyi, M. (1985). *Personal Knowledge*. Moscow: Progress, 344 pp. EDN: <https://elibrary.ru/SXRQRX>
19. Razbegayeva, L. P. (2001). *Value Foundations of Humanitarian Education: A Monograph*. Volgograd: Peremena, 289 pp.
20. Richards, G. (2018). *Moral Education for Structural Change*. Global Campaign for Peace Education. Retrieved from <https://www.peace-ed-campaign.org/ru/moral-education-for-structural-change/> (accessed: 11.02.2026)
21. Rubinstein, S. L. (2003). *Being and Consciousness. Man and the World*. Saint Petersburg: Piter, 512 pp. EDN: <https://elibrary.ru/LBQEST>

22. *Federal State Educational Standard of Secondary General Education* (approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 413 dated May 17, 2012; revised as of December 27, 2023). Retrieved from https://gimn1klgd.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_SOO_s_01.09.2024.pdf (accessed: 19.02.2026)
23. Freire, P. (2018). *Pedagogy of the Oppressed*. D. Macedo (Foreword); A. Shor (Afterword); Translated from English by I. V. Nikitina, M. I. Maltseva Samoylovich. Moscow: KoLibri, Azbuka Attikus, 288 pp.
24. Jaspers, K. (2006). *The Idea of the University*. Minsk: BSU, 159 pp.
25. Westheimer, J., & Kahne, J. (2004). What kind of citizen? The politics of educating for democracy. *American Educational Research Journal*, 41(2), pp. 237–269. <https://doi.org/10.3102/00028312041002237>. EDN: <https://elibrary.ru/JKOFVF>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мороз Елена Фёдоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом
Красноярский институт железнодорожного транспорта
ул. Новая заря, 2и, г. Красноярск, 660029, Российская Федерация
moroslensl@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena F. Moros, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Personnel Management, Faculty «Economics and Management»
Krasnoyarsk Rail Transport Institute – Branch of Irkutsk State Transport University
2i, Novaya Zarya Str., Krasnoyarsk, 660029, Russian Federation
moroslensl@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7504-7140>

Поступила 15.02.2026

После рецензирования 04.03.2026

Принята 17.03.2026

Received 15.02.2026

Revised 04.03.2026

Accepted 17.03.2026

Влияние религиозных традиций на общество и политику / Influence of Religious Traditions on Society and Politics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-546](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-546)

EDN: [NQXYUW](https://www.edn.ru/NQXYUW)

УДК 316.74:2



Влияние религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России

А.В. Ворохобов, Р.В. Собко

*Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева», Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В современной России усиливается переосмысление роли религии в публичной сфере. Возвращение религиозных институтов в общественную жизнь актуализирует вопрос о том, как они воздействуют на формирование гражданской идентичности – ключевого фактора социально-политической стабильности. Изучение взаимодействия религиозных традиций с идентификационной политикой государства позволяет выявить как консолидационный потенциал, так и противоречия, порождаемые секуляризацией сознания.

Цель статьи – определить механизмы и степень влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России.

Материалы и методы. Исследование основано на принципах социально-философского и религиоведческого анализа. Методологический аппарат объединяет историко-генетический подход (позволяет проследить эволюцию взаимодействия религиозных и государственных институтов) и компаративистский метод (используется для сопоставления разных религиозных традиций). Эмпирическую базу составили данные социологических исследований последних лет, нормативно-правовые акты РФ в сфере государственно-конфессиональных отношений, программные документы религиозных организаций, а также публикации в ведущих российских научных журналах.

Результаты. Религиозные традиции в современной России выступают значимым фактором гражданской идентичности, обеспечивая трансляцию моральных норм и историческую преемственность. Взаимодействие государства и религиозных институтов строится по принципу симфонии, но сталкивается с вызовами

секуляризма и плюрализма. Установлено, что уровень религиозности коррелирует с лояльностью государственным институтам, однако религиозная идентичность не сводится к гражданской и не заменяет её, что требует различения в анализе собственно веры, этнокультурной традиции и гражданского самосознания, каждое из которых выполняет разные функции в структуре идентичности.

Ключевые слова: религиозные традиции; гражданская идентичность; секуляризация; государственно-конфессиональные отношения; Россия

Для цитирования. Ворохобов, А. В., & Собко, Р. В. (2026). Влияние религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 85–105. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-546>

The influence of religious traditions on the formation of civic identity in modern Russia

A.V. Vorokhobov, R.V. Sobko

*V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch, Nizhny Novgorod,
Russian Federation*

Abstract

Background. In the context of modern Russian reality, there is an intensification of processes of rethinking the role of religion in the public space. The return of religious institutions to public life raises the question of the mechanisms of their influence on the formation of civic identity, which acts as one of the key factors of social and political stability. The study of the interaction between religious traditions and state identity policy allows us to identify both the potential for consolidation and the hidden contradictions arising from the secularization of public consciousness.

Purpose. To identify the mechanisms and assess the degree of influence of religious traditions on the process of forming civic identity in modern Russia.

Materials and methods. The research is based on the principles of socio-philosophical and religious studies analysis. The methodological basis is a combination of the historical-genetic approach, which allows tracing the evolution of the interaction between religious and state institutions, and the comparative method for analyzing various religious traditions. The empirical base was formed by sociological research data for recent years, regulatory legal acts of the Russian Federation in the sphere of state-confessional relations, program documents of religious organizations, as well as publications on the problem in leading Russian scientific journals.

Results. Religious traditions in modern Russia act as a significant factor of civic identity, performing the functions of transmitting moral norms and historical continuity.

The interaction between the state and religious institutions is built on the principle of symphony, but faces the challenges of secularism and pluralism. It has been established that the level of religiosity correlates with loyalty to state institutions, but religious identity itself is not reducible to civic identity, which requires distinguishing between faith, ethnocultural tradition, and civic consciousness in analysis.

Keywords: religious traditions; civic identity; secularization; state-confessional relations; Russia

For citation. Vorokhobov A. V., & Sobko R. V. (2026). The influence of religious traditions on the formation of civic identity in modern Russia. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 85–105. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-546>

Введение

Проблема формирования гражданской идентичности в современной России особенно значима в связи с поиском национальной идеи и способов консолидации многонационального и поликонфессионального общества. Когда традиционные ценностные ориентиры (понимание семьи (традиционная vs. современная модель), патриотизм и его соотношение с критическим отношением к государству, историческая память (особенно оценка советского периода), традиционные гендерные роли, отношение к правам человека и индивидуальной свободе в контексте коллективных ценностей, восприятие «традиционности» как нормы в мультикультурном обществе) оказываются в ситуации трансформации, а информационное пространство дробится, обращение к религиозным традициям как к одному из источников моральных норм и носителю исторической преемственности становится важным направлением государственной политики. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявить, как именно религиозные институты участвуют в становлении гражданской идентичности, и оценить пределы их эффективности. При этом речь идёт о религиозных направлениях, исторически укоренённых в России, которые веками формировали культурный ландшафт и идентификационные матрицы населяющих страну народов.

Современные дискуссии о влиянии религии на гражданскую идентичность можно представить в трёх взаимосвязанных аналитических измерениях. Институциональное измерение сосредоточено

на государственно-конфессиональных отношениях как рамке, в которой религиозные организации получают возможность участвовать в идентификационной политике. Религия, отвечая на экзистенциальные вопросы, неизбежно проецирует свои смыслы на социальное и политическое поведение верующих [4]. Правовая база такого взаимодействия развивалась в ряде нормативных актов. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 относит религию к ключевым источникам традиционных ценностей [15]. В исследовательской литературе подчёркивается, что правовые механизмы в этой сфере постоянно совершенствуются с учётом многообразия религиозных традиций, а нормативно-правовые акты играют определяющую роль в создании институциональных рамок взаимодействия государства и религиозных организаций [18]. Религиозные институты становятся значимыми акторами в публичной сфере. Концепция гражданской религии предполагает систему символов, ритуалов, верований и ценностных установок, которые сакрализуют государство, нацию или общество в целом, придавая им священный характер и интегрируя граждан в единую политическую общность. При этом важно учитывать, что гражданская религия может существовать и вне прямой связи с религиозными конфессиями [11].

Социокультурное измерение раскрывается через анализ религиозности как динамичного феномена, меняющего свои формы в постсекулярную эпоху. Традиционные конфессии, как указывает А.Л. Синь, выступают не только религиозными системами, но и культурными матрицами, обеспечивающими преемственность исторической памяти [17]. Религиозная идентичность амбивалентна: она, как отмечает Е.И. Буркова, может служить ресурсом консолидации или инструментом политической мобилизации [3]. В российской культурной традиции, по мнению М.М. Бичаровой, религиозная идентичность часто осмысливается через категорию «духовности», что отличает её от западных моделей, где на первый план выходит индивидуальный вероисповедный выбор [2]. С.В. Степанов в обзорной работе фиксирует эволюцию подходов к изучению религиозной идентичности в России конца XX – первой четверти XXI вв. [19].

Этнополитическое измерение приобретает особую значимость в контексте поликонфессионального и полиэтнического состава России. Как показывают исследования Л.Н. Мордишевой с соавторами, религиозная идентичность в разных регионах демонстрирует вариативность моделей интеграции в общероссийский контекст [10]. Процессы религиозного возрождения отличаются мозаичностью, а проблема определения «традиционности» требует особого внимания, на что указывают А.А. Ярлыкапов и А.З. Адиев [22]. В регионах традиционного распространения буддизма, по данным П. Топпера, формируются новые формы идентичности, где религиозное и этнокультурное возрождение идут рука об руку [20]. Интегративный потенциал религиозных институтов в полиэтнических регионах подтверждается исследованиями К.А. Багаевой и Д.Ш. Цырендоржиевой [1]. Межрелигиозный диалог выступает важным механизмом согласования идентификационных стратегий различных конфессий, как отмечают Р.Н. Лункин и С.В. Мельник [8]. Религиозные ценности могут выступать ресурсом консолидации общества, однако степень их влияния варьируется в зависимости от регионального и конфессионального контекста. Религиозные институты, согласно данным В.А. Матвиенко, обладают высоким потенциалом в культурно-воспитательной работе [9]. Как показано в работе М.М. Мchedловой, региональная специфика конфессиональной идентичности существенно влияет на гражданскую консолидацию [12].

Социологические исследования последних лет фиксируют противоречивую динамику религиозности россиян: по данным ВЦИОМ, доля верующих остаётся стабильно высокой, однако уровень регулярной религиозной практики, согласно тем же опросам, невысок. Мониторинговые данные также свидетельствуют о сохранении значительной доли «культурных верующих», для которых религиозная идентичность не предполагает последовательного следования конфессиональным предписаниям [7; 16; 17].

Новизна исследования состоит в системной концептуализации влияния традиционных религиозных традиций на гражданскую идентичность через выделение институционального, социокультур-

ного и этнополитического измерений, а также в комплексном анализе официальных документов религиозных организаций и нормативно-правовых актов в их взаимосвязи с эмпирическими данными. В отличие от работ, фокусирующихся на отдельной конфессии, в данном исследовании применяется компаративный подход, позволяющий выявить как общие закономерности, так и конфессиональную специфику участия религии в формировании идентичности.

Цель исследования – выявить механизмы и оценить степень влияния религиозных традиций на процесс формирования гражданской идентичности в современной России. Под гражданской идентичностью в работе понимается осознание индивидом своей принадлежности к российскому обществу и государству, основанное на принятии общих ценностей, истории и культурных кодов.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую базу исследования составили принципы социально-философского и религиоведческого анализа. Социально-философский подход позволил рассматривать религиозные традиции как социальные институты, включенные в процессы конструирования коллективных идентичностей, а религиоведческий анализ обеспечил учёт конфессиональной специфики, необходимый для корректного сравнения различных традиций.

Методологическая основа исследования включала сочетание историко-генетического и компаративистского методов. Историко-генетический подход был применён для реконструкции эволюции взаимодействия религиозных и государственных институтов в постсоветский период, что позволило выявить логику формирования современной модели государственно-конфессиональных отношений. Компаративистский метод использовался для сопоставления четырёх традиционных религий России – православия, ислама, буддизма и иудаизма – по параметрам взаимодействия с государством, степени интегрированности религиозных символов в публичный дискурс и соотношению религиозной и этнокультурной составляющих идентичности.

Эмпирическую базу исследования составили три группы источников. Первая группа – данные социологических исследований, проводившихся в последние годы, в частности материалы Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [16]. Вторая группа – нормативно-правовые акты РФ, регламентирующие сферу государственно-конфессиональных отношений: Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [21] и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15]. Анализ этих документов проводился с использованием методов контент-анализа и дискурс-анализа. Третья группа – актуальные научные исследования, посвящённые рассматриваемой проблематике. Их анализ позволил выявить основные подходы, дискуссионные вопросы и эмпирически зафиксированные закономерности в области влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в современной России.

Результаты и обсуждение

Прежде чем обратиться к эмпирическому анализу влияния религиозных традиций на формирование гражданской идентичности в России, необходимо эксплицировать теоретическую рамку, в рамках которой осуществляется данное исследование. В основе работы лежит понимание коллективной идентичности как социального конструкта, который не сводится к простой фиксации наличия общего признака, а требует процесса наделения этого признака значимостью и его успешной трансляции в обществе. Как показывают исследования в области социологии идентичности, сама по себе принадлежность к определённой конфессии не порождает автоматически чувства общности и лояльности; необходима работа символического производства, в ходе которой религиозный маркер обретает смысл, способный консолидировать группы [17; 19]. Этот процесс всегда осуществляется в конкретном социально-историческом контексте, где различные акторы обладают неодинаковыми ресурсами для продвижения собственных определений реальности.

В структуре индивидуального самосознания выделяют три уровня: суперординатный (осознание себя частью человечества), промежуточный (групповая принадлежность) и субординатный (личностные характеристики). Для анализа гражданской идентичности ключевое значение имеет промежуточный уровень, на котором формируются представления о принадлежности к большим социальным общностям – этническим, конфессиональным, национальным. Религиозные традиции могут участвовать в конструировании этого уровня двояко: выступая либо в качестве самостоятельной идентичности, либо будучи вплетёнными в более широкие гражданские или этнокультурные идентификационные матрицы. В современной России, где религиозное возрождение сопровождается процессами секуляризации сознания, особую значимость приобретает вопрос о том, на каких основаниях – собственно религиозных или культурно-символических – происходит интеграция конфессиональных традиций в общенациональную идентичность [4; 5].

Теоретически значимым для данного исследования является также понятие «предельной идентичности» – наиболее широкого круга принадлежности, который задаёт границы солидарности и определяет, что индивид воспринимает как «свой» мир. В различные исторические периоды эту функцию выполняли локальная община, сословие, нация. В условиях глобализации и постсекулярного поворота религиозные традиции вновь могут приобретать качество предельной идентичности, особенно в ситуациях, когда государственные институты испытывают трудности в поддержании единого ценностного пространства [12]. Для России, с её полиэтничным и поликонфессиональным составом, актуальным является вопрос о том, способны ли традиционные религии России выступать в качестве такой предельной идентичности, не вступая в противоречие с гражданским единством, или же их роль ограничивается поддержанием групповых солидарностей внутри отдельных сообществ.

Православие в современной России занимает доминирующее положение среди традиционных религий, что обусловлено как историческими факторами (многовековое существование в качестве

государственной религии), так и демографическими показателями. А.Л. Синь демонстрирует, что православие выполняет функции не только религиозной системы, но и культурной матрицы, обеспечивающей преемственность исторической памяти значительной части российского общества [17]. Данные ВЦИОМ показывают, что большинство россиян идентифицируют себя с православием, при этом регулярное участие в религиозной практике сохраняется у незначительной части верующих [6; 16].

Анализ религиозной идентичности как фактора политического развития, проведённый Е.И. Бурковой, указывает на её двойственную природу: она может быть как ресурсом консолидации, так и инструментом политической мобилизации [3]. В российской культурной традиции религиозная идентичность часто осмысливается через категорию «духовности», что отличает её от западных моделей, где на первый план выходит индивидуальный вероисповедный выбор [2]. Это различие облегчает включение религии в государственную идентификационную политику. Влияние Русской православной церкви (РПЦ) на формирование гражданской идентичности не ограничивается декларативными заявлениями. Как справедливо отмечает В.С. Незнанова, РПЦ выступает в роли значимого актора гражданского общества, участвуя в социальном служении и образовательных проектах, что позволяет ей транслировать государственно одобряемые ценности непосредственно в социальную среду [13]. Это взаимодействие создаёт механизм, при котором религиозная лояльность коррелирует с лояльностью государственным институтам. Вместе с тем необходимо учитывать, что подобная близость может провоцировать антиклерикальные настроения, что указывает на неоднозначность восприятия роли РПЦ в публичной сфере.

Ислам является второй по численности религиозной традицией в России. Исламская идентичность в России демонстрирует высокую степень вариативности моделей интеграции в общероссийский контекст [10]. В ряде регионов, таких, к примеру, как Татарстан и Башкортостан, исламская идентичность органично вписана в общероссийский контекст, что подтверждается высоким уровнем

доверия к федеральным институтам [10; 11]. В других регионах, преимущественно на Северном Кавказе, она может выступать в качестве альтернативы общероссийской [22]. В программных документах централизованных религиозных организаций мусульман подчёркивается, что мусульмане России являются неотъемлемой частью российского общества, и их религиозная идентичность не должна противоречить гражданскому долгу [22]. При этом важно учитывать, что в России действуют три крупных объединения, представляющих интересы мусульманского сообщества на федеральном уровне: Совет муфтиев России (Москва), Центральное духовное управление мусульман (Уфа) и Координационный центр мусульман Северного Кавказа (Черкесск). Их позиции по отдельным вопросам государственно-конфессиональных отношений могут не совпадать, что создаёт дополнительную сложность для выработки единой идентификационной стратегии.

Исследования Л.Н. Мордишевой с соавторами показывают, что ключевым фактором, определяющим успешность интеграции исламской идентичности в общероссийскую, является не столько уровень религиозности, сколько баланс между этнокультурным и религиозным компонентами в самосознании. Там, где ислам воспринимается преимущественно как культурная традиция, противоречия с гражданской идентичностью минимизируются [10].

Буддизм в России представлен преимущественно школой гелуг и является традиционной религией для ряда национальных республик. Становление буддизма в современной России, по наблюдению П. Топпера, характеризуется как формирование новой идентичности, где буддизм выступает маркером этнокультурного возрождения [20]. Социальные функции буддизма, включая его интегративный потенциал, проявляются в том, что буддийские ценности ненасилия, сострадания и гармонии с природой органично вписываются в государственную риторику о межнациональном мире. В документах Буддийской традиционной сангхи России гражданская идентичность определяется как осознанное следование общероссийским ценностям, не противоречащим буддийскому учению. В буддийских

регионах социальные функции религии расширяются: она выступает не только институтом трансляции ценностей, но и механизмом психологической поддержки и социальной интеграции в условиях модернизации, что снижает потенциальную конфликтность традиционного уклада и современного общества [1, с. 28].

Иудаизм в современной России представляет собой сложный феномен, в рамках которого религиозная идентичность нередко уступает место этнокультурной. Большинство российских евреев демонстрируют светское самосознание, связывая свою идентичность с происхождением, семейными традициями и культурным наследием, а не с соблюдением религиозных предписаний. Это следует из выводов Е.Э. Носенко-Штейн, которая на основе многолетних полевых исследований выделяет несколько типов самоидентификации у людей еврейского происхождения в постсоветской России [14, с. 99–106]. Среди них: «нееврейский» тип (идентификация с доминантной русской или советской культурой, часто сопровождающаяся крещением); «негативный» тип (восприятие еврейства сквозь призму антисемитизма); «православная еврейская» самоидентификация (крещение при сохранении памяти о еврейских корнях); амбивалентный (гибридный) тип, при котором индивид ситуативно переключается между еврейской и русской/советской идентичностью; и «новая» еврейская самоидентификация, конструируемая с 1990-х годов еврейскими религиозными и светскими организациями, часто опирающаяся на «светский иудаизм» или «Do It Yourself Judaism» [14, с. 108–110].

Представленная типология позволяет концептуально обосновать различие собственно религиозной веры, этнокультурной традиции и гражданской идентичности. Для значительной части российских евреев иудаизм выступает не столько как религиозная система, сколько как культурный маркер, что делает эту конфессию показательным примером для анализа соотношения этнического и религиозного в структуре гражданской идентичности. В постсоветский период сформировалась устойчивая модель этно-гражданской идентичности, при которой российские евреи в опросах

демонстрируют высокий уровень идентификации с российским гражданством и лояльности стране проживания. При этом «новая» еврейская самоидентификация, продвигаемая еврейскими организациями, направлена на формирование позитивных религиозных и культурных символов, однако её влияние на массовое сознание остаётся ограниченным, а число носителей – невелико [14, с. 112].

Сравнительный анализ выявляет общую закономерность: во всех религиозных традициях России наблюдается разрыв между декларируемой идентичностью и регулярной практикой, что создаёт пространство для «культурной религиозности» – идентификации с конфессией без строгого следования предписаниям. Религиозность в таком контексте выступает антропологической константой, принимающей светские формы выражения. «Культурная религиозность» часто интерпретируется как инструмент, позволяющий государству использовать символический капитал традиционных конфессий без прямого нарушения светского характера государства. Однако эта модель вызывает дискуссии: критики указывают на растущее присутствие религии в публичных институтах (введение основ религиозных культур в школах, институт военного духовенства, строительство храмов за бюджетный счёт), что позволяет говорить о постепенной, хотя и не всегда формальной, клерикализации отдельных сфер. В постсоветских условиях она обеспечивает преемственность исторической памяти при утрате массовой регулярной практики [19].

В России сложилась «симфоническая» модель государственно-конфессиональных отношений: партнёрство при сохранении светского характера государства. Законодательно закреплены механизмы участия религиозных организаций в образовании, культуре и социальной поддержке [21, ст. 4], а религия, в свою очередь, определяется в качестве одного из ключевых источников традиционных ценностей [15]. Как подчеркивает Д.И. Скрябин, именно нормативно-правовые акты формируют институциональные рамки, в которых религия может влиять на гражданскую идентичность, определяя не только права, но и границы допустимого участия ре-

лигиозных организаций в публичной сфере [18]. Вместе с тем существующее законодательство, в частности Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» задаёт лишь общие контуры, оставляя пространство для различных интерпретаций светскости, что порождает дискуссии о пределах присутствия религии в публичном пространстве. Особенность российской модели заключается в дифференцированном подходе к различным конфессиям. Православие занимает положение «первого среди равных», что проявляется в его более активном присутствии в публичном пространстве и в образовательных программах. Ислам, буддизм и иудаизм признаются «традиционными» и получают государственную поддержку, но в меньших масштабах. Эта дифференциация создаёт определённые вызовы, однако, как показывают исследования, в регионах компактного проживания мусульман, буддистов и иудеев институциональное взаимодействие с властями часто выстраивается на более равноправной основе [10; 22]. Концепция гражданской религии, предложенная Е.И. Муромом, позволяет осмыслить этот процесс как формирование новой идентичности, синтезирующей конфессиональные ценности и светские идеологемы [11]. Один из каналов такой трансляции – риторика Межрелигиозного совета России, хотя понятие гражданской религии не сводится к деятельности этого института и охватывает более широкий спектр символических практик [8].

В современном российском пространстве религия преимущественно представлена в качестве культурно-морального дискурса, будучи для большинства россиян маркером культурной и национальной принадлежности. Православие, ислам и буддизм выступают значимыми факторами формирования гражданской идентичности через возрождение традиционных ценностей [19]. Социальная сплочённость и духовность дополняют друг друга, а религиозные организации, в свою очередь, играют ключевую роль в их обеспечении [7]. Молодёжь проявляет интерес к вере, но ее религиозная идентичность подчас ситуативна, и не трансформируется в регулярную практику [9], что создаёт как возможности, так и риски для

гражданской идентичности. При этом религиозная ситуация в регионах неоднородна. В некоторых субъектах РФ религиозная идентичность может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что создаёт необходимость поиска баланса между признанием культурно-религиозной специфики и поддержанием единого гражданского пространства [12]. Современное российское общество сталкивается с вызовом, который можно определить как «дилемму секулярного государства», когда постулируется стремление сохранения светского характера политической системы, и одновременно очевидна необходимость использования религиозного потенциала для консолидации социума.

Важной теоретической рамкой для понимания этих процессов является различие между религией как институциональной системой верований и религией как культурной традицией, укоренённой в повседневности. В современной России, как и во многих других обществах, переживающих постсекулярную трансформацию, наблюдается своего рода «разделение труда» между этими двумя измерениями: институциональные религиозные организации всё чаще выступают носителями нормативного дискурса о традиционных ценностях, в то время как на уровне индивидуального сознания религиозность продолжает существовать преимущественно в «культурной» форме, не предполагающей высокой степени вовлечённости в церковную жизнь [5].

В регионах РФ религиозная идентичность может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что требует баланса между признанием культурно-религиозной специфики и единым гражданским пространством. Именно поэтому конфронтационные модели имеют тенденцию замещения интеграционными стратегиями. Так, Межрелигиозный совет России выступает площадкой согласования позиций, где участие в совместных мероприятиях формирует представление о совместимости конфессиональной и гражданской идентичностей [7]. Как отмечают Р.Н. Лункин и С.В. Мельник, межрелигиозный диалог на постсоветском пространстве переходит от декларативных форм к институционализированным

механизмам, что особенно важно в контексте профилактики экстремизма и укрепления гражданского мира [8].

Опыт межконфессионального взаимодействия в России показывает, что религиозные традиции способны выполнять функцию интеграции не только через прямое влияние на сознание верующих, но и через формирование общего символического поля, в рамках которого различные конфессии могут находить точки соприкосновения. В этом смысле деятельность Межрелигиозного совета России, объединяющего лидеров православия, ислама, буддизма и иудаизма, представляет собой уникальный институциональный механизм, позволяющий транслировать в публичное пространство согласованные позиции по вопросам гражданской идентичности, патриотизма и межнационального согласия. При этом важно, что данный диалог строится не на унификации религиозных доктрин, а на признании общей социальной миссии традиционных конфессий в сохранении единства российского общества.

Таким образом, традиционные религии России обладают значительным потенциалом для укрепления гражданской идентичности, однако реализация этого потенциала требует выработки сбалансированной государственной политики, учитывающей как конфессиональную специфику, так и региональные особенности, а также права и мировоззрение нерелигиозных граждан. Ключевым условием успешной интеграции является сохранение светского характера государства при одновременном признании особой роли традиционных религий как источников нравственных ориентиров и культурно-исторической преемственности.

Заключение

1. Религиозные традиции в современной России выступают значимым институциональным и социокультурным фактором формирования гражданской идентичности, обеспечивая трансляцию моральных норм, историческую преемственность и выступая в качестве культурных матриц для значительной части населения. Их влияние реализуется через механизмы «культурной религиозно-

сти», позволяющие интегрировать символический капитал традиционных конфессий в идентификационную политику государства без формального изменения светского характера государства, хотя критики указывают на риски постепенной, косвенной клерикализации отдельных общественных сфер.

2. Институциональное взаимодействие государства и религиозных организаций, закреплённое в нормативно-правовых актах и строящееся по принципу партнёрства («симфонии»), характеризуется дифференцированным подходом к конфессиям. Доминирующее положение православия как «первой среди равных» сочетается с признанием особой роли ислама, буддизма и иудаизма, что в регионах компактного проживания верующих формирует вариативные модели интеграции религиозной идентичности в общероссийский контекст.

3. Установлено, что уровень религиозности, выражающийся преимущественно в форме «культурной религиозности» (идентификация с конфессией без строгой регулярной практики), коррелирует с лояльностью государственным институтам. Однако сама по себе религиозная идентичность не тождественна гражданской: в ряде регионов она может выступать более сильным идентификатором, чем общероссийская, что требует различения в политике управления идентичностью собственно религиозной веры, этнокультурной традиции и гражданской идентичности как относительно самостоятельных уровней самосознания.

4. Межрелигиозный диалог, институционализированный в деятельности Межрелигиозного совета России, выступает ключевым механизмом согласования идентификационных стратегий различных конфессий и способствует формированию у верующих представления о совместимости конфессиональной и гражданской идентичностей. Основными вызовами для реализации консолидационного потенциала религиозных традиций остаются дилемма сохранения светского характера государства при использовании религиозного потенциала, плюрализм трактовок «традиционных ценностей» и риски превращения этнорелигиозной идентичности в фактор, ослабляющий единое гражданское пространство.

Список литературы

1. Багаева, К. А., & Цырендоржиева, Д. Ш. (2023). Социальные функции религии и специфики их реализации в условиях современности. *Вестник БГУ, (1)*, с. 18–30. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-1-18-30>. EDN: <https://elibrary.ru/JCBHEE>
2. Бичарова, М. М. (2020). Репрезентация концептов «религиозная идентичность» и «religious identity» в российской и западной лингвокультурах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики, 13(4)*, с. 147–155. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30>. EDN: <https://elibrary.ru/GHLSNF>
3. Буркова, Е. И. (2021). Религиозная идентичность как фактор политического развития России. *Дискурс-Пи, 18(1)*, с. 91–113. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113>. EDN: <https://elibrary.ru/XDHEZU>
4. Ворохобов, А. В. (2021). Религия как ответ на экзистенциальные вопросы (на примере христианства). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities, 1(4)*, с. 23–31. <https://doi.org/10.25991/vrhga.2022.23.4.022>. EDN: <https://elibrary.ru/OJIPJK>
5. Ворохобов, А. В. (2025). Религиозность как антропологическая константа: секьюлярный подход. В: *Актуальные проблемы современного российского религиоведения: термины и базовые концептуализации феномена религиозности* (с. 69–71). Владимир: Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. EDN: <https://elibrary.ru/MRWVRX>
6. В РФ 67 % православных, 7 % мусульман — опрос ВЦИОМ (б. д.). *Институт религии и политики*. Retrieved from <https://irp.news/v-rf-67-pravoslavnyh-7-musulman-opros-vciom> (accessed: 21.03.2026)
7. Козлов, В. П. (2024). Социальная сплочённость и духовность: роль религии в формировании гражданской идентичности. В: *Гуманитарное знание и духовная безопасность* (с. 63–68). Грозный: ООО «Издательство АЛЕФ». EDN: <https://elibrary.ru/MTKMTL>
8. Лункин, Р. Н., & Мельник, С. В. (2024). Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства. *Россия и мир: научный диалог, (2)*, с. 52–65. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65). EDN: <https://elibrary.ru/VKERJR>
9. Матвиенко, В. А. (2023). Религия в контексте развития национально-государственной идентичности российской молодёжи. В: *Духовно-нравственное воспитание: исторические вызовы и выбор человека* (с. 302–309). Москва: Московский государственный областной педагогический университет. EDN: <https://elibrary.ru/CVFSBW>
10. Мордишева, Л. Н., Юрасов, И. А., Тимохина, Д. М., & Луканина, Ю. Р. (2025). Исламская религиозная идентичность в контексте формирования общегражданской Российской идентичности: социологический анализ. *Известия выс-*

- ших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, (3), с. 5–28. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1>. EDN: <https://elibrary.ru/RVWHUP>
11. Мурог, Е. И. (2025). Новая гражданская религия России. В поисках национальной идентичности. *Вопросы политологии*, 15(5), с. 1639–1651. <https://doi.org/10.35775/PSI.2025.117.5.008>. EDN: <https://elibrary.ru/AQEFZC>
 12. Мчедлова, М. М. (2018). Религиозная ситуация в России и её регионах. В: В. А. Тишков, & В. В. Степанов (Ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 163–170). Москва: ИА РАН. EDN: <https://elibrary.ru/XZFLGX>
 13. Незнанова, В. С. (2021). Влияние православной церкви на развитие гражданского общества в России. *Социодинамика*, (10), с. 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36677>. EDN: <https://elibrary.ru/SLRUGM>
 14. Носенко-Штейн, Е. Э. (2021). Идентичность, самоидентификация, память у евреев современной России. В: *Иудаика в системе современного образования: сборник материалов Международной научной конференции* (с. 98–113). Москва: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина. EDN: <https://elibrary.ru/OJTKWI>
 15. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 (2022). Retrieved from <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed: 21.03.2026)
 16. Религия и общество: мониторинг (2025). *ВЦИОМ*. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (accessed: 21.03.2026)
 17. Синь, А. Л. (2025). Роль православия как фактора формирования российской гражданской идентичности в эпоху постсекулярности. *Общество: политика, экономика, право*, (8), с. 120–125. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.14>. EDN: <https://elibrary.ru/IXARDS>
 18. Скрыбин, Д. И. (2025). Роль нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности. *Социально-гуманитарные знания*, (1), с. 275–279. EDN: <https://elibrary.ru/UYXDAL>
 19. Степанов, С. В. (2026). Динамика религиозных культурных процессов в России конца XX – первой четверти XXI вв. (обзор публикаций). *Сибирский антропологический журнал*, 10(1), с. 146–157. EDN: <https://elibrary.ru/DSSTBS>
 20. Топпер, П. (2022). Становление буддизма в современной России как формы новой идентичности. В: В. А. Егоров (Ред.), *Многообразие религиозных форм современной России* (с. 85–114). Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия. EDN: <https://elibrary.ru/UETVJW>
 21. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997). *Собрание законодательства РФ*, (39), ст. 4465.

22. Ярлыкапов, А. А., & Адиев, А. З. (2021). Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности». *Исламоведение*, 12(4), с. 59–74. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>. EDN: <https://elibrary.ru/WQSRVH>

References

1. Bagaeva, K. A., & Tsyrendorzhieva, D. Sh. (2023). Social functions of religion and specifics of their implementation in modern conditions. *Bulletin of Buryat State University*, (1), pp. 18–30. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2023-1-18-30>. EDN: <https://elibrary.ru/JCBHEE>
2. Bicharova, M. M. (2020). Representation of the concepts “religious identity” and “religious identity” in Russian and Western linguocultures. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 13(4), pp. 147–155. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30>. EDN: <https://elibrary.ru/GHLSNF>
3. Burkova, E. I. (2021). Religious identity as a factor of Russia’s political development. *Discourse-P*, 18(1), pp. 91–113. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-91-113>. EDN: <https://elibrary.ru/XDHEZU>
4. Vorokhobov, A. V. (2021). Religion as an answer to existential questions (on the example of Christianity). *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 1(4), pp. 23–31. <https://doi.org/10.25991/vrhga.2022.23.4.022>. EDN: <https://elibrary.ru/OJIPJK>
5. Vorokhobov, A. V. (2025). Religiosity as an anthropological constant: A secular approach. In: *Current Issues of Modern Russian Religious Studies: Terms and Basic Conceptualizations of the Phenomenon of Religiosity* (pp. 69–71). Vladimir: Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. EDN: <https://elibrary.ru/MRWVRX>
6. 67 % of Russians are Orthodox, 7 % are Muslim — VCIOM poll (n.d.). Institute of Religion and Politics. Retrieved from <https://irp.news/v-rf-67-pravoslavnyh-7-musulman-opros-vciom> (accessed: 21.03.2026)
7. Kozlov, V. P. (2024). Social cohesion and spirituality: The role of religion in forming civic identity. In: *Humanitarian Knowledge and Spiritual Security* (pp. 63–68). Grozny: OOO “Publishing House ALEF”. EDN: <https://elibrary.ru/MTKMTL>
8. Lunkin, R. N., & Melnik, S. V. (2024). Interreligious dialogue: Current significance, typology, and features of the post-Soviet space. *Russia and the World: Scientific Dialogue*, (2), pp. 52–65. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65). EDN: <https://elibrary.ru/VKERJR>
9. Matvienko, V. A. (2023). Religion in the context of developing national and state identity of Russian youth. In: *Spiritual and Moral Education: Historical Challenges and Human Choice* (pp. 302–309). Moscow: Moscow Region State Pedagogical University. EDN: <https://elibrary.ru/CVFSBW>
10. Mordisheva, L. N., Yurasov, I. A., Timokhina, D. M., & Lukanina, Yu. R. (2025). Islamic religious identity in the context of forming a common civic Russian identity:

- A sociological analysis. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*, (3), pp. 5–28. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-3-1>. EDN: <https://elibrary.ru/RVWHUP>
11. Murog, E. I. (2025). Russia's new civil religion. In search of national identity. *Issues of Political Science*, 15(5), pp. 1639–1651. <https://doi.org/10.35775/PSI.2025.117.5.008>. EDN: <https://elibrary.ru/AQEFZC>
 12. Mchedlova, M. M. (2018). The religious situation in Russia and its regions. In: V. A. Tishkov, & V. V. Stepanov (Eds.), *Ethnic and Religious Diversity of Russia* (pp. 163–170). Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. EDN: <https://elibrary.ru/XZFLGX>
 13. Neznanova, V. S. (2021). The influence of the Orthodox Church on the development of civil society in Russia. *Sociodynamics*, (10), pp. 1–8. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36677>. EDN: <https://elibrary.ru/SLRUGM>
 14. Nosenko-Stein, E. E. (2021). Identity, self-identification, and memory among Jews in contemporary Russia. In: *Judaic Studies in the System of Modern Education: Proceedings of the International Scientific Conference* (pp. 98–113). Moscow: Russian State University named after A. N. Kosygin. EDN: <https://elibrary.ru/OJTKWI>
 15. *Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022* (2022). Retrieved from <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed: 21.03.2026)
 16. *Religion and Society: Monitoring* (2025). VCIOM. Retrieved from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (accessed: 21.03.2026)
 17. Xin, A. L. (2025). The role of Orthodoxy as a factor in forming Russian civic identity in the era of post-secularity. *Society: Politics, Economics, Law*, (8), pp. 120–125. <https://doi.org/10.24158/pep.2025.8.14>. EDN: <https://elibrary.ru/IXARDS>
 18. Skryabin, D. I. (2025). The role of regulatory legal acts in forming a common Russian civic identity. *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), pp. 275–279. EDN: <https://elibrary.ru/UYXDAL>
 19. Stepanov, S. V. (2026). Dynamics of religious and cultural processes in Russia in the late 20th – first quarter of the 21st centuries (a review of publications). *Siberian Anthropological Journal*, 10(1), pp. 146–157. EDN: <https://elibrary.ru/DSSTBS>
 20. Topper, P. (2022). The emergence of Buddhism in modern Russia as a form of new identity. In: V. A. Egorov (Ed.), *Diversity of Religious Forms in Modern Russia* (pp. 85–114). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. EDN: <https://elibrary.ru/UETVJW>
 21. *Federal Law No. 125-FZ dated September 26, 1997 (as amended on April 6, 2024) "On Freedom of Conscience and on Religious Associations"* (1997). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (39), Art. 4465.

22. Yarlykapov, A. A., & Adiev, A. Z. (2021). Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, mosaicism, and the problem of “traditionality”. *Islamic Studies*, 12(4), pp. 59–74. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74>. EDN: <https://elibrary.ru/WQSRVH>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ворохобов Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
пр. Гагарина, 17А, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
vorokhobov@yandex.ru

Собко Руслан Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
пр. Гагарина, 17А, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
r.sobco@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Vorokhobov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Education Disciplines
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch
17A, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
vorokhobov@yandex.ru
SPIN-code: 1329-1458
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6936-9971>
Researcher ID: AAR-2112-2020
Scopus Author ID: 881246

Ruslan V. Sobko, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Volga Branch
17A, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
r.sobco@mail.ru

Поступила 02.03.2026
После рецензирования 22.03.2026
Принята 30.03.2026

Received 02.03.2026
Revised 22.03.2026
Accepted 30.03.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-543](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-543)EDN: [IFVTOC](https://www.edn.ru/IFVTOC)

УДК 811.112



Исследование особенностей лакунарных единиц немецкого языка на семантическом уровне

Н.А. Нарыкова, И.В. Крюкова*Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России,
Ставрополь, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Одной из уникальных особенностей каждого языка является наличие лексических лакун, таких лексических единиц, которые не имеют эквивалента в другом языке. Лексические лакунарные единицы отражают культурную, историческую, социально-бытовую специфику нации.

Объектом данного исследования являются лакунарные единицы немецкого языка, а предметом – лингвокультурные особенности лексических лакун при сопоставлении немецкого и русского языков.

Цель состоит в разборе и описании семантических особенностей лакунарных единиц немецкого языка.

Актуальность исследования заключается в том, что лексические лакунарные единицы не только характеризуют особенности языка, но и являются продуктивным способом изучения его национально-культурной специфики. Лакунарные лексические единицы, фоновые знания, языковая картина мира – все это способствует формированию культурологического мировоззрения.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что явление лексической лакунарности в сопоставляемых языках еще не являлось предметом отдельного глубокого изучения. Новизна работы заключается также в стилистическом и словообразовательном анализе исследуемой лексики.

Материалом исследования явился словарный состав немецкого и русского языков, представленный в лексикографических источниках, а также свободные источники сети Интернет.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: метод лингвистического описания на базе структурно-семантического анализа, метод сопоставления и обобщения.

На основании выборки дефиниций термина «лакуна», «лакунарная единица», а также разных классификаций лакунарных единиц были определены основные признаки и характеристики данного лингвистического явления.

По результатам исследования было выявлено, что лакунарные единицы являются лингвокультурным феноменом, который существует на разных уровнях языка и культуры. Лакуны могут являться препятствием для взаимопонимания носителей различных культур, поэтому проблема лакунарности является особенно важной в современном мире. Большая часть лакунарных лексических единиц немецкого языка представляет собой композиты и субдериваты, имеющие как стилистически нейтральную окраску, так и экспрессивную, оценивающую. Большая часть лексических лакунарных единиц отражает душевное состояние человека, его эмоциональную сферу.

Материалы исследования могут быть использованы в процессе овладения немецким языком, на практических занятиях по устной речи, а также в курсах лексикологии и переводоведения.

Ключевые слова: лакуна; лакунарная лексическая единица; словообразование; эквивалент; переводимость

Для цитирования. Нарыкова, Н. А., & Крюкова, И. В. (2026). Исследование особенностей лакунарных единиц немецкого языка на семантическом уровне. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 106–119. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-543>

Study of the features of lacunar units of the German language at the semantic level

N.A. Narykova, I.V. Kryukova

*Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation, Stavropol, Russian Federation*

Abstract

Background. One of the unique features of each language is the presence of lexical lacunae, such lexical units that have no equivalent in another language. Lexical lacunar units reflect the cultural, historical, social and everyday characteristics of the nation.

The object of this study is lexical lacunae in the German language, while the subject is the linguistic and cultural features of lexical lacunae when comparing German and Russian.

The **purpose** of the work is to analyze and describe the semantic features of lacunar units of the German language.

The relevance of the study lies in the fact that lexical lacunar units not only characterize the features of the language, but are also a productive way to study its national and

cultural specifics. Lacunar lexical units, background knowledge, a linguistic picture of the world - all this contributes to the formation of a culturological worldview.

The scientific novelty of the study is due to the fact that the phenomenon of lexical lacunarity in comparable languages has not yet been the subject of a separate in-depth study. The novelty of the work also lies in the stylistic and word-forming analysis of the studied vocabulary.

The research material was the vocabulary of the German and Russian languages, presented in lexicographic sources, as well as free sources of the Internet.

In the course of the study, the following **methods** were used: a method of linguistic description based on structural-semantic analysis, a method of comparison and generalization.

Based on a sample of definitions of the term “lacuna”, “lacunar unit”, as well as various classifications of lacunar units, the main signs and characteristics of this linguistic phenomenon were determined.

According to the **results of the study**, it has been revealed that lacunar units are a linguistic and cultural phenomenon that exists at different levels of language and culture. Lacunae can be an obstacle to mutual understanding of carriers of different cultures, so the problem of lacunarity is especially important in the modern world. Most of the lacunar lexical units of the German language are composites and subderivates, which have both stylistically neutral coloring and expressive, as well as evaluating. Most of the lexical lacunar units reflect the state of mind of a person, his or her emotional sphere.

The research materials can be used in the process of mastering the German language for oral speech practice, as well as at lexicology and translation courses.

Keywords: lacuna; lacunar lexical unit; word formation; equivalent; transmissibility

For citation. Narykova, N. A., & Kryukova, I. V. (2026). Study of the features of lacunar units of the German language at the semantic level. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 106–119. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-543>

Одним из самых интересных явлений в любом языке являются лексические лакуны. Термин «лакуна» (от лат. lacuna – углубление, провал) используется в терминосистемах различных научных дисциплин и обозначает отсутствие чего-либо. В лингвистике под лакуной, в широком смысле слова, понимается отсутствие в системе языка слова или устойчивого сочетания для обозначения определенного понятия, которое существует в другой лингвокультуре.

Вопросы лакунарности изучались как отечественными, так и зарубежными языковедами: переводоведами, языковедами когнитивной лингвистики, лингвокультурологами, концептологами, психолингвистами.

Ученые не пришли к единому мнению в определении лексической лакуны. И.А. Стернин, Е.М. Верещагин, Ю.С. Степанов называли отсутствие однословных эквивалентов для понятий, существующих в других языках, пробелами, антисловами, белыми пятнами на семантической картине языка, безэквивалентами, лексическими нулями, нулевыми лексемами, лингвокультурами, примерами непереводаемого характера. Г.Д. Гачев охарактеризовал их «заусеницами» в межкультурной коммуникации [5, с. 82]. Переводоведы конца XX в. Дж. Альбрехта, Х.Г. Хёниг, П. Куссмауль, В. Коллер исследовали лексическую лакунарность и определяли лакуну как отсутствие эквивалента лексической единицы в словарном составе языка, на который осуществляется перевод [1].

В контексте данного исследования мы будем использовать термин «лакуна» и «лакунарная лексическая единица», относя лакуну к языку, в котором нет эквивалента, а лакунарная единица – это слово, дающее лакуну для другого языка.

В нашей работе объектом исследования являются лакунарные единицы немецкого языка, а предметом – лингвокультурные особенности межъязыковых лексических лакун при сопоставлении немецкого и русского языков.

Материалом исследования явился словарный состав немецкого и русского языков, представленный в лексикографических источниках, а также свободные источники сети Интернет.

Цель работы заключается в анализе и описании особенностей лакунарных единиц немецкого языка на семантическом уровне. Лингвистический анализ будет носить практическую ценность в расширении лингвистических знаний, в практике перевода и интуитивном освоении речи. Изучение лакунарных единиц является окном в менталитет нации.

Возникновение и существование лакун в языке является закономерным, естественным процессом, так как в языке отражаются культурные, эмоциональные и бытовые особенности нации, различия в истории, географии и мировоззрении народов. Главная причина лакунарности – это неповторимость опыта, уникальность

«картины мира» каждого народа. Таким образом, **актуальность** исследования заключается в том, что лексические лакунарные единицы не только характеризуют особенности языка, но и являются продуктивным способом изучения его национально-культурной специфики. Лакунарные лексические единицы, фоновые знания, языковая картина мира – все это способствует формированию культурологического мировоззрения. Необходимо отметить, что лакуны не являются раз и навсегда установившейся категорией, они изменяются вместе с развитием лексики языка и его бытовых понятий. Бывает так, что с течением времени лакуны «заполняются» в результате процесса заимствования либо образования новых слов собственными средствами языка.

Научная новизна данного исследования обусловлена тем, что явление лексической лакунарности в сопоставляемых языках не являлось еще предметом отдельного глубокого изучения. В настоящей работе впервые был описан состав лакунарной лексики немецкого языка относительно русского. Новизна работы заключается в стилистическом и словообразовательном анализе исследуемой лексики.

Лакунарные лексические единицы подвергаются различным классификациям. Например, выделяют экстралингвистические и лингвистические лакуны. Экстралингвистические связаны с условиями или явлениями, существующие вне самого языка: социальными нормами, историческими событиями, культурными традициями, национальными обычаями и невербальными средствами общения.

С точки зрения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, лакуны делятся по парадигматической характеристике на родовые и видовые, по степени абстрактности содержания на предметные и абстрактные, по типу номинации – на номинативные и стилистические [19, с. 19–20].

Лингвистические лакуны выявляются при сопоставлении языков или единиц внутри языка. Таким образом, они подразделяется на межъязыковые и внутриязыковые.

К внутриязыковым лакунам мы отнесли отсутствие лексической единицы для обозначения понятия, которое существует в картине

мира носителей языка, но не имеет вербального выражения. Это «пробел» в лексической системе самого языка. Например, в немецком языке радость за чужие неудачи имеет название: Schadenfreude, а гордость за успехи другого вербализации не получило, хотя, эмоция существует.

Некоторые ученые, например, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак, В.Г. Кузнецов оспаривают наличие внутриязыковых лакун, ссылаясь на то, что «лакуны в силу своей природы – принадлежность конкретного языка, носители языка лакуны не осознают, а выявляются они путем межязыкового сопоставления» [4, с. 117; 9, с. 60].

Широко распространена классификация лексических лакун по наличию эквивалента в словаре при имеющемся предмете, объекте или явлении в картинах мира сопоставляемых языков. В таком случае лакуны делятся на абсолютные и относительные (неполные). Абсолютные лакуны подразумевают отсутствие в языке перевода эквивалента при наличии самого объекта, предмета или явления [17, с. 98]. Примером этому может служить в немецком языке *der Feierabend*, *das Mitbestimmungsrecht*, *doch*, *die Zweisamkeit*, *die Geschwister*, *Morgenmuffel*, *Drachenfutter*, *Ohrwurm*, *Fernweh*, *Reisefieber*, *Suppenkoma*, *Futterneid* и т.д. В случае неполной лакунарности речь идет о частоте использования слова в языке перевода при его наличии в словаре.

Деление лакун на абсолютные и относительные поддерживается, однако, не всеми исследователями. По мнению Д.Б. Гудкова, сам термин «относительная лакуна» не представляется удачным, поскольку, как он отмечает, «не может быть относительного пробела» [6, с. 79].

Абсолютные лакуны переводятся чаще всего описательным методом, или функционально-адекватной заменой. Функционально-адекватная замена предполагает замену образа при переводе с использованием образных средств языка перевода. Описательный перевод раскрывает понятие с помощью развернутого описания. И тот и другой способ требуют от переводчика полного осмысления сути описываемого явления и знаний культурных особенностей.

Лакуны возникают из-за недостаточности или, наоборот, избыточности конкретных явлений, которые отражаются в вербальной репрезентации культурных реалий. Например, в немецком языке существует слово *die Geschwister*, обозначающее брата и сестру, в то время как в русском языке такое понятие отсутствует. А такие понятия, как теща, свекровь в немецком языке реализуются в одном наименовании – *die Schwiegermutter*. Слово *der Finger* относится только к пальцу руки, так как для пальца ноги есть другое наименование *der Zeh*.

Семантический анализ лакунарных лексических единиц позволил выделить наиболее продуктивные сферы их употребления:

1. Наименования человека, имеющие субъективную оценку: *der Morgenmuffel* (человек, у которого по утрам всегда плохое настроение), *der Sandkastenfreund* (друг детства), *der Spaßbremser* (человек, портящий праздник, вечеринку, получение удовольствия), *der Klugscheißer* (неприятный человек, который считает, что знает все лучше всех, умник);

2. Чувства и состояние человека: *das Heimweh* (тоска по дому), *das Fernweh* (тоска по странствиям, дальним местам), *das Reisefieber* (состояние легкого возбуждения пред путешествием), *das Fremdschämen* (чувство стыда, неловкости за поведение другого), *der Weltschmerz* (состояние боли, печали за мир и его несовершенство), *die Geborgenheit* (чувство безопасности, защищённости, домашнего уюта, тепла и доверия в окружении близких), *das Suppenkoma* (сонливость, вялость и желание поспать, возникающие сразу после приема пищи), *die Sehnsucht* (томление духа, страстное желание или сильное стремление к чему-либо), *die Zweisamkeit* (уединение вдвоём, романтическое нераздельность двух людей), *die Torschusspanik* (страх что-то не успеть, упустить время и не выйти замуж или упустить возможность в профессиональном плане);

3. Время: *der Feierabend* (время после работы), *die Mahlzeit* (приветствие во время обеденного перерыва), *der Brückentag* (рабочий день, который находится между праздничным днем и нерабочим днем, субботой или воскресеньем);

4. **Социально-бытовые отношения:** die Ellbogengesellschaft (общество жестокой конкуренции, в котором нет дела до чужих бед), das Drachenfutter (подарок жене от мужа, который преподносится им с целью загладить свою вину);

5. **Когнитивные моменты:** der Treppenwitz (остроумный ответ, пришедший на ум после окончания разговора), die Schnapsidee (бредовая идея, такая, которая приходит на ум после выпитого алкоголя).

Как показывает проведенный анализ, наибольшую часть лакунарных единиц занимают лексические единицы, относящиеся к чувствам, переживаниям и душевному состоянию человека. Этот факт отражает высокую степень эмоциональной сферы в немецкой лингвокультуре и склонность к интроспекции, самоанализу и точной номинации внутреннего состояния.

В силу того, что словосложение является продуктивным методом немецкого словообразования, многие лексические единицы, дающие лакуны в другие языки, представляют собой композиты или субдериваты, то есть существительные, в состав которых входят лексические единицы с размытым семантическим значением.

С точки зрения стилистики, очевидно, что лексические лакунарные единицы представляют собой как нейтральные образования, так и имеющие в себе коннотативное значение, экспрессивно-эмоционально окрашенные. Например, das Drachenfutter – метафора, дающая ироничную оценку. Der Kummerspeck описывает вес, который человек набирает в результате эмоционального переедания. Слово имеет ярко выраженную негативную или иронично-сочувственную окраску. Der Ohrwurm дословно переводится как «ушной червь», в действительности – навязчивая мелодия, звучащая в голове. Слово образовано на основе метафорического переноса, но является нейтральным. Сравнение с червем не носит негативного оттенка, а, скорее, показывает, как легко музыка проникает в голову. Необходимо отметить, что такого понятия нет в русском языке, хотя оно есть в других языках. То есть лакуной это немецкое слово является только для русского языка. Das Suppenkoma имеет иронич-

ный оттенок, означает сонливое состояние человека, наступающее после приема пищи. Der Lebensabschnittspartner – спутник жизни на какое-то время. В разговорно-обиходном стиле коррелирует с негативным, пессимистическим оттенком.

Как известно, многие заимствования в языке появляются для элиминирования лексических лакун. Так, например, в русском языке появились немецкие заимствования, типа «галстук», «вундеркинд», «рюкзак», «штраф», «шланг», «цейтнот» и т.д. Для некоторых явлений, типа «нехватка времени», «цейтнот» оказался более точным, емким и более экономичным описанием. То же самое можно сказать и о талантливом ребенке: вундеркинд имеет более высокую степень исключительности, так как вундеркинд показывает не просто хорошие, а экстраординарные достижения. В других случаях слово заимствовалось вместе с предметом, как например, Halstuch. Не все лакуны, однако, могут быть заполнены. В силу сложившейся языковой традиции, разности языковых систем даже при попытке перевода или заимствования слово приобретает иные коннотации, теряет объем понятия, культурные ассоциации.

По результатам исследования было выявлено, что лакунарные языковые единицы являются лингвокультурным феноменом, в котором отражаются важные для народа понятия, реалии, оценки, отношения, качества, которые чаще всего понятны и в другой картине мира, но они не получили вербального выражения в его языке в силу особенностей миропонимания. Существование лакун может являться препятствием для взаимопонимания носителей различных культур, поэтому проблема лакунарности является особенно важной в современном мире.

Межъязыковые лакунарные единицы немецкого языка относятся к оценочному наименованию лиц, описанию душевного состояния человека, его эмоциональной сфере, дому, уюту, социальной сфере. Большая часть лакунарных лексических единиц немецкого языка представляет собой композиты и субдериваты, имеющие как стилистически нейтральную окраску, так и экспрессивно-оценивающую.

Список литературы

1. Аверкина, Л. А., & Базылев, В. Н. (2013). Lexikalische Lucke (лексическая лакуна). В: *Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник*.
2. Байрамова, Л. К. (2011). Лингвистические лакунарные единицы и лакуны. *Вестник ЧелГУ*, (25), с. 22–27. EDN: <https://elibrary.ru/OWYASB>
3. Быкова, Г. В. (2003). *Лакунарность как категория лексической системологии*. Благовещенск: БГПУ, 364 с. ISBN: 5-8331-0045-3. EDN: <https://elibrary.ru/QRCWIT>
4. Гак, В. Г. (1977). *Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков*. Москва: Международные отношения, 286 с. EDN: <https://elibrary.ru/QSEWRR>
5. Гачев, Г. Д. (1967). О национальных картинах мира. *Народы Азии и Африки*, (1), с. 75–82. EDN: <https://elibrary.ru/VMPGUF>
6. Гудков, Д. Б. (2003). *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: Гнозис, 288 с.
7. Данильченко, Т. Ю. (2014). Понятие и сущность лакун. *Наука. Искусство. Культура*, (3), с. 51–57. EDN: <https://elibrary.ru/SFNYVD>
8. Кузнецов, В. Г. (2023). Лакунарность словообразовательной категоризации в когнитивном аспекте (на материале русского, французского и английского языков). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание*, (4), с. 7–17. <https://doi.org/10.31249/ling/2023.04.01>. EDN: <https://elibrary.ru/NLWHVV>
9. Кузнецов, В. Г. (2017). Лексические лакуны и границы переводимости. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (9) (781), с. 50–59. EDN: <https://elibrary.ru/YUGJDM>
10. Мануковская, Т. В., Смотровая, И. В., & Сложеницына, Л. В. (2018). Понятие «языковая лакуна» в современной лингвистике на основе славянских и романо-германских языков. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (2-1) (80), с. 120–123. EDN: <https://elibrary.ru/YODNLK>
11. Махонина, А. А., & Стернина, М. А. (2005). Опыт типологии межъязыковых лакун. В: Ю. А. Сорокин, & Г. В. Быкова (Ред.), *Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр., вып. 2* (с. 45–55). Благовещенск: БГПУ. EDN: <https://elibrary.ru/YQBMKG>
12. Муравьев, В. Л. (1975). *Лексические лакуны: на материале лексики французского и русского языков*. Владимир: Издательство Владимирского гос. пед. института, 75 с.
13. Никифорова, Ж. А., & Шевчук, Е. В. (2022). Исследование особенностей лакунарных единиц английского и немецкого языков на семантическом уровне.

- Современное педагогическое образование*, (3), с. 186–191. EDN: <https://elibrary.ru/YDHYCC>
14. Попова, З. Д., & Стернин, И. А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ: «Восток-Запад», 314 с. ISBN: 978-5-17-045103-6. EDN: <https://elibrary.ru/RUFSDV>
 15. Попова, З. Д., & Стернин, И. А. (2002). *Язык и национальная картина мира*. Воронеж: ВГУ, 60 с. EDN: <https://elibrary.ru/UOUYFL>
 16. Радбиль, Т. Б. (2016). Национальная специфика грамматики русского языка: когнитивный и лингво-культурологический аспекты. В: *Международный научный симпозиум «Русская грамматика»: сборник тезисов* (Москва, 13–15 апреля 2016 г., с. 96–99). Москва. EDN: <https://elibrary.ru/XGTGKF>
 17. Степанов, Ю. С. (1966). *Основы языкознания*. Москва: Просвещение, 272 с.
 18. Стернин, И. А. (2007). *Контрастивная лингвистика*. Москва: «Восток-Запад», 282 с.
 19. Стернин, И. А., Попова, З. Д., & Стернина, И. А. (2003). Лакуны и концепты. В: Ю. А. Сорокин, & Г. В. Быкова (Ред.), *Лакуны в языке и речи: сборник научных трудов* (с. 205–224). Благовещенск: Изд-во БГПУ.
 20. Филончик, О. А., Слива, М. Е., & Ступина, Т. В. (2020). Перевод лексических лакун в спортивной лексике. *Гуманитарные и социальные науки*, (6). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242>. EDN: <https://elibrary.ru/GAFKAL>
 21. Хакимова, Ш. Р. (2015). Лакуны как лингвистическое явление. *Молодой учёный*, (1) (81), с. 420–422. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/81/14614> (accessed: 06.03.2026). EDN: <https://elibrary.ru/TEVBVF>
 22. Штепина, Д. А. (2022). Сложные (непереводимые на русский язык) немецкие слова и какие их эквиваленты в русском языке существуют. В: *Материалы XIV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*. Retrieved from <https://scienceforum.ru/2022/article/2018029278> (accessed: 06.03.2026). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242>
 23. Panasiuk, I. (2006). Lakunen-Theorie und Äquivalenzproblematik. В: *Вопросы психолингвистики: международный выпуск, посвящённый 70-летию Юрия Александровича Сорокина*, (3), Москва, с. 193–219.

References

1. Averkina, L. A., & Bazylev, V. N. (2013). *Lexikalische Lucke (lexical gap)*. In: *Basic Concepts of German-Language Translation Studies: A Terminological Dictionary and Reference Guide*.
2. Bayramova, L. K. (2011). Linguistic lacunar units and lacunas. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (25), pp. 22–27. EDN: <https://elibrary.ru/OWYASB>
3. Bykova, G. V. (2003). *Lacunarity as a Category of Lexical Systemology*. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 364 pp. ISBN: 5-8331-0045-3. EDN: <https://elibrary.ru/QRCWIT>

-
4. Gak, V. G. (1977). *Comparative Lexicology: Based on the Material of French and Russian Languages*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 286 pp. EDN: <https://elibrary.ru/QSEWRR>
 5. Gachev, G. D. (1967). On national worldviews. *Peoples of Asia and Africa*, (1), pp. 75–82. EDN: <https://elibrary.ru/VMPGUF>
 6. Gudkov, D. B. (2003). *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow: Gnozis, 288 pp.
 7. Danilchenko, T. Yu. (2014). The concept and essence of lacunas. *Science. Art. Culture*, (3), pp. 51–57. EDN: <https://elibrary.ru/SFNYVD>
 8. Kuznetsov, V. G. (2023). Lacunarity of word-formation categorization in a cognitive aspect (based on Russian, French, and English languages). *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics*, (4), pp. 7–17. <https://doi.org/10.31249/ling/2023.04.01>. EDN: <https://elibrary.ru/NLWHVV>
 9. Kuznetsov, V. G. (2017). Lexical lacunas and the limits of translatability. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (9) (781), pp. 50–59. EDN: <https://elibrary.ru/YUGJDM>
 10. Manukovskaya, T. V., Smotrova, I. V., & Slozhenitsyna, L. V. (2018). The concept of “language lacuna” in modern linguistics based on Slavic and Romano-Germanic languages. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (2 1) (80), pp. 120–123. EDN: <https://elibrary.ru/YODNLK>
 11. Makhonina, A. A., & Sternina, M. A. (2005). An experience in typology of interlingual lacunas. In: Yu. A. Sorokin, & G. V. Bykova (Eds.), *Lacunas in Language and Speech: Collection of Scientific Papers, Issue 2* (pp. 45–55). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. EDN: <https://elibrary.ru/YQBMKG>
 12. Muravyov, V. L. (1975). *Lexical Lacunas: Based on the Vocabulary of French and Russian Languages*. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute Press, 75 pp.
 13. Nikiforova, Zh. A., & Shevchuk, E. V. (2022). Research on the features of lacunar units in English and German at the semantic level. *Modern Pedagogical Education*, (3), pp. 186–191. EDN: <https://elibrary.ru/YDHYCC>
 14. Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2007). *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 314 pp. ISBN: 978-5-17-045103-6. EDN: <https://elibrary.ru/RUFSVD>
 15. Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2002). *Language and the National Worldview*. Voronezh: Voronezh State University, 60 pp. EDN: <https://elibrary.ru/UOUYFL>
 16. Radbil, T. B. (2016). National specificity of Russian grammar: Cognitive and linguocultural aspects. In: *International Scientific Symposium “Russian Grammar”: Collection of Abstracts (Moscow, April 13–15, 2016)* (pp. 96–99). Moscow. EDN: <https://elibrary.ru/XGTGKF>
 17. Stepanov, Yu. S. (1966). *Fundamentals of Linguistics*. Moscow: Prosveshchenie, 272 pp.

18. Sternin, I. A. (2007). *Contrastive Linguistics*. Moscow: Vostok-Zapad, 282 pp.
19. Sternin, I. A., Popova, Z. D., & Sternina, I. A. (2003). Lacunas and concepts. In: Yu. A. Sorokin, & G. V. Bykova (Eds.), *Lacunas in Language and Speech: Collection of Scientific Papers* (pp. 205–224). Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
20. Filonchik, O. A., Sliva, M. E., & Stupina, T. V. (2020). Translation of lexical lacunas in sports terminology. *Humanities and Social Sciences*, (6). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242>. EDN: <https://elibrary.ru/GAFKAL>
21. Khakimova, Sh. R. (2015). Lacunas as a linguistic phenomenon. *Young Scientist*, (1) (81), pp. 420–422. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/81/14614> (accessed: 06.03.2026). EDN: <https://elibrary.ru/TEVBYF>
22. Shtepina, D. A. (2022). Complex (untranslatable into Russian) German words and their equivalents in Russian. In: *Proceedings of the XIV International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"*. Retrieved from <https://scienceforum.ru/2022/article/2018029278> (accessed: 06.03.2026). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242>
23. Panasiuk, I. (2006). *Lakunen Theorie und Äquivalenzproblematik*. In: *Issues of Psycholinguistics: International Issue Dedicated to the 70th Anniversary of Yuri Alexandrovich Sorokin*, (3). Moscow, pp. 193–219.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Нарыкова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
*Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
narnata@rambler.ru*

Крюкова Инна Витальевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
*Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России
пр-т Кулакова, 43, г. Ставрополь, 355000, Российская Федерация
krukovainna@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalija A. Narykova, Cand. Phil. Sci., Assistant Professor, Assistant Professor of Chair of Social and Economic and Humanitarian Disciplines
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

43, Kulakov Ave., Stavropol , 355000, Russian Federation
narnata@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-0734>

Inna V. Kryukova, Cand. Phil. Sci., Senior Lecturer of Chair of Social and Economic and Humanitarian Disciplines
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
43, Kulakov Ave., Stavropol , 355000, Russian Federation
krukovainna@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0085-7082>

Поступила 05.03.2026
После рецензирования 20.03.2026
Принята 27.03.2026

Received 05.03.2026
Revised 20.03.2026
Accepted 27.03.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-531](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-531)EDN: [PXBOEG](https://edn.ru/PXBOEG)

УДК 81'42:32



Классификация и взаимодействие манипулятивных стратегий в политическом дискурсе (на материале политического интервью Д. Трампа)

Мунееб Ю.А. Алхамад, А.А. Билялова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена лингвопрагматическому анализу манипулятивных стратегий в американском политическом дискурсе на материале интервью Д. Трампа. В работе последовательно анализируются три ключевые стратегии (на понижение, на повышение и театральность) и их конкретные тактики (обвинение, самопрезентация, провокация и др.). Манипуляция в американском политическом дискурсе является неотъемлемой частью **политической коммуникации**, где манипулятивные стратегии реализуются не изолированно, а во взаимодействии.

Научная новизна состоит в том, что по результатам исследования составлен наиболее актуальный лингвопрагматический речевой портрет Д. Трампа, в котором отражены его индивидуальные коммуникативные особенности употребления коммуникативных тактик («на понижение», «на повышение», «театральность») в политическом дискурсе.

Цель – выявление, описание и анализ функционирования лингвопрагматических тактик манипуляции в американском политическом дискурсе.

Материалы и методы. В качестве материала исследования используется интервью 45-го президента США Дональда Трампа с американской медиа-организацией в области политической журналистики Politico. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки и метод контекстуального анализа.

Результаты. Анализ фактического материала доказывает комплексный характер применения манипулятивных стратегий. В частности, **стратегия «на понижение»**, функционирующая через тактики обвинения, оскорбления, обличения, угрозы и т.д., служит инструментом дискредитации оппонента, а также разделения коммуникативного пространства по принципу «свой/чужой». Конструируемый та-

ким образом негативный фон выступает необходимым условием для реализации **стратегии «на повышение»**, где тактики прямой и косвенной самопрезентации, позитивного анализа, нейтрализации критики и др. формируют в восприятии аудитории образ единственно легитимного политического деятеля. Кумулятивный эффект данных стратегий реализуется в **стратегии «театральности»**, которая, используя ряд драматизирующих, иронических и др. тактик вызывает эмоциональный отклик у адресатов.

Применение предложенной классификации манипулятивных тактик к политическому дискурсу Д. Трампа демонстрирует комплексное использование всего спектра указанных стратегий – «на понижение», «на повышение» и «театральности», что подтверждает их значимость как инструментов для оказания персуазивного воздействия на реципиентов.

Ключевые слова: политический дискурс; речевая манипуляция; лингвопрагматика; стратегии коммуникации; тактики воздействия

Для цитирования. Алхамад, Мунееб Ю. А., & Билялова, А. А. (2026). Классификация и взаимодействие манипулятивных стратегий в политическом дискурсе (на материале политического интервью Д. Трампа). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 120–137. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-531>

Classification and interaction of manipulative strategies in political discourse (based on the material of D. Trump's political interview)

Muneeb Y.A. Alhamad, A.A. Bilyalova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. The article is devoted to the linguopragmatic analysis of manipulative strategies in American political discourse, using an interview with D. Trump as a case study. The work consistently analyzes three key strategies (“lowering”, “elevation” and “theatricality”) and their specific tactics (accusation, self-presentation, provocation, etc.) identified in D. Trump’s speech. The author claims that manipulation in American political discourse is an integral part of political communication, where manipulative strategies are implemented not in isolation but in interaction.

The **scientific novelty** lies in compiling the most up-to-date linguapragmatic speech portrait of D. Trump, which reflects his individual communicative features in using of communicative tactics (“lowering”, “elevation” and “theatricality”) within political discourse.

The **purpose** is to identify, describe, and analyze the functioning of linguopragmatic tactics of manipulation in American political discourse.

Materials and methods. The material used in the article is an interview with the 45th President of the United States, Donald Trump, conducted by the American media organization specializing in political journalism, Politico. The primary research methods are the method of continuous sampling and the method of contextual analysis.

Results. The analysis of the factual material proves the complex nature of manipulative strategy application. In particular, the “lowering” strategy, functioning through tactics of accusation, insult, denunciation, threat, and etc., serves as a tool for discrediting an opponent and dividing the communicative space according to the “us/them” principle. The negative background constructed in this way acts as a necessary condition for implementing the “elevation” strategy, where tactics of direct and indirect self-presentation, positive analysis, criticism neutralization, and etc., form the image of the sole legitimate political actor in the audience’s perception. The cumulative effect of these strategies functions in the “theatricality” strategy, which, using a range of dramatizing, ironic, and other tactics, evokes an emotional response from the addressees.

Applying the proposed classification of manipulative tactics to D. Trump’s political discourse demonstrates his comprehensive and systematic use of the entire spectrum of the mentioned strategies – “lowering”, “elevation” and “theatricality” confirming their significance as tools for exerting persuasive influence on recipients.

Keywords: political discourse; speech manipulation; linguopragmatics; communication strategies; influence tactics

For citation. Alhamad, Muneeb Y. A., & Bilyalova, A. A. (2026). Classification and interaction of manipulative strategies in political discourse (based on the material of D. Trump’s political interview). *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 120–137. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-531>

Введение

Политический дискурс представляет собой значимое направление лингвистических исследований, в рамках которого язык выступает не только инструментом коммуникации, но и средством речевого воздействия. Данный тип дискурса носит институциональный характер, то есть регулируется профессионально обусловленными правилами, что отражается на отборе лексических, фразеологических, паремиологических и иных единиц, используемых участниками общения.

Важнейшей чертой текстов политического дискурса является их манипулятивная природа, выражающаяся в целенаправленном речевом

воздействии адресанта на адресата. Под языковым манипулированием понимается разновидность речевого воздействия, ориентированная на внедрение в сознание реципиента установок, целей и намерений, изначально не совпадающих с его собственными интересами.

Использование специальных речевых тактик и стратегий призвано склонить адресата к совершению действий, выгодных для адресанта.

Актуальность исследования определяется растущим вниманием общества к политическим текстам как к материалу, в котором наиболее системно проявляется практика манипулирования общественным сознанием.

Материалы и методы

В качестве материала для лингвистического анализа было выбрано интервью 45-го президента Соединённых Штатов Америки Дональда Трампа, данное им изданию *Político* 8 декабря 2025 г. продолжительностью 44 минуты 40 секунд. *Político* является авторитетной американской медиа-структурой, специализирующейся на политической журналистике. Исследуемое интервью посвящено внешней политике администрации Д. Трампа, в частности его видению по вопросам миграционной политики США, политической ситуации в Венесуэле, внутренних экономических вопросах США и др. [19].

Ключевым методом данного исследования является метод контекстуального анализа, с помощью которого исследуемые манипулятивные тактики анализировались в рамках целостной ситуации политической коммуникации. В работе также был использован метод сплошной выборки с целью получения репрезентативного материала для анализа из полной стенограммы интервью.

Статья базируется на комплексе научных работ, посвященных политическому дискурсу и манипуляции в рамках политической лингвистики.

Результаты и обсуждение

Этимология термина «манипуляция» восходит к латинскому “*manipulus*”, обладавшему двумя значениями: 1) горсть (кисть руки) и 2) манипула – воинское подразделение [12, с. 135].

В сфере политического дискурса уклонение от истины является преобразованием информации с целью репрезентации той действительности, которая выгодна адресанту информации. Именно это целенаправленное трансформирование информации рассматривается как ключевой компонент манипулятивного воздействия.

В зависимости от характера модификации информации в политической коммуникации выделяются следующие типы манипулирования:

1. Референциальное манипулирование, связанное с искажением образа обозначаемой действительности. Оно подразделяется на: фактологическое манипулирование – прямое искажение фактов (ложь, подтасовка, преувеличение/преуменьшение, недоговорка, создание референциальной неопределённости) и фокусировочное манипулирование – сдвиг прагматического фокуса высказывания, меняющий ракурс восприятия денотата и принуждающий адресата оценивать его в заданном манипулятором ключе.

2. Аргументативное манипулирование, основанное на нарушении правил эффективной и честной коммуникации. К его приёмам относятся: нарушение логико-смысловой связности текста (уклонение от ответа и др.), использование стратегии «иммунизации» (формулирование тезиса в неопровержимой форме, не требующей доказательств), уклонение от полноты представления информации, маркировка ассерции в качестве пресуппозиции или имплицатуры, возражение под видом согласия, высказывание ложных аргументов [12, с. 135].

В современной научной парадигме наблюдается тенденция к дестереотипизации понятия манипуляции.

Х. Фексеус придерживается мнения, что манипуляция не должна рассматриваться исключительно в пессимистическом ключе, так как любая форма коммуникации по своей сути содержит манипулятивное начало [13].

Близкую позицию высказывает немецкий лингвист Л. Макенсен, акцентируя роль паралингвистических компонентов (интонация, мимика, паузация) в конструировании смысла, а также семантиче-

скую вариативность лексических единиц и условность абстрактных категорий, что в совокупности приводит к выводу о манипулятивной природе практически любого речевого акта [20].

Согласно точке зрения А.В. Кузина, современный этап социокультурного развития характеризуется переходом к манипуляционной парадигме межличностных отношений. Власть, основанная на прямом принуждении и насилии, уступает место более латентной форме регуляции – манипулятивному контролю, который соответствует реалиям либерализованного общества. Данный способ социального управления можно считать наиболее оптимальным для сложившейся системы отношений [6, с. 9].

В политическом дискурсе манипуляция выполняет функцию стратегического ресурса [18]. Существует обширный арсенал лингвопрагматических приемов манипулирования массовым сознанием, к которым политические деятели прибегают в своих политических выступлениях – сознательно или бессознательно. Эффективность этих приемов может быть столь высока, что заведомо ложные, абсурдные или спорные утверждения начинают восприниматься аудиторией как истина, что, в свою очередь, способствует формированию положительного имиджа политика и его электоральному успеху [1, с. 176].

В соответствии с классификацией, предложенной О. Л. Михалевой и Л. С. Чикилевой, речевые стратегии в политическом дискурсе подразделяются на три ключевых типа: стратегию на понижение (тактики обвинения, обличения и др.), стратегию на повышение (тактики самооправдания, позитивной самопрезентации и др.) и стратегию театральности (тактики обещания, побуждения, прогнозирования и др.) [6; 14].

Стратегия «на понижение» функционирует как инструмент дискредитации политического оппонента. Задействуемые в её рамках тактики, как эксплицитные, так и имплицитные, направлены на формирование негативной оценки объекта коммуникации и дестабилизацию конкурентной позиции. В соответствии с классификацией О. Л. Михалевой, данная стратегия реализуется посредством

шести базовых тактик: 1.1. Тактика «анализ-“минус”», 1.2. Тактика обвинения, 1.3. Тактика безличного обвинения, 1.4. Тактика обличения, 1.5. Тактика оскорбления, 1.6. Тактика угрозы.

Стратегия «на повышение» имеет интенцию возвышения коммуниканта над оппонентом, усиливая его собственный статус. Её персуазивный эффект достигается применением следующих пяти тактик: 2.1. Тактика «анализ-“плюс”», 2.2. Тактика презентации, 2.3. Тактика неявной самопрезентации, 2.4. Тактика самооправдания, 2.5. Тактика отвода критики.

Стратегия «театральности» в политическом дискурсе конституируется с обязательной ориентацией на аудиторию в роли адресата-наблюдателя как потенциального избирателя. Как отмечает Е. И. Шейгал, театральность обусловлена восприятием массовым сознанием политических процессов в качестве зрелищного действия, инсценируемого для публики [16, с. 92]. Данная стратегия анализируется через наиболее широкий спектр тактик, а именно: 3.1. Тактика предупреждения, 3.2. Тактика побуждения, 3.3. Тактика кооперации, 3.4. Тактика размежевания, 3.5. Тактика информирования, 3.6. Тактика обещания, 3.7. Тактика прогнозирования, 3.8. Тактика иронизирования, 3.9. Тактика провокации [6].

Дональд Трамп в научной литературе характеризуется как политик-популист с выраженными чертами демагогической риторики. Провокационный поведенческий стиль, а также дерзкие и зачастую эпатажные высказывания стали ключевыми факторами популяризации его образа на начальных этапах политической карьеры [3, с. 43].

Риторике и общему дискурсивному портрету Д. Трампа свойственна высокая степень эмоциональности. На лексическом уровне это реализуется через активное употребление оценочных эпитетов и метафор, а также идиоматических выражений, выполняющих экспрессивную функцию. На синтаксическом уровне характерными приемами являются повторы и перечисления. Комплексное использование антитезы, риторических вопросов, метафоризации, самовосхваления, гиперболизации собственных достижений и апелляции к патриотизму вызывают эмоциональный отклик у ау-

дитории. Данные приемы нацелены на формирование общественной реакции в выгодном для политика русле, на формирование позитивной саморепрезентации и негативного образа оппонента, а также на убеждение в необходимости принятия решений в пользу говорящего [4, с. 177; 15, с. 541]. Д. Трамп зачастую апеллирует к главным общеамериканским ценностям: демократии, свободе личности, правам человека [17; 10; 11].

Рассмотрим, как функционируют прописанные выше манипулятивные тактики в речи Д. Трампа.

1. Стратегия «на понижение»:

1.1. Тактика «анализ-“минус”» – используется с целью представить ситуацию, страну или политику в негативном свете: *“It’s a war that should’ve never happened...”* [19] – «Эта война вообще не должна была начаться» [9].

1.2. Тактика обвинения – использование прямого возложение вины на конкретных лиц: *“The Democrats are owned by the insurance companies... they’re corrupt people”* [19]. – «Демократы. Они куплены страховыми компаниями» [9].

1.3. Тактика безличного обвинения – введение в повествование абстрактного образа, который оказывает негативное воздействие на те или иные события: *“...if the election wasn’t rigged and stolen, uh, you wouldn’t even be talking about Ukraine right now”* [19] – «...если бы выборы не украли, мы бы вообще сейчас не говорили об Украине» [9].

1.4. Тактика обличения – публичное осуждение кого-либо, указание на чью-то неправоту: *“He’s a horrible mayor. He’s an incompetent mayor; but he’s a horrible, vicious, disgusting mayor”* [19] – «Лондон с мэром Ханом – ужасный мэр, некомпетентный, злобный» [9].

1.5. Тактика оскорбления – использование уничижительных личных характеристик в адрес того или иного лица: *“...stupid Joe took all those people... Biden’s a low-IQ person... he was low-IQ 30 years ago, but he’s especially low-IQ now”* [19]. – «Байден – человек с низким IQ, особенно в наши дни. Я имею в виду, у него был низкий IQ 30 лет назад, но сейчас он особенно низкий» [9].

1.6. Тактика угрозы – демонстрация готовности применить силу: *“His days are numbered”* [19] – «Дни Мадуро сочтены» [9]

2. Стратегия «на повышение»:

2.1. Тактика «анализ-“плюс”» – используется с целью показать чьи-либо результаты в исключительно позитивном свете: *“We’ve got \$18 trillion coming into our country... \$18 trillion is coming into our country... \$18 trillion of investment”* [19] – «В США сейчас входят инвестиции на сумму \$18 триллионов» [9].

2.2. Тактика презентации – прямое заявление о своих положительных качествах и заслугах: *“I settled eight wars...”* [19]. – «Я урегулировал восемь войн» [9].

2.3. Тактика неявной самопрезентации – косвенный способ представить себя в положительном, выгодном свете, не делая прямых заявлений о своих достоинствах или достижениях: *“...if I weren’t president, you could’ve had World War III”* [19]. – «Если бы президентом не был я, Третья мировая вполне могла бы начаться» [9].

2.4. Тактика самооправдания – объяснение или оправдание чьих-либо спорных действий: *“Why would I talk to you, an extremely unfriendly publication... that got \$8 million from Obama...”* [19]. – «Почему я должен обсуждать военную стратегию с крайне недружественным изданием, которое, как вы утверждаете, получало миллионы от Обамы...» [9]

2.5 Тактика отвода критики – приведение доказательств, с помощью которых можно объяснить (оправдать) какие-либо действия и поступки: *“You ... you made a statement, though, that I devote too much time to outside of the United States. Uh, I’ve made a fortune for the United States by focusing on things outside”* [19]. – «Вы заявили, однако, что я уделяю слишком много внимания тому, что происходит за пределами США. Но я принёс Соединённым Штатам огромную пользу, сосредоточившись именно на внешних вопросах» (Авторский перевод).

3. Стратегия «театральности»:

3.1. Тактика предупреждения – создание у аудитории ощущения надвигающейся катастрофы и важности решения тех или иных проблем с целью её предотвращения: *“...if the election wasn’t rigged... you*

wouldn't even be talking about Ukraine right now" [19]. – «...если бы выборы не украли, мы бы вообще сейчас не говорили об Украине» [9].

3.2. Тактика побуждения – стремление побудить человека сделать что-либо: "...he's gotta read the proposal... it would be really good if he'd read it" [19]. – «Ему просто нужно прочитать предложение ... Было бы неплохо, если бы он его прочитал» [9].

3.3. Тактика кооперации – апелляция к идее единства с целью улучшения того или иного фактора: "I got to know the Venezuelan people very well... they're unbelievable people... they voted for me 94 percent" [19]. – «Чтобы венесуэльский народ – многие ... проголосовали за меня на 94 %... Я хорошо знаю венесуэльцев ... Это невероятные успешные люди» [9].

3.4. Тактика размежевания – четкое разделение на «своих» и «чужих»: "They want the insurance companies to continue to make a fortune... I want that money to go to the people" [19]. – «Они хотят, чтобы страховщики продолжали зарабатывать триллионы. Мы тратим триллионы – и всё уходит страховщикам. Я хочу, чтобы эти деньги получали люди» [9].

3.5. Тактика информирования – подача собственных утверждений как наиболее эксклюзивных, содержательных, важных для той или иной ситуации: "I get reports that you will never see" [19]. – «Я получаю отчёты, которые вы никогда не увидите» [9].

3.6. Тактика обещания – вселение надежды на простое решение сложных проблем: "«You're gonna have jobs like you've never seen" [19]. – «Это рабочие места. Их будет больше, чем когда-либо в истории США» [9].

3.7. Тактика прогнозирования – предсказание тех или иных событий: "...prices are coming down substantially..." [19]. – «Сейчас цены падают» [9].

3.8. Тактика иронизирования – использование иронии для унижения: "Some call her Taylor Brown because green sometimes turns to brown, which isn't nice" [19]. – «Некоторые называют её Тейлор Браун, потому что зелёный иногда превращается в коричневый, что не очень-то мило» (Авторский перевод) – ироничное и оскорбительное обыгрывание фамилии М. Т. Грин.

3.9. Тактика провокации – использование шокирующих заявлений для привлечения внимания: *“NATO calls me Daddy» [19]* – *«НАТО называет меня Папочкой» [9]*.

Стратегия «на понижение»:

- 1.1. Тактика «анализ-„минус“» – 19;
- 1.2. Тактика обвинения – 19;
- 1.3. Тактика безличного обвинения – 5;
- 1.4. Тактика обличения – 5;
- 1.5. Тактика оскорбления – 6;
- 1.6. Тактика угрозы – 3.

Стратегия «на повышение»:

- 2.1. Тактика «анализ-„плюс“» – 37;
- 2.2. Тактика презентации – 15;
- 2.3. Тактика неявной самопрезентации – 8;
- 2.4. Тактика самооправдания – 3;
- 2.5. Тактика отвода критики – 4.

Стратегия «театральности»:

- 3.1. Тактика предупреждения – 5;
- 3.2. Тактика побуждения – 3;
- 3.3. Тактика кооперации – 4;
- 3.4. Тактика размежевания – 4;
- 3.5. Тактика информирования – 11;
- 3.6. Тактика обещания – 2;
- 3.7. Тактика прогнозирования – 14;
- 3.8. Тактика иронизирования – 1;
- 3.9. Тактика провокации – 2 [6].

Всего было использовано 170 тактик, из которых «на повышение» – 57, «на понижение» – 67, «театральности» – 46.

В процессе исследования дискурса Д. Трампа было выявлено, что использованные политиком тактики манипулятивного воздействия функционируют не изолированно, а применяются комплексно, подкрепляя друг друга в рамках одного высказывания или микротемы. Стратегия «на понижение» создаёт негативный контекст, в котором стратегия «на повышение» презентует говорящего и его действия как единствен-

но возможное решение той или иной проблемы. Затем, используемые далее стратегии «театральности» эмоционально окрашивают текст.

Рассмотрим примеры из исследуемого интервью.

“Well, there can be no question about it. It’s Russia. It’s a much bigger country. It’s a war that should’ve never happened. Frankly, it wouldn’t have happened if I were president, and it didn’t happen for four years. Uh, I watched that taking place, and I said, wow, they’re gonna cause some problems here. And it started and it, uh, could’ve evolved into, uh, World War III, frankly. I think it’s probably not gonna be happening now. I think if I weren’t president, you could’ve had World War III” [19].

Д. Трамп использует стратегию «на понижение», применяя тактику «анализ-“минус”» для формирования негативного контекста текущей политической ситуации: *“It’s a war that should’ve never happened”*. Затем, через тактику безличного обвинения (*“I watched that taking place... they’re gonna cause some problems here”*), Д. Трамп подчеркивает отсутствие собственной вины в описываемой им политической ситуации. Затем политик использует в речи стратегии «на повышение», применяя тактику неявной самопрезентации, которая реализуется через конструкцию: *“it wouldn’t have happened if I were president”*. Это прямое противопоставление себя (“I”) лицам, чьи действия носят негативный характер (“they”). Для усиления этого контраста используется тактика «анализ-“плюс”», апеллирующая к прошлым достижениям Д. Трампа: *“and it didn’t happen for four years”* (в период его президентства). В рамках стратегий театральности, Д. Трамп прибегает к использованию тактики предупреждения: *“could’ve evolved into... World War III”*. Это создаёт в восприятии аудитории образ катастрофической опасности.

Рассмотрим еще один пример.

“Trump: And if it keeps going the way it’s going, Europe will not be ... in my opinion, uh, many of those countries will not be viable countries any longer. Their immigration policy is a disaster. What they’re doing with immigration is a disaster. Uh, we had a disaster coming, but I was able to stop it. You know, we have no people coming through our borders now, zero, seven months. I mean, who would believe zero? We went from millions of people – in some cases, millions of people a month – but millions of people to no people.

Burns: That's not what Europe looks like.

Trump: The opposite. Yeah. Uh ... uh, no. Europe, they're coming in from all parts of the world. Not just the Middle East, they're coming in from the Congo, tremendous numbers of people coming from the Congo. And even worse, they're coming from prisons of the Congo and many other countries" [19].

Д. Трамп реализует стратегию «на понижение», используя тактику «анализ-«минус» при негативной оценке миграционной политики европейских стран: *"Their immigration policy is a disaster. What they're doing with immigration is a disaster"*. Вслед за этим происходит переключение на стратегию «на повышение», которая фокусируется на миграционной ситуации в США. Ключевым элементом здесь выступает тактика самопрезентации: утверждение *"we had a disaster coming, but I was able to stop it"* используется Д. Трампом с целью поднять собственный статус в глазах аудитории, имплицитно противопоставляя себя другим политическим деятелям. Параллельно в дискурсе активируется стратегия «театральности», в рамках которой используется тактика размежевания. В ответ на реплику интервьюера Д. Трамп утверждает: *"The opposite. ... Europe, they're coming in from all parts of the world"*. Эта оппозиция проводит чёткую границу между двумя моделями: европейской, представленной как хаотичная и ведущая к утрате контроля над миграционной ситуацией, и американской, которая, по утверждению политика, благодаря его действиям привела к радикальному сокращению нелегальной миграции.

Приведённый анализ наглядно демонстрирует, что комплексное взаимодействие стратегий является ключевой чертой речевого портрета Д. Трампа: политик использует стратегию «на понижение», для создания негативного образа врага, одновременно возвышая собственный образ в глазах аудитории через тактики «на повышение», а также умело привлекает внимание и оказывает сильное эмоциональное воздействие с помощью стратегии «театральности».

Заключение

1. Манипуляция в современном американском политическом дискурсе является неотъемлемой частью политической коммуникации.

Манипуляция в политическом дискурсе реализуется через использование адресантом ряда манипулятивных стратегий – стратегия «на повышение», стратегия «на понижение», стратегия «театральности».

2. Проанализированный материал показал, что в политическом дискурсе Д. Трампа широко используются все вышеперечисленные стратегии. Данные стратегии помогают политику формировать собственный позитивный образ в глазах аудитории, ухудшать политический образ своих оппонентов и внушать сомнения в правомерность и резонансность их политической деятельности для американского общества и мира в целом.

Проведенный лингвопрагматический анализ интервью Дональда Трампа позволяет сделать следующие выводы о его манипулятивном речевом стиле: всего было использовано 170 тактик, из которых «на повышение» – 57, «на понижение» – 67, «театральности» – 46.

Выявлены наиболее употребляемые Д. Трампом тактики среди изучаемых манипулятивных стратегий: стратегия «на понижение» – тактика прямого обвинения (19 случаев употребления), стратегия «на повышение» – тактику «анализ-“плюс”» (37 случаев употребления), стратегия «театральности» – тактика прогнозирования (14 случаев употребления).

Ключевой характеристикой дискурса Д. Трампа является комплексное употребление вышеописанных стратегий, что усиливает persuasive воздействие на аудиторию.

Перспективы дальнейшего исследования

Исследования в данной области, несомненно, должны быть продолжены, поскольку роль воздействующей функции в политическом дискурсе непрерывно растет, а средства манипуляции становятся разнообразнее и меняются с приходом каждого нового лидера.

В качестве перспективы дальнейшего исследования планируется провести анализ использования манипулятивных тактик и других американских политических деятелей, таких как, например, Д. Байден, Б. Обама и др., а также российских политиков, таких как, например, В. В. Путин, С. В. Лавров и др., что в дальнейшем

позволит провести сопоставительный анализ, который позволит выявить универсальные и культурно-специфические черты политической манипуляции.

Список литературы

1. Алексеев, А. Б. (2019). Манипуляция в американском политическом дискурсе: лингвопрагматический аспект. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 19(2), 176–180. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-176-180>. EDN: <https://elibrary.ru/CSOZQV>
2. Володин, А. Г. (2020). Феномен «нового популизма»: американское измерение. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 13(4), 253–277. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12>. EDN: <https://elibrary.ru/JYXWRN>
3. Давыборец, Е. Н. (2017). Имиджевая стратегия Трампа в предвыборной гонке-2016. *Вестник ЗабГУ*, (3), 37–45. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2017-23-3-37-45>. EDN: <https://elibrary.ru/YJKAFV>
4. Коваленко, Г. Ф., & Карасева, Р. С. (2021). Средства речевого воздействия в предвыборной речи Д. Трампа. *МНИЖ*, (23), 175–178. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.098>. EDN: <https://elibrary.ru/IZXCTE>
5. Кузин, А. (2012). *Манипуляция в структуре социального взаимодействия* (кандидатская диссертация). Нижний Новгород, 59 с.
6. Михалева, О. (2009). *Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия*. Москва, 119 с.
7. Опарина, Е. О., & Раренко, М. Б. (2020). Дональд Трамп: Речевой портрет политика. В кн.: *Феномен Трампа: монография* (с. 367–384). Москва: РАН ИНИОН.
8. Опарина, Е. О. (2021). Влияние социокультурного контекста на политический дискурс: на примере языка Дональда Трампа. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (6), 254–263. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_254. EDN: <https://elibrary.ru/ZPNBWL>
9. Полная расшифровка: интервью POLITICO с президентом Дональдом Трампом [Электронный ресурс]. Получено 20.12.2025, из: <https://briefly-news.com/polnaya-rasshifrovka-intervyu-politico-s-prezidentom-donaldom-trampom>
10. Попова, Е. В. (2012). Предвыборный дискурс — многовекторность лингвистического исследования. В кн.: *Проблемы современной науки: сборник научных трудов* (Выпуск 5, Часть 1, с. 46–54). EDN: <https://elibrary.ru/PZKXKV>
11. Самарцев, В. Ю. (2021). Критический дискурс-анализ речевых стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года). *Политическая лингвистика*, (2), 116–126. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_02_11. EDN: <https://elibrary.ru/XKWICD>

12. Тибинько, Н. Д. (2011). Манипуляция в политическом дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, (3), Вып. 50. Челябинск: Издательство ЧелГУ, 218 с. EDN: <https://elibrary.ru/NUFLUF>
13. Фексеус, Х. (2015). *Искусство манипуляции. Не дай себя обмануть* (пер. со швед. Е. Хохловой). Москва, 19 с.
14. Чикилева, Л. С. (2005). *Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурно-стилистический аспекты*. Москва: Флинта, 315 с. ISBN: 5-89349-797-X. EDN: <https://elibrary.ru/QXLQFD>
15. Шагеева, А. А., & Собакина, В. В. (2021). Эмоциональная, экспрессивная и оценочная эквивалентность перевода политических речей (на материале предвыборных речей кандидатов в президенты США 2020 года). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 14(2), 537–542. <https://doi.org/10.30853/phil210055>. EDN: <https://elibrary.ru/BXYFZQ>
16. Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена, 368 с. EDN: <https://elibrary.ru/NLROTZ>
17. Щербак, И. В. (2019). Языковые средства формирования образа патриота в публичных выступлениях американских политиков. *Политическая лингвистика*, (6), 125–131. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-15>. EDN: <https://elibrary.ru/REJUJH>
18. Full transcript: POLITICO's interview with Donald Trump [Электронный ресурс]. Получено 20.12.2025, из: <https://www.politico.com/news/2025/12/09/donald-trump-full-interview-transcript-00681693>
19. Bolinger, D. (1980). *Language — the loaded weapon: The use and the abuse of language today*. New York.
20. Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. München, S. 96–97.

References

1. Alekseev, A. B. (2019). Manipulation in American political discourse: a linguo-pragmatic aspect. *Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 19(2), 176–180. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-176-180>. EDN: <https://elibrary.ru/CSOZQV>
2. Volodin, A. G. (2020). The phenomenon of “new populism”: the American dimension. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 13(4), 253–277. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12>. EDN: <https://elibrary.ru/JYXWRN>
3. Davyborets, E. N. (2017). Trump's image strategy in the 2016 election race. *Bulletin of ZabSU*, (3), 37–45. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2017-23-3-37-45>. EDN: <https://elibrary.ru/YJKAFV>
4. Kovalenko, G. F., & Karaseva, R. S. (2021). Means of speech influence in D. Trump's election speech. *International Research Journal*, (23), 175–178. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.098>. EDN: <https://elibrary.ru/IZXCTE>

5. Kuzin, A. (2012). *Manipulation in the structure of social interaction* (PhD thesis). Nizhny Novgorod, 59 p.
6. Mikhaleva, O. (2009). *Political discourse: specifics of manipulative influence*. Moscow, 119 p.
7. Oparina, E. O., & Rarenko, M. B. (2020). Donald Trump: a speech portrait of a politician. In: *The Trump phenomenon: monograph* (pp. 367–384). Moscow: RAS INION.
8. Oparina, E. O. (2021). The influence of sociocultural context on political discourse: based on Donald Trump's language. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, (6), 254–263. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_6_848_254. EDN: <https://elibrary.ru/ZPNBWL>
9. Full transcript: POLITICO's interview with President Donald Trump [Electronic resource]. Retrieved on December 20, 2025, from: <https://briefly-news.com/polnaya-rasshifrovka-intervyu-politico-s-prezidentom-donaldom-trampom>
10. Popova, E. V. (2012). Election discourse – multidimensionality of linguistic research. In: *Problems of modern science: collection of scientific papers* (Issue 5, Part 1, pp. 46–54). EDN: <https://elibrary.ru/PZKXKV>
11. Samartsev, V. Yu. (2021). Critical discourse analysis of speech strategies in D. Trump's political discourse (based on the 2016 US presidential debates). *Political Linguistics*, (2), 116–126. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_02_11. EDN: <https://elibrary.ru/XKWICD>
12. Tibinko, N. D. (2011). Manipulation in political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies*, (3), Issue 50. Chelyabinsk: ChelSU Publishing House, 218 p. EDN: <https://elibrary.ru/NUFLUF>
13. Fexeus, H. (2015). *The art of manipulation: don't let yourself be deceived* (Transl. from Swedish by E. Khokhlova). Moscow, 19 p.
14. Chikileva, L. S. (2005). *Rhetorical discourse: cognitive-pragmatic and structural-stylistic aspects*. Moscow: Flinta, 315 p. ISBN: 5-89349-797-X. EDN: <https://elibrary.ru/QXLQFD>
15. Shageeva, A. A., & Sobakina, V. V. (2021). Emotional, expressive, and evaluative equivalence in translating political speeches (based on 2020 US presidential candidates' election speeches). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 14(2), 537–542. <https://doi.org/10.30853/phil210055>. EDN: <https://elibrary.ru/BXYFZQ>
16. Shegal, E. I. (2000). *Semiotics of political discourse*. Volgograd: Peremena, 368 p. EDN: <https://elibrary.ru/NLROTZ>
17. Shcherbak, I. V. (2019). Linguistic means of forming the image of a patriot in American politicians' public speeches. *Political Linguistics*, (6), 125–131. <https://doi.org/10.26170/pl19-06-15>. EDN: <https://elibrary.ru/REJUJH>

18. Full transcript: POLITICO's interview with Donald Trump [Electronic resource]. Retrieved on December 20, 2025, from: <https://www.politico.com/news/2025/12/09/donald-trump-full-interview-transcript-00681693>
19. Bolinger, D. (1980). *Language — the loaded weapon: the use and the abuse of language today*. New York.
20. Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. München, pp. 96–97.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Алхамад Мунееб Юсеф Аббас, соискатель кафедры филологии Набережночелнинского института
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
alhamadmuneeb@mail.ru

Биялова Альбина Анваровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Елабужского института
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
abil71@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Muneeb Y.A. Alhamad, PhD in Philology (pending), Department of Philology, Naberezhnye Chelny Institute (Branch)
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
alhamadmuneeb@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8671-827X>

Albina A. Bilyalova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Yelabuga Institute
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
abil71@mail.ru
SPIN-code: 1343-7998
ResearcherID: N-8599-2015
Scopus AuthorID: 56151147200
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?hl=ru&us-er=ND318soAAAAJ>

Поступила 11.02.2026
После рецензирования 01.03.2026
Принята 07.03.2026

Received 11.02.2026
Revised 01.03.2026
Accepted 07.03.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-561](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-561)EDN: [KIFPYZ](https://www.edn.ru/KIFPYZ)

УДК 811.112.2:81'38



Реализация стратегий негативной вежливости в директивных речевых актах с модальными глаголами (на материале немецкого языка)

И.Н. Протопопова, Н.А. Сытина

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Данная статья посвящена исследованию категории вежливости, которая может рассматриваться как коммуникативная или коммуникативно-прагматическая категория. Изучение стратегий негативной вежливости, как системного явления, является актуальным и критически необходимым, так как оно связано с балансом между уважением к собеседнику и свободой слова. Выбор определенной стратегии предопределяет эффективность коммуникации.

Целью данной работы является изучение категории вежливости с учётом роли ситуации и анализа коммуникативных стратегий, выявление особенностей реализации стратегий негативной вежливости при оформлении директивных речевых актов в немецком языке. Объектом исследования служат директивные речевые акты; в качестве предмета выступают модальные глаголы, в том числе и глагол *lassen* в составе директивных речевых актов.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели, авторами применялся метод дефиниционного анализа для определения содержания значимых для работы понятий и метод контекстуального анализа, чтобы выявить и изучить способы выражения вежливости в немецкой культуре. Метод статистического анализа использовался для интерпретации полученных количественных данных. В качестве материала исследования послужили художественные произведения немецких авторов, содержащие вежливые директивные речевые акты.

Результаты. В результате исследования авторы установили, что категория модальности является значимым средством выражения принципа вежливости в немецком языке. Были описаны стратегии «негативной вежливости», реализуемые в рамках директивных речевых актов, и охарактеризованы способы смягчения ка-

тегорического характера директив. Авторы выявили, что использование стратегий негативной вежливости в немецкой культуре отражает значимость личного пространства, независимости и невмешательства.

Ключевые слова: негативная вежливость; директивный речевой акт; модальные глаголы; прагматика; коммуникативные стратегии

Для цитирования. Протопопова, И. Н., & Сытина, Н. А. (2026). Реализация стратегий негативной вежливости в директивных речевых актах с модальными глаголами (на материале немецкого языка). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 138–155. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-561>

Implementation of negative politeness strategies in directive speech acts with modal verbs (in German)

I.N. Protopopova, N.A. Sytina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Background. The article deals with the politeness category which can be understood as a communicative or communicative-pragmatic category. Researching strategies of negative politeness as a systematic event is relevant and crucial because it is related to the balance between the respectful attitude to a speaker and freedom to choose linguistic means. The choice of a certain strategy determines the effectiveness of communication.

The **purpose** of the research is to study the politeness category, taking into account the communicative situation and communicative strategies, to find out the characteristics of strategy implementation of negative impoliteness in directive speech acts in the German language. The object of the research is directive speech acts; the subject is modal verbs, as well as the verb *lassen* as a part of directive speech acts.

Materials and methods. To achieve the goals, the authors use the method of definitional analysis to define the contents of the relevant for work concepts and the method of contextual analysis to find out and study the ways of expressing politeness in the German culture. The method of statistical analysis is used to interpret the obtained quantitative data. The works of German authors, containing polite directive acts, are used as research material.

Results. As a result of the research, it is determined that the category of modality is a relevant means to express the principle of politeness in the German language. The strategies of “negative politeness” in directive speech acts are described and the ways of mitigating categorical directives are characterized. The authors have found out that the use of negative politeness strategies reflects the significance of private space, independence and non-interference.

Keywords: negative politeness; directive speech act; modals verbs; pragmatics; communicative strategies

For citation. Protopopova, I. N., & Sytina, N. A. (2026). Implementation of negative politeness strategies in directive speech acts with modal verbs (in German). *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 138–155. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-561>

Введение

Вежливость постулируется как особая коммуникативно-прагматическая категория в работах П. Браун и С. Левинсона [19], Г.Р. Шамьеновой [16,17], Е.И. Беляевой [1], Е.А. Земской [6], Т.В. Лариной [10], Е.Л. Ерзинкян [5]. Другие учёные, такие как Р.А. Газизов [2, 3] и Н.А. Карабань [8] рассматривают вежливость как коммуникативную категорию. Р.А. Газизов рассматривает поп-вежливость через стратегии и формулы речевого поведения, в то время как Н.А. Карабань принимает во внимание межличностные и культурно-специфические аспекты вежливости.

Коммуникативная категория вежливости – это более широкое понятие по сравнению с коммуникативно-прагматической категорией. Цель первой направлена на избежание конфликта между коммуникантами, на сохранение позитивного лица собеседника с учетом статусно-ролевых признаков коммуникантов. Вежливость в рамках коммуникативно-прагматической категории рассматривается в более узком ракурсе, предполагающем учет прагматической ситуации общения. Вежливость в этом случае регулирует речевое поведение человека и определяет эффективность общения.

Как большинство исследователей, мы рассматриваем вежливость в более узком смысле как коммуникативно-прагматическую категорию, регулирующую речевое поведение человека.

На неоднозначность и сложность феномена вежливости указывают М.Ю. Россихина, И.И. Икатова, подчеркивая, что требуются различные предметные подходы и ракурсы рассмотрения категории вежливости [14]. Помимо анализа вежливости с позиции прагмалингвистики, данная категория рассматривалась также через призму социалингвистики и лингвоэкологии [11].

Если рассматривать вежливость как макрополе, то ее ядром является категория модальности, со своими специальными средствами выражения содержания, характерными для данной функционально-семантической категории [5, с.139]. В этой статье мы рассмотрим лишь ту часть средств, представляющих категорию вежливости, которые наиболее ярко ее эксплицируют. В данной работе авторы понимают под модальностью логико-понятийную категорию, которая содержит такие частные категории как «возможность», «действительность», «необходимость», регулирующие нормы поведения. Названные категории рассматриваются нами в рамках деонтической модальности, другими словами, субъективной модальности, которая целиком выражает позицию говорящего. Основными категориями деонтической модальности являются категории «возможность» и «необходимость».

Мы трактуем модальность в узком смысле, исходя из того, что при широком понимании данной категории в модальность входят все те явления, которые по тем или иным причинам не вошли в другие категории, например, категория побуждения. С нашей точки зрения, категория побуждения является не модальной категорией, выражающей отношение говорящего к действительности, а прагматической категорией, определяющей цель высказывания [13, с. 42]. Поэтому мы считаем ошибочным выделять деонтические речевые акты (РА), как это делает Е.Л. Ерзинкян [5, с. 147], смешивая меж собой модальность и прагматику, иначе для каждого типа РА нужно было бы выделять свою модальность.

Предметом исследования в этой статье являются модальные глаголы (МГ), как средство выражения категории вежливости, в том числе и глагол *lassen* в составе директивных речевых актов (ДРА).

В научной литературе нет единого мнения по поводу того, следует ли считать глагол *lassen* МГ [9, с. 13; 22, с. 75]. Вслед за О.И. Москальской [12], К.В. Школиной [18], А. Kratzer [20] и другими лингвистами, мы рассматриваем глагол *lassen* как МГ, но с определённой оговоркой.

Глаголы *dürfen*, *können*, *mögen*, *müssen*, *sollen*, *wollen* служат, с одной стороны, для выражения объективной модальности со значе-

нием «возможность», «необходимость», «желательность», с другой стороны, они используются как средство субъективной модальности, например, с целью убеждения говорящего (для выражения предположения и т.д.).

МГ не выражают действия и по своей семантике выделяются тем, что имеют лишь отвлеченные значения возможности, долженствования, целесообразности, вероятности, желательности и т.п. Если структура предикации содержит МГ, то это дает возможность охарактеризовать ситуацию с позиции говорящего, соответственно, можно говорить о наличии определенной когнитивной пресуппозиции (знание фона, знание о пространственно-временных рамках ситуации, знание прагматического/коммуникативного контекста и его компонентов) [5, с.142-144].

Предложения с модальными глаголами позволяют говорящему, как высказать свою волю, так и соблюсти «принцип вежливости». Модальный глагол в составе ДРА снижает уровень «императивности», так как при этом обосновываются причины побуждения.

Результаты и обсуждения

В рамках коммуникативной категории вежливости формируются определенные стратегии. Вежливость – это не столько свойство языковых единиц, это стратегический принцип поведения адресанта, выбор языковых средств и умение оформить высказывание с учётом существующих в том или ином обществе норм.

Как известно, речевая стратегия – это совокупность «речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [7, с. 66]. Вежливость как стратегия – это конкретный способ реализации категории вежливости в определенной ситуации. Стратегии вежливости – это осознанные или неосознанные действия говорящего, направленные на соблюдение принципов вежливости и достижение коммуникативных целей [19]. В качестве примера стратегий вежливости можно привести позитивную и негативную вежливость. Первая направлена на удовлетворение позитивного лица собеседника, сокращение дистанции между говорящими, про-

явление внимания и интереса к собеседнику, а также взаимопонимание и взаимное признание [19, с. 101], в то время как фокус «негативной вежливости» сосредоточен на признании независимости собеседника, за счет поддержания социальной дистанции адресант пытается минимизировать вторжение в сферу адресата.

Обращает на себя внимание тот факт, что понятие «негативная вежливость» часто подвергается критике. Это происходит в силу наличия противоречия в самой семантике слов: вежливость не ассоциируется с негативом. Во избежание этого противоречия данное понятия заменяется на более нейтральные: это вежливость сохранения дистанции по Р. Ратмайр [21] и стратегия отдаления по Т.В. Лариной [10].

Принцип вежливости особенно важен при оформлении ДРА, потому что они по своей сути ограничивают свободу воли адресата, что может быть воспринято как навязывание или давление, злоупотребление социальной иерархией. Использование вежливости помогает сгладить это неравенство, предвосхитить «потерю лица» как адресанта, так и адресата. Если ДРА оформлен вежливым способом, адресант проявляет уважение к адресату, создает атмосферу доверия и сотрудничества. Так, использование вежливости может повысить эффективность коммуникации.

В ДРА реализуется как позитивная, так и негативная вежливость, но негативная вежливость используется гораздо чаще и является более важной для смягчения «обязательного» характера директив. В случае наличия иерархических отношений между коммуникантами, негативная вежливость, базирующаяся на соблюдении принятых в этом обществе норм, помогает сохранить лицо адресата. Во избежание негативной реакции адресата говорящий формулирует свое высказывание максимально вежливо для реализации цели интенции.

В ДРА с модальными глаголами в рамках негативной вежливости реализуется общая стратегия дистанцирования. Она позволяет регулировать степень обязательности выполнения действия, увеличивая дистанцию между содержанием речевого высказывания и его прагматическим значением.

Цель высказываний с МГ заключается в том, чтобы склонить собеседника к выполнению действия, что сближает их по содержанию с императивными высказываниями. Отличаться они будут стилистически, т.к. прибегая к высказыванию с использованием МГ, говорящий стремится смягчить форму своего воздействия на собеседника.

Стратегия дистанцирования реализуется за счет частных стратегий или их совокупности: 1) стратегии косвенной вежливости, 2) семантической минимизация импозиции, 3) имперсонализации, 4) демонстрации вежливого пессимизма, 5) выражения уважения, 6) модальности возможности, просьбы, 7) преуменьшения неудобства, 8) выражения извинения и благодарности [2, с. 973].

Следует особо оговориться по поводу шестого пункта. Мы не будем выделять ее как стратегию дистанцирования, т.к. на наш взгляд, деонтическая модальность «возможности» лежит в основе реализации ДРА просьбы.

В отношении восьмого пункта нужно отметить, что выражение извинения и благодарности не характерно для ДРА, оно свойственно в первую очередь экспрессивам (Expressiva) – речевым актам, передающим психологическое состояние некоторым событиям, и поэтому в данной статье они не рассматриваются.

ДРА характеризуются использованием конвенциональных косвенных высказываний. В немецкой прагматике конструкции, сигнализирующие о готовности к кооперации, рассматриваются как косвенные ДРА: говорящий не требует напрямую выполнения действия [23]. За счет этого снижается давление на собеседника, что приводит к повышению кооперативности.

В качестве примера косвенного ДРА можно привести РА приглашения с глаголом *dürfen* в сочетании с субъектным инфинитивом *einladen*: “*Sie kommen hierher, Fräulein Kowa*”, rief Hagen. “*Darf ich Sie zu einem Glas Wein einladen?*” Er goß ihr ein und prostete ihr zu: “*Auf weitere Erfolge! ...*” (Zinner; Fini, 89).

Коммуникативная цель негативной вежливости достигнута: коммуниканты, главная героиня и ее знакомый, собрались за общим столом и в ознаменовании дальнейших успехов, решили «обмыть»

встречу. Общение между ними происходит в рамках вежливого регистра, на «Вы» в силу наличия определенной дистанции между ними.

В данном высказывании МГ стоит в индикативе, если же он будет использован в сослагательном наклонении в отрицательной и вопросительной формах, высказывание приобретет еще более вежливый оттенок, на чем как раз и базируется стратегия вежливого пессимизма. Использование модального глагола в смягчающей его модальной упаковке в составе ДРА минимизирует импозицию совета, предложения, просьбы, предложения.

В следующем примере стратегия дистанцирования реализуется на основе ДРА просьбы, в основе которого лежит деонтическое значение «возможность»: *“Dürfte ich das Gesetz vielleicht einmal lesen?” ... Ich möchte nur wissen, ob das Gesetz auf mich zutrifft. ...* (Simmel, Hurra, 265).

Арестант формулирует свою просьбу максимально вежливо в виде косвенного вопроса, используя сослагательное наклонение в двух случаях *dürfte, möchte*. Помимо стратегии негативного пессимизма здесь также реализуется стратегия преуменьшения неудобства. Объясняется мотив, побуждающий адресата к высказыванию просьбы: *Ich möchte nur wissen, ob das Gesetz auf mich zutrifft*.

Для смягчения категоричности высказывания, используется модальное слово *vielleicht*, выступающее как маркер вероятности или в терминологии Е.Л. Ерзинкян модификатор со значением вероятности, прагматический маркер [5]. Слова *возможно, немного, чуть-чуть, как-нибудь* называют еще митагирующими модификаторами.

Еще одним примером вежливого ДРА является ДРА просьбы с глаголом *mögen* в сослагательном наклонении: *“Möchtest du dich nicht etwas deutlicher ausdrücken?” ... Bitte, verzeih mir* (Danella, Maulbeerbaum 375).

Негативная вежливость реализуется за счет использования косвенной просьбы (вопросительное высказывание), смягченной модальной упаковки (*Präteritum Konjunktiv* от глагола *mögen*), за счет семантической минимизации импозиции (использование сравнительной степени прилагательного со словом *etwas*).

В качестве следующего примера проявления негативной вежливости можно привести ДРА предложения, направленного на минимизацию вторжения в личное пространство адресата и уважение его автономии: “*Möchtest du vielleicht ein Süppchen?*” (Noak, HG, 217)

Использование маркера вероятности *vielleicht*, и деминутива *ein Süppchen* делают это высказывание наиболее вежливым.

В рассмотренных ДРА реализуются одновременно несколько стратегий: стратегия косвенной вежливости сопряжена с семантической минимизацией импозиции и с демонстрацией вежливого пессимизма.

Далее в качестве примера приводится ДРА совета с МГ *sollen* в сослагательном наклонении, благодаря которому происходит смягчение морального ущерба в ликоущемляющем ДРА совета: 1) *Man sollte es nicht riskieren* (Zinner, Fini, 206); 2) “*Du hättest sie heiraten sollen*”, sagte Sabine leise, “*ich meine – ach, du weißt, was ich meine*” (Böll, *Ansichten eines Clowns*, 124); 3) “*Sie sollten nicht trinken*”. “*Ich weiß*” (Böll, *Ansichten eines Clowns*, 160).

В первом случае – это совет-предостережение – стоит ли рисковать. Здесь реализуются несколько стратегий негативной вежливости: стратегия косвенной вежливости, вежливого пессимизма (наличие отрицания), а также стратегия имперсонализации, эксплицируемая за счет использования неопределенно-личной формы *man*.

В двух других случаях ДРА совета приобретает дополнительно черты упрека, когда мы навязываем адресату свое мнение. Совет даётся не просто как дружеское или нейтральное предложение, а с подтекстом осуждения или критики действий адресата: не женился (2), по-прежнему злоупотребляешь алкоголем (3).

Во втором и третьем примерах реализуется стратегия косвенной вежливости в рамках негативной вежливости. В третьем – использование косвенного высказывания сопряжено со стратегией вежливого пессимизма при наличии отрицания.

Как показывает анализ научной литературы, глаголу *sollen* в форме *Präteritum Konjunktiv* предписывается значение «совет», но

совет есть прагматическое значение высказывания. Форма *sollte*, хотя и является наиболее частотной при выражении ДРА совет, но не может считаться иллокутивным индикатором, показателем иллокутивной силы предложения [13].

Далее в качестве сравнения приведём пример, где глагол *sollen* представлен уже без смягчающей его модальной упаковки, здесь совет выражен уже более прямолинейно: *Man soll nicht bei Verwandten wohnen, das tut nie gut* (Zweig, *Ungeduld des Herzen*, 177).

В данном высказывании адресант пытается смягчить потенциальные отрицательные последствия своего прямого отказа принять у себя родственников, ссылаясь якобы на общепризнанную истину. Отмечается, что стратегия имперсонализации сопряжена со стратегией косвенной вежливости.

Классическим примером реализации стратегии вежливого пессимизма является ДРА просьбы, оформленный в виде вопросительного высказывания. Нужно отметить, что вопрос – это не всегда запрос информации, иллюстрацией чего является реакция адресата: *“Fräulein Strong – könnten Sie das Buch einmal holen?” “Ich mache es”, sagte ich* (Gruhl, *Mit Mördern*, 499) – «Госпожа Стронг, Вы не могли бы принести книгу?» – «Хорошо», – сказала я.

Данное высказывание реализуется посредством модального глагола *können* в форме *Präteritum Konjunktiv*, содержит в своем составе маркер вежливости (*Höflichkeitsmarker*) *bitte*, органически связанный с категорией модальности, базирующейся на значении «возможности». Как показывает анализ фактического материала, наиболее частотной из стратегий негативной вежливости оказалась стратегия косвенной вежливости. Было проанализировано 185 примеров. Стратегии дистанцирования реализуются за счёт частных стратегий или их совокупности: 1) стратегии косвенной вежливости (34%), 2) семантической минимизации импозиции (11%), 3) имперсонализации (8%), 4) демонстрации вежливого пессимизма (21%), 5) выражения уважения (13%), 6) преуменьшения неудобства (13%).

Использование восклицательных предложений в рамках реализации коммуникативно-прагматической категории вежливости

позволяет выразить свое почтение, восхищение, гостеприимность и т.д.: *“Wir lassen von uns hören!” antwortete Dr. Pfifferling überaus freundlich (Konsalik, 368).*

В этом примере реализуется стратегия выражения уважения, выделяемая Р.А. Газизовым, Р.З. Мурясовым [2], реализуемая в том числе в подборе положительно окрашенной эмоциональной лексики: *überaus freundlich*.

В ДРА деонтическая модальность реализуется в двух аспектах – через оценку действительности и оценку личности: *Wollten Sie mir nicht erzählen, was Ihnen gestern dazwischenkam? (Wohlgemuth, Egon, 146). ... Nehmen Sie mir bitte meine Antwort im Bus nicht mehr übel, Egon, das ist mir so rausgerutscht! ... “Ehrenwort! Das bleibt unter uns!”*

В ДРА просьбы деонтическая модальность реализуется через оценку действительности: вчерашнее происшествие и обещание хранить молчание: *Wollen wir nicht endlich dieses Thema ruhen lassen? (Courths-Mahler, Siddys Hochzeitsreise, 282).*

Косвенный ДРА сопряжен со стратегией вежливого пессимизма. Деонтическая модальность реализуется через оценку действительности: не затрагивать больше, скорее всего, неприятную тему.

Оценка личности подразумевает последовательное выражение отношения к индивиду: *Laß dich anschauen, du siehst aber glänzend aus! (Vaszary, Monpti, 290).*

В данном случае используется прямой ДРА просьбы, сопряженный с комплиментом (РА доброжелательности и согласования: *Sie sind jung und hübsch und clever, Sie sollten daraus wirklich Kapital schlagen (Cetto, Welt, 99).*

Оценочный РА (оценка личности) сопряжен с косвенным ДРА совета с использованием смягченной модальной упаковки. Подобным образом оформленные высказывания отвечают стремлению адресанта выразить своё положительное отношение к адресату [4, с. 23], которое также реализуется за счёт комплиментарных прилагательных [15].

Таким образом, смягчение категоричности ДРА достигается за счет использования разного рода стратегий дистанцирования в рам-

ках коммуникативно-прагматической категории вежливости – изолированно или в их совокупности.

Заключение

1. Категория модальности представляет собой одно из основных языковых средств выражения принципа вежливости в современном немецком языке.

2. Немецкие модальные глаголы характеризуются высокой производительностью при вербализации коммуникативно-прагматической категории вежливости.

3. Коммуникативная категория вежливости рассматривается как широкое понятие, коммуникативно-прагматическая – как более узкое.

4. Деонтическая модальность содержит в себе частные категории «возможность», «действительность», «необходимость». Модальность рассматривается в узком смысле, т.к. при широком понимании данной категории к модальности относится и категория побуждения. Понятия модальность и прагматика строго разграничиваются.

5. Негативная вежливость, в основе которой лежит деонтическая модальность, используется в ДРА гораздо чаще позитивной и служит для смягчения «обязательного» характера директив.

6. Учет прагматического контекста и его компонентов (пресуппозиции) определяет выбор стратегий вежливости при оформлении ДРА.

7. Смягчение категоричности ДРА достигается за счет использования косвенных РА, имперсонализации, демонстрации вежливого пессимизма, выражением уважения к адресату и других стратегий.

8. Стратегия семантической минимизации импозиции достигается за счет использования деминутивов, маркеров вежливости *bitte*, также маркера вероятности *vielleicht*, через положительную оценку личности и действительности и т.д.

9. Среди стратегий дистанцирования, реализуемых в ДРА с модальными глаголами, наиболее распространенными оказались стратегия косвенной вежливости в сочетании со стратегией вежливого

пессимизма, характерные для ДРА *просьбы, совета, приглашения и предложения*, характеризуются неназойливостью и деликатностью, когда адресант ставит своей целью свести до минимума риск вторжения в пространство адресата.

10. Положительно маркированный оценочный РА, сопряженный с косвенным ДРА, содержащим модальный глагол, усиливает степень вежливости высказывания.

Дальнейшее развитие темы предусматривает изучение и анализ ещё одной из стратегий дистанцирования, такой как, выражение извинения и благодарности, свойственной экспрессивам.

Список литературы

1. Беляева, Е. И. (1990). Прагматика модальности. В: *Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности: тезисы докладов конференции* (с. 10–11). Иркутск.
2. Газизов, Р. А., & Мурясов, Р. З. (2014). Грамматические способы репрезентации имплицитной вежливости в немецкой лингвокультуре. *Вестник Башкирского университета*, 19(3), с. 972–977. EDN: <https://elibrary.ru/SYAENB>
3. Газизов, Р. А. (2011). *Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре (ситуативно-стратегический анализ): автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук*. Уфа, 44 с. EDN: <https://elibrary.ru/QFKOGN>
4. Гришечко, Е. Г. (2011). *Средства реализации коммуникативной стратегии вежливости в современном английском языке: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Ростов-на-Дону, 24 с. EDN: <https://elibrary.ru/QFPKET>
5. Ерзинкян, Е. Л. (2018). *Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика*. Ереван: ЕГУ, 410 с.
6. Земская, Е. А. (1994). Категория вежливости в контексте речевых действий. В: *Логический анализ языка: язык речевых действий* (с. 131–136). Москва. EDN: <https://elibrary.ru/SIKCFL>
7. Иссерс, О. С. (2008). *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: ЛКИ, 288 с. ISBN: 978-5-382-00698-7. EDN: <https://elibrary.ru/UFGTFJ>
8. Карабань, Н. А. (2006). *Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Волгоград, 24 с. EDN: <https://elibrary.ru/NOBGFP>

9. Кураков, В. И. (2000). *Модальность: учебно-методическое пособие по практической грамматике немецкого языка*. Волгоград: ВолГУ, 48 с.
10. Ларина, Т. В. (2003). *Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур)*. Москва: РУДН, 315 с. EDN: <https://elibrary.ru/MDWEBS>
11. Леонтьев, В. В. (2016). Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории. *Экология языка и коммуникативная практика, (1)*, с. 70–83. EDN: <https://elibrary.ru/WELTCB>
12. Москальская, О. И. (1983). *Теоретическая грамматика немецкого языка*. Москва: Высшая школа, 344 с.
13. Рогожникова, И. Н. (2006). *Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Волгоград, 171 с. EDN: <https://elibrary.ru/NNZWXX>
14. Россихина, М. Ю., & Икатова, И. И. (2022). Теория вежливости: поиск эффективной методологии исследований в зарубежной социопрагматике. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 20(1)*, с. 6–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20>. EDN: <https://elibrary.ru/TWFXPV>
15. Тахтарова, С. С. (2007). Стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки, (2) (20)*, с. 89–93. EDN: <https://elibrary.ru/KGBTIF>
16. Шамьенова, Г. Р. (2000). *Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Саратов, 22 с. EDN: <https://elibrary.ru/NLSSBD>
17. Шамьенова, Г. Р. (2018). Стратегии вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. *Вопросы психолингвистики, (4)*, с. 180–195.
18. Школиная, К. В. (1971). *Синонимия способов выражения модальности в современном немецком языке*. Ленинград, 78 с.
19. Brown, P., & Levinson, S. (1978). Universals in language usage: Politeness phenomena. B: E. N. Goody (Ed.), *Questions and politeness: strategies in social interaction* (Vol. VIII, 323 p.). Cambridge.
20. Kratzer, A. (1981). The notional category of modality. B: *Words, worlds and contexts: new approaches in word semantics* (pp. 38–74). Berlin.
21. Rathmayr, R. (1994). Pragmatische und sprachliche konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte. B: *Slavistische Linguistik* (pp. 251–278). München: Verlag Otto Sagner.
22. Weidner, A. (1986). *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben: Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Verlag Otto Sagner, 343 с.

23. Wierzba, T. (2018). Höfliche Aufforderungen im Deutschen. *Deutsche Sprachwissenschaft, X*, S. 112–128.

Список источников

24. Böll, H. (1963). *Ansichten eines Clowns: Roman*. Germany: Buchgemeinschafts-Ausgabe, 255 S.
25. Cetto, G. von. (1963). *Die Welt, von der man träumt*. Stuttgart: Franckh'sche Verlagshandlung, 194 S.
26. Courths-Mahler, H. (1993). *Siddys Hochzeitsreise*. Bergisch Gladbach: Gustav Lübbe Verlag, 300 S.
27. Danella, U. (1978). *Der Maulbeerbaum*. Darmstadt: Franz Schneekluth Verlag, 576 S.
28. Grass, G. (1970). Die Plebejer proben den Aufstand. B: *Theaterspiele* (S. 233–322). Neuwied, Berlin: Luchterhand.
29. Gruhl, H. (1985). Mit Mördern spielt man nicht. B: *4 Meister-Psychos* (S. 455–636). Bastei-Lübbe-Taschenbuch.
30. Konsalik, H. G. (1991). *Eine glückliche Ehe: Roman*. Breitbrunn am Ammersee: Buchgemeinschaft, 382 S.
31. Noak, B. (1994). *Eine Handvoll Glück: Roman*. Frankfurt a/M; Berlin: Ullstein, 365 S.
32. Simmel, J. M. (1978). *Hurra, wir leben noch: Roman*. Locarno: Drömer Knauer Verlag, 736 S.
33. Vaszary, G. von. (1958). *Monpti: Roman*. Hamburg: Blüchert Verlag, 360 S.
34. Wohlgemuth, J. (1987). *Egon und das achte Weltwunder*. Berlin: Verlag Neues Leben, 365 S.
35. Zinner, H. (1973). *Fini: Ahnen und Erben: Roman*. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 506 S.
36. Zweig, S. (1968). *Ungeduld des Herzens: Roman*. Frankfurt/M–Wien–Zürich: Büchergilde Gutenberg, 411 S.

References

1. Belyaeva, E. I. (1990). The pragmatics of modality. In: *Functional, Typological, and Linguodidactic Aspects of Modality Research: Conference Abstracts* (pp. 10–11). Irkutsk.
2. Gazizov, R. A., & Muryasov, R. Z. (2014). Grammatical means of representing implicit politeness in German linguoculture. *Bulletin of Bashkir University*, 19(3), pp. 972–977. EDN: <https://elibrary.ru/SYAEHB>
3. Gazizov, R. A. (2011). *Communicative Category of Politeness in German Linguoculture (Situational-Strategic Analysis): Abstract of Doctoral Dissertation in Philological Sciences*. Ufa, 44 pp. EDN: <https://elibrary.ru/QFKOGN>

4. Grischechko, E. G. (2011). *Means of Implementing the Communicative Strategy of Politeness in Modern English: Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Rostov-on-Don, 24 pp. EDN: <https://elibrary.ru/QFPKET>
5. Yezinkyan, E. L. (2018). *Linguistic Category of Politeness: Semantics and Pragmatics*. Yerevan: Yerevan State University, 410 pp.
6. Zenskaya, E. A. (1994). The category of politeness in the context of speech acts. In: *Logical Analysis of Language: Language of Speech Actions* (pp. 131–136). Moscow. EDN: <https://elibrary.ru/SIKCFL>
7. Issers, O. S. (2008). *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. Moscow: LKI, 288 pp. ISBN: 978-5-382-00698-7. EDN: <https://elibrary.ru/UFGTFJ>
8. Karaban, N. A. (2006). *Communicative-Pragmatic Aspects of Implementing the Category of Politeness in the Official Business Style of the Russian Language: Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Volgograd, 24 pp. EDN: <https://elibrary.ru/NOBGFP>
9. Kurakov, V. I. (2000). *Modality: A Teaching and Methodological Guide on Practical Grammar of German*. Volgograd: Volgograd State University, 48 pp.
10. Larina, T. V. (2003). *The Category of Politeness in Intercultural Communication (Based on English and Russian Communicative Cultures)*. Moscow: RUDN, 315 pp. EDN: <https://elibrary.ru/MDWEBS>
11. Leontyev, V. V. (2016). Linguistic (im)politeness: On the problem of category content. *Ecology of Language and Communicative Practice*, (1), pp. 70–83. EDN: <https://elibrary.ru/WELTCB>
12. Moskalskaya, O. I. (1983). *Theoretical Grammar of the German Language*. Moscow: Vysshaya Shkola, 344 pp.
13. Rogozhnikova, I. N. (2006). *Semantic Structure of German Modal Verbs as Part of Directive Speech Acts: Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Volgograd, 171 pp. EDN: <https://elibrary.ru/NNZWXX>
14. Rossikhina, M. Yu., & Ikatova, I. I. (2022). Politeness theory: Searching for an effective research methodology in foreign sociopragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(1), pp. 6–20. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-1-6-20>. EDN: <https://elibrary.ru/TWFXPV>
15. Takhtarova, S. S. (2007). Politeness strategies in German linguoculture. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, (2) (20), pp. 89–93. EDN: <https://elibrary.ru/KGBTIF>
16. Shamenova, G. R. (2000). *The Principle of Politeness as a Special Communicative-Pragmatic Category in Russian Speech Communication: Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Saratov, 22 pp. EDN: <https://elibrary.ru/NLSSBD>
17. Shamenova, G. R. (2018). Politeness strategies in English and Russian communicative cultures. *Journal of Psycholinguistics*, (4), pp. 180–195.

18. Shkolina, K. V. (1971). *Synonymy of Means of Expressing Modality in Modern German*. Leningrad, 78 pp.
19. Brown, P., & Levinson, S. (1978). Universals in language usage: Politeness phenomena. In: E. N. Goody (Ed.), *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction* (Vol. VIII, 323 pp.). Cambridge.
20. Kratzer, A. (1981). The notional category of modality. In: *Words, Worlds and Contexts: New Approaches in Word Semantics* (pp. 38–74). Berlin.
21. Rathmayr, R. (1994). Pragmatic and linguistically conceptualized characteristics of Russian directive speech acts. In: *Slavistische Linguistik* (pp. 251–278). München: Verlag Otto Sagner.
22. Weidner, A. (1986). *Die russischen Übersetzungsäquivalente der deutschen Modalverben: Versuch einer logisch-semantischen Charakterisierung*. München: Verlag Otto Sagner, 343 pp.
23. Wierzba, T. (2018). Höfliche Aufforderungen im Deutschen. *Deutsche Sprachwissenschaft*, X, pp. 112–128.

List of sources

24. Böll, H. (1963). *Ansichten eines Clowns: Roman*. Germany: Buchgemeinschafts-Ausgabe, 255 S.
25. Cetto, G. von. (1963). *Die Welt, von der man träumt*. Stuttgart: Franckh'sche Verlagshandlung, 194 S.
26. Courths-Mahler, H. (1993). *Siddys Hochzeitsreise*. Bergisch Gladbach: Gustav Lübbe Verlag, 300 S.
27. Danella, U. (1978). *Der Maulbeerbaum*. Darmstadt: Franz Schneekluth Verlag, 576 S.
28. Grass, G. (1970). Die Plebejer proben den Aufstand. B: *Theaterspiele* (S. 233–322). Neuwied, Berlin: Luchterhand.
29. Gruhl, H. (1985). Mit Mördern spielt man nicht. B: *4 Meister-Psychos* (S. 455–636). Bastei-Lübbe-Taschenbuch.
30. Konsalik, H. G. (1991). *Eine glückliche Ehe: Roman*. Breitbrunn am Ammersee: Buchgemeinschaft, 382 S.
31. Noak, B. (1994). *Eine Handvoll Glück: Roman*. Frankfurt a/M; Berlin: Ullstein, 365 S.
32. Simmel, J. M. (1978). *Hurra, wir leben noch: Roman*. Locarno: Drömer Knauer Verlag, 736 S.
33. Vaszary, G. von. (1958). *Monpti: Roman*. Hamburg: Blüchert Verlag, 360 S.
34. Wohlgenuth, J. (1987). *Egon und das achte Weltwunder*. Berlin: Verlag Neues Leben, 365 S.
35. Zinner, H. (1973). *Fini: Ahnen und Erben: Roman*. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 506 S.

36. Zweig, S. (1968). *Ungeduld des Herzens: Roman*. Frankfurt/M–Wien–Zürich: Büchergilde Gutenberg, 411 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Протопопова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
ira26-74@mail.ru

Сытина Надежда Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
Волгоградский государственный университет
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
n.sytina@volsu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Irina N. Protopopova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation
ira26-74@mail.ru
SPIN-code: 9099-3641

Nadezhda A. Sytina, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department
Volgograd State University
100, Prospekt Universitetskij, Volgograd, 400062, Russian Federation
n.sytina@volsu.ru
SPIN-code: 8945-2414
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>
Researcher ID: Y-2887-2018

Поступила 21.02.2026
После рецензирования 04.03.2026
Принята 16.03.2026

Received 21.02.2026
Revised 04.03.2026
Accepted 16.03.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-541](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-541)EDN: [RWPCAF](https://www.edn.ru/RWPCAF)

УДК 81'42



Эволюция лексического богатства русского языка (корпусное исследование на основе диахронических датасетов национального корпуса русского языка)

Т.А. Рычкова

Мурманский арктический университет, Мурманск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лексических изменений в русском языке современными методами. Научная новизна работы заключается в разработке и применении комплексных статистических методов для системного количественного анализа русской лексики на основе частотных словарей 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 г. общим объемом 250 млн. употреблений, что позволило выявить и количественно описать особенности динамики лексического богатства и структуры словарного состава русского языка в диахронической перспективе.

Цель – определение особенностей динамики лексического богатства русского языка на основе диахронических датасетов 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 г.

Материалы и методы. Материалы исследования – диахронические датасеты Национального корпуса русского языка 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 г. Методы – компьютерная обработка корпусов и проверка на соответствие закону Ципфа, расчет индексов Херфиндаля-Хиршмана (НИ), Симпсона, Бергера-Паркера, энтропии Шеннона, коэффициента лексического разнообразия Туре-Token Ratio (TTR), статистических значимостей (хи-квадрат) и др.

Результаты. Корпусный анализ диахронических данных за периоды 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 г. выявил снижение общего лексического разнообразия и богатства русского языка от дореволюционного к постсоветскому периоду. Однако это обеднение лексики происходит преимущественно за счет редких и малочастотных слов, в то время как активный словарь, наоборот, расширяется и становится более продуктивным.

Ключевые слова: динамика лексики; эволюция лексики; лексика русского языка; Национальный корпус русского языка; диахронические датасеты; русский

язык дореволюционного периода; русский язык советского периода; русский язык постсоветского периода

Для цитирования. Рычкова, Т. А. (2026). Эволюция лексического богатства русского языка (корпусное исследование на основе диахронических датасетов национального корпуса русского языка). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 156–181. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-541>

The evolution of the lexical richness of the Russian language (corpus research based on diachronic datasets from the national corpus of the Russian language)

T.A. Rychkova

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of this study is determined by the need to investigate lexical change in Russian using modern methods. The scientific novelty of the work lies in the development and application of complex statistical models and indices for a systematic quantitative analysis of Russian lexis based on new, previously unexplored material—frequency dictionaries for the periods 1700–1916, 1918–1991, and 1992–2016, with a total size of 250 million tokens. This made it possible to identify and quantitatively describe the dynamics of lexical richness and the structure of the vocabulary in a diachronic perspective.

Purpose. To determine the specific features of the dynamics of lexical richness in Russian on the basis of frequency dictionaries for the periods 1700–1916, 1918–1991, and 1992–2016.

Materials and methods. The material of the study consists of diachronic datasets of the Russian National Corpus for the periods 1700–1916, 1918–1991, and 1992–2016. The methods include computer-based corpus processing and testing for compliance with Zipf’s law, calculation of the Herfindahl–Hirschman Index (HHI), Simpson’s index, Berger–Parker index, Shannon entropy, the Type–Token Ratio (TTR) as a coefficient of lexical diversity, chi-square tests of statistical significance, and other related measures.

Results. Corpus-based analysis of diachronic data for the periods 1700–1916, 1918–1991, and 1992–2016 revealed a decrease in the overall lexical diversity and richness of Russian from the pre-revolutionary to the post-Soviet period. However, this lexical impoverishment occurs mainly at the expense of rare and low-frequency words, whereas the active vocabulary, by contrast, expands and becomes more productive.

Keywords: lexical dynamics; lexical evolution; Russian lexis; Russian National Corpus; diachronic datasets; pre-revolutionary Russian; Soviet-period Russian; post-Soviet Russian

For citation. Rychkova, T. A. (2026). The evolution of the lexical richness of the Russian language (corpus research based on diachronic datasets from the national corpus of the Russian language). *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 156–181. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-541>

Введение

Лексический состав языка подвергается постоянным изменениям, и в современной лингвистике для определения этих изменений все более популярными становятся корпусные исследования [6; 10; 11; 14; 17; 21; 23; 24].

На основе лингвистических корпусов составляются частотные словари, которые позволяют оценить лексику системно. Самые известные частотные словари русского языка - это словари Г. Йосельсона 1953 г., Э.А. Штейнфельд 1963 г., Л.Н. Засориной 1977 г., Л. Лёнгрена 1993 г., О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова 2009 г. [29-33]. Самые крупные из них – словари Л.Н. Засориной и О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. Словарь Л.Н. Засориной был создан на основе корпуса текстов общим объёмом около миллиона словоупотреблений. Словарь О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова включает около 92 млн. словоупотреблений и на сегодняшний день остаётся одним из наиболее авторитетных справочных ресурсов по частотности современных русских слов.

Эти словари синхронические, то есть дают возможность изучить состояние языка в один конкретный период времени. Однако для оценки динамики лексики более информативны диахронические словари, и встречаются они значительно реже.

На данный момент в России есть диахронические словари Казанского федерального университета 1920-2019 гг. и 1992-2019 г. [28] и частотные словари на основе корпусов русских рассказов 1900-1930 г. [3]. Диахронические словари КФУ перекрываются по хронологическому охвату, в связи с чем больше подходят для сравнения с другими языками, чем для изучения изменений собственно

русского языка. Частотные словари на основе русских рассказов 1900-1930 г. наиболее близки идее данной работы. Авторы проекта составили частотные словари на основе корпусов русских рассказов 1900-1930 г., разделив их по трем периодам: дореволюционному, революционному и послереволюционному. В полученных словарях были подсчитаны частотные списки лемм, словоформ и части речи, после чего для каждого частотного списка были рассчитаны статистические переменные. Однако сами статистические переменные все же отличаются от тех, которые используются в нашем исследовании, ввиду небольшого, по сравнению с нашим, охвата исторического периода и наличия контекста. На основе сравнения частотных словарей разных периодов авторы сделали выводы о, например, изменении тональности рассказов (максимальное значение тональности приходится на революционные 1917-1918 гг., в которых отрицательно-окрашенная лексика превышает положительно-окрашенную почти в три раза), о том, какие слова и части речи преобладали в текстах (общая тенденция в распределении частей речи – увеличение доли существительных и глаголов за счет снижения доли наречий, личных местоимений и союзов) и т.д. [1; 3; 6-8; 24].

Материалы и методы

В данной работе представлен анализ текстовых корпусов, а именно диахронических датасетов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Корпуса НКРЯ характеризуются репрезентативностью, сбалансированностью корпусов по жанрам и типам текстов, большим объемом, что делает их идеальным материалом для корпусного исследования.

В нашем исследовании использованы скачиваемые диахронические датасеты НКРЯ, которые представляют собой наборы текстов трех разных периодов (без метаразметки): 1700–1916, 1918–1991 и 1992–2016 гг., соответствующие досоветскому, советскому и постсоветскому периодам нашей истории. Общий объем датасетов, как указано на сайте НКРЯ, – 250 млн. словоупотреблений [27].

Полученные от НКРЯ датасеты были обработаны с помощью программы Python, лемматизированы и преобразованы в частотные словари в виде списков лемм с указанием частотности словоупотребления и перечислением всех словоформ.

Таким образом было получено три частотных словаря, сохраненных в виде файлов Excel:

- 1) частотный словарь досоветского периода 1700–1916 г. (досоветский);
- 2) частотный словарь 1918–1991 г. (советский);
- 3) частотный словарь 1992–2016 г. (постсоветский).

Далее понятия досоветские, советские, постсоветский «словари», «корпуса» используются как синонимичные.

После компьютерной обработки частотные словари были очищены от цифр и иноязычных вкраплений и подсчитаны с точки зрения следующих параметров: общее количество лемм (лексем, то есть исходных форм слов, в данном случае эти понятия используются как синонимы), их форм; был сделан перерасчет абсолютной частоты употребления каждой леммы в *ipm* (*instances per million*), то есть было рассчитано количество вхождений (употреблений) слова на миллион слов для того, чтобы избежать искажения результатов из-за разного объема словарей.

В очищенном от цифр и иноязычных вкраплений досоветском файле оказалось 427 963 русских лексем, общая сумма словоупотреблений которых 72 180 232, *ipm* частота всех словоупотреблений – 1 128 065.

В очищенном советском файле – 478 211 русских лексем, общая сумма словоупотреблений – 93 152 300, *ipm* – 983 236.

В очищенном постсоветском словаре – 412 823 лексемы, общее количество словоупотреблений – 81 363 980, *ipm* – 969 646.

Для определения лексического богатства и разнообразия в получившихся словарях были использованы проверка соответствия распределения частот закону Ципфа, расчет индексов концентрации Хиршмана (НИ), индексов разнообразия Симпсона и Бергера–Паркера, определение энтропии Шеннона, а также вычисление

коэффициента лексического разнообразия (Type-Token Ratio, TTR) и критерия хи-квадрат (χ^2).

Результаты

1. Закон Ципфа

Закон Ципфа утверждает, что частота употребления слова в языке обратно пропорциональна его рангу в списке, упорядоченном по убыванию частоты: первое по частоте слово встречается примерно вдвое чаще второго, второе — вдвое чаще третьего и так далее [22; 26].

Для оценки словаря корпуса с помощью закона Ципфа слова ранжируют по частоте от самого частотного слова к наименее частотным, каждому слову в зависимости от частоты присваивают определенный ранг (самое частотное слово имеет ранг 1, второе по частотности 2 и т.д.), затем строят график зависимости частоты слова от его ранга и проверяют, насколько данные соответствуют гипотезе обратной пропорциональности, характерной для закона Ципфа. В данном случае данные были рассчитаны для 10.000 самых частотных слов в каждом корпусе.

В описании закона Ципфа используются понятия наклона и коэффициента детерминации R^2 . Наклон — это параметр, определяющий крутизну уменьшения частоты слова с ростом его ранга при построении графика частотности на логарифмической шкале. Параметр наклона у естественного языка в классической формулировке равен -1. Коэффициент детерминации R^2 показывает качество аппроксимации эмпирических данных моделью, соответствующей закону Ципфа [22; 26].

Если распределение частот в исследуемом корпусе близко к закону Ципфа, это означает, что словарь типичен для естественного языка. Наоборот, значительные отклонения от закона могут указывать на искусственность текста, его неприменимость для изучения естественного языка. Закон Ципфа помогает также проанализировать принципы функционирования лексики: как часто используются основные слова и как быстро насыщается корпус новыми слова-

ми, сравнить разные корпуса по интенсивности использования слов и лексической насыщенности [22].

В результате проверки на соответствие закону Ципфа были получены следующие результаты (см. таблицу 1 и график 1).

Таблица 1.

Корпус	Наклон	R ²
Дореволюционный	-1.087332	0.992138
Советский	-1.053374	0.992757
Постсоветский	-1.067211	0.988439

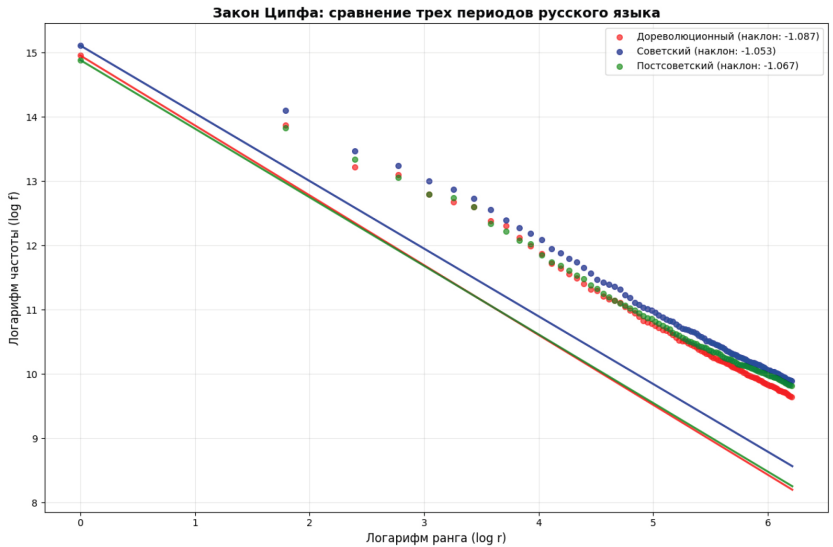


График 1

Все три периода демонстрируют соответствие закону Ципфа: линии практически идеально прямые; точки плотно прилегают к линиям тренда; наклон ≈ -1.0 во трех корпусах. $R^2 > 0.98$ свидетельствует об очень высокой линейной аппроксимации. $R^2 > 0.98$ для всех периодов также указывает на то, что ядро языка остаётся статистически стабильным, несмотря на социальные потрясения и перемены рассматриваемых исторических периодов.

Тот факт, что в советский период наклон смягчается по сравнению с досоветским ($-1.087 \rightarrow -1.053$) свидетельствует о снижении лексического разнообразия языка в советский период. Вероятно, это было связано с советской цензурой и общим стремлением к унификации в языке в этот период. В постсоветский период наклон немного увеличился ($-1.053 \rightarrow -1.067$), что говорит о расширении лексического запаса. Однако если оценивать общую тенденцию, то все же по сравнению с дореволюционным периодом разнообразие общей лексической системы языка снижается.

2. Топ-100 самых частотных слов по периодам

В данном разделе было подсчитано соотношение между частотностью и рангом слова для 100 самых частотных слов в каждом корпусе (см. график 2).

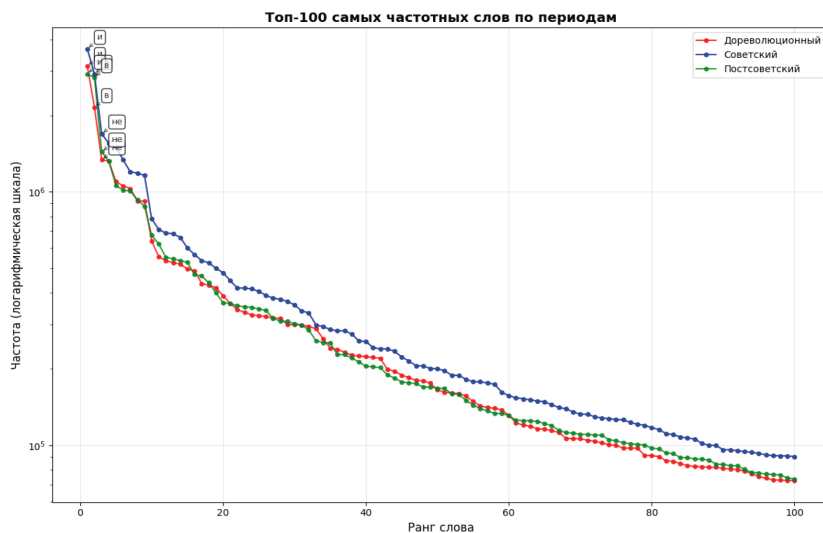


График 2

Как видно на графике, все три линии имеют одинаковую форму с резким спадом частоты употребления в начале и плавным снижением дальше. Самые резкие падения находятся между 1-10 рангами,

после 50-го ранга линии почти параллельны. Это типичная картина для распределения закона Ципфа.

Для советского корпуса (синяя линия) характерны самые высокие абсолютные частоты вхождения для топ-100 слов, у дореволюционного (красная линия) - средние позиции, у постсоветского (зеленая линия) - немного ниже дореволюционного.

Наибольшая частота у самых употребительных слов в советский период (пик частотности) свидетельствует о более низком лексическом разнообразии, о том, что авторы чаще обходились одним и тем же набором слов, что подтверждает выводы, сделанные в предыдущем пункте. Вероятными причинами этого является, как уже говорилось, стандартизация языка, цензура, требования идеологического однообразия текстов, характерные для советского периода.

Более низкие частоты в дореволюционном корпусе, напротив, говорят о большем лексическом разнообразии и менее идеологически и стилистически унифицированном корпусе письменных текстов. Постсоветский корпус занимает среднее положение между советским и дореволюционным, что также, как и в предыдущем пункте, говорит об увеличении лексического многообразия по сравнению с советским периодом, но все же это многообразие не достигает уровня дореволюционного периода.

Таким образом, график частотности топ-100 самых частотных слов подтверждает выводы, сделанные в предыдущем разделе, и также показывает снижение общего лексического многообразия в корпусах.

3. Коэффициент лексического разнообразия (TTR)

Коэффициент лексического разнообразия (Type-Token Ratio) – еще один коэффициент, измеряющий лексическое богатство словаря. Этот индекс рассчитывается довольно просто: количество уникальных лемм в корпусе делится на общий объем слов и умножается на 100%. [19, с. 16-20].

Высокий TTR говорит о том, что в корпусе много уникальных слов и мало повторений, и, соответственно, о более сложном или богатом языке текста. Низкий TTR свидетельствует о частом повторении слов и меньшем лексическом разнообразии. TTR 0.3-0.6% го-

ворит о среднем разнообразии, более низкие или высокие значения оцениваются соответственно как более низкое или более высокое многообразие.

Подсчеты TTR в исследуемых корпусах показали следующие результаты (см. график 3).

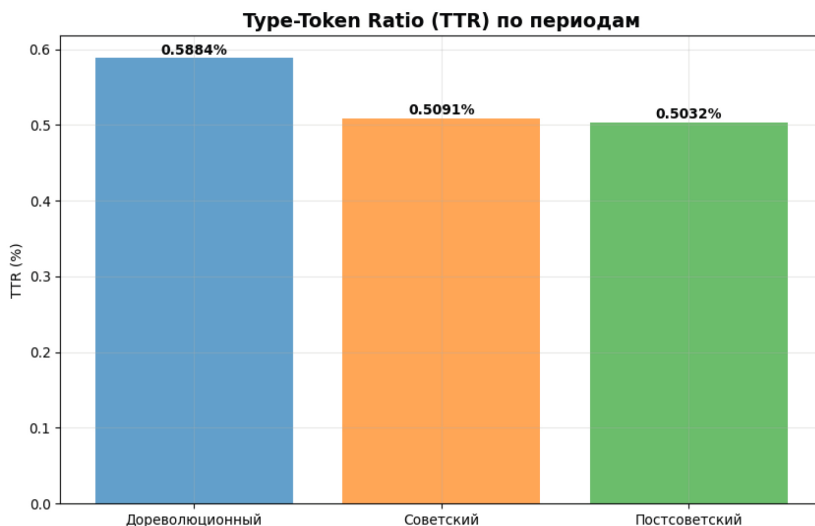


График 3

Все периоды попадают в категорию «среднее разнообразие» (0.3-0.6%), но дореволюционный период ближе к «высокому разнообразию» (>0.6%)

TTR последовательно снижается от дореволюционного к постсоветскому периоду (дореволюционный 0.5884% → советский 0.5091% → постсоветский 0.5032%), что свидетельствует о снижении разнообразия и общем обеднении словаря.

Следует отметить, что TTR не самый надежный показатель и должен учитываться только вместе с другими подсчетами. Проблема TTR в том, что он зависим от размера корпуса: чем больше корпус, тем больше повторений слов в нем будет, поэтому самый большой корпус (в данном случае советский) автоматически по-

лучает более низкий TTR (то есть снижение TTR не обязательно означает обеднение языка, а может отражать рост объёма текстов).

Однако согласованность динамики TTR с результатами, полученными по объёмно-независимым метрикам, указанным в предыдущем разделе, позволяют предположить, что выявленное снижение TTR отражает не только эффект масштабирования выборки, но и общую тенденцию к снижению разнообразия за счет сокращения пласта редкой лексики.

4. Индекс энтропии Шеннона

Индекс энтропии Шеннона в корпусной лингвистике измеряет степень неопределённости и разнообразия в распределении слов по частотам: чем больше энтропия, тем менее предсказуем выбор слова, тем ближе распределение к случайному. Если распределение слов очень равномерное – много разных слов с примерно одинаковыми частотами – энтропия будет высокой, что отражает высокую степень неопределённости (вариативности) при выборе следующего слова в тексте и, соответственно, более богатый и менее клишированный лексический состав [20].

Абсолютная энтропия показывает фактический уровень неопределённости или разнообразия в данных – это «объём информации» в корпусе. Чем она выше, тем больше разнообразие и неопределённость. Относительная энтропия (нормированная) показывает, насколько фактическая энтропия близка к максимальной, насколько близко реальное распределение к полной случайности и равномерности. Она отражает, насколько распределение слов в корпусе приближено к равномерному [20] (см. график 4).

Мы видим рост от дореволюционного периода к современному абсолютной энтропии ($11.19 \rightarrow 11.44 \rightarrow 11.56$), что демонстрирует увеличение количества информации и непредсказуемости в распределении слов. Относительная энтропия тоже растет ($0.598 \rightarrow 0.606 \rightarrow 0.620$), указывая на растущую равномерность распределения частот слов.

Таким образом, несмотря на то что предыдущие расчеты показывали снижение лексического разнообразия (TTR $0.588\% \rightarrow 0.503\%$), энтропия показывает рост информационной насыщенности ($11.19 \rightarrow 11.56$).

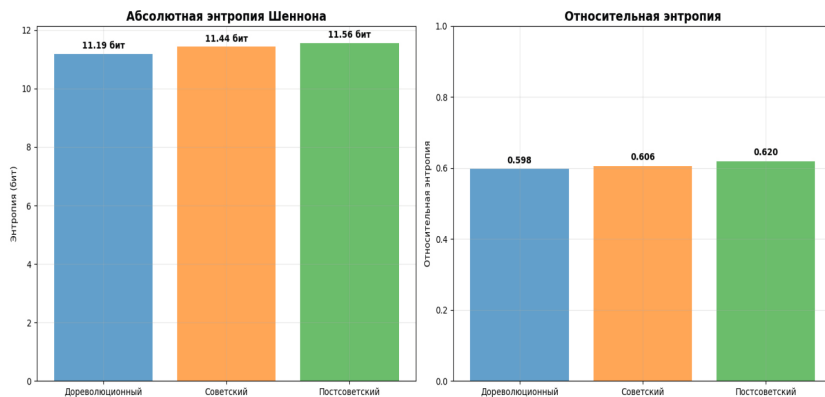


График 4

Это кажущееся противоречие объясняется тем, что TTR отражает лексическое богатство словаря, а энтропия – эффективность его использования, т.е. словарь становится менее разнообразным, но зато используется более эффективно, становится более функциональным, информационно насыщенным. Можно сказать, что в современный период мы передаем больше информации меньшими лексическими средствами.

5. Индекс Херфиндаля-Хиршмана

Индекс Херфиндаля-Хиршмана (ННІ) в корпусной лингвистике используется для оценки концентрации активного словарного запаса, то есть для измерения того, насколько частотное распределение слов сосредоточено вокруг небольшого ядра наиболее употребляемых лексем или, напротив, равномерно распределено между множеством слов. Чем выше значение ННІ, тем сильнее концентрация частотности у небольшого числа слов и, соответственно, меньше общее лексическое разнообразие. Более низкие значения индекса свидетельствуют о более равномерном распределении и большем разнообразии лексики [13, с. 1-3]. Для дополнительной интерпретации результатов ННІ и наглядности также были рассчитаны совокупные доли, приходящиеся на 10 и 100 самых частотных слов каждого корпуса (см. график 5).

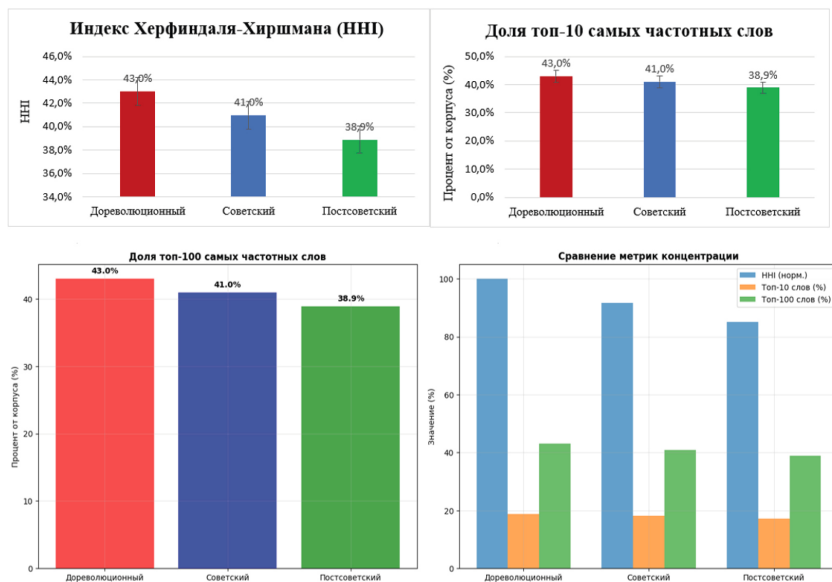


График 5

С точки зрения концентрации словаря все корпуса попадают в категорию «Разнообразный словарь» (ННІ 50-100), при этом постсоветский период ближе всего к «Очень разнообразному» (<50).

С точки зрения эволюции лексического разнообразия прослеживается четкая тенденция падения индекса ННІ от дореволюционного (54.70) к советскому (50.16) и постсоветскому корпусу (46.54). Это свидетельствует о том, что активный словарь последовательно становится более разнообразным со временем. Концентрация активного словаря вокруг самых частотных слов снижается на 15%, что является довольно значимым изменением и также говорит о более свободном распределении активного словарного запаса.

С точки зрения распределения частотности среди топ-10 слов (дореволюционный 18.70% → советский 18.09% → постсоветский 17.14%) мы видим уменьшение доли топ-10 в корпусе на 1.56%, что говорит о снижении зависимости от самых частотных слов и расширении активного словаря.

Распределение частотности среди топ-100 слов (дореволюционный 43.00% → советский 40.96% → постсоветский 38.91%) показывает ту же самую тенденцию: уменьшение доли топ-100 на 4.09%, что также свидетельствует о значимом расширении активного словаря.

Таким образом, от дореволюционного к постсоветскому периоду «ядро» самых частотных слов становится менее сконцентрированным, более разнообразным, что говорит об увеличении лексического разнообразия в пределах активного словаря.

6. Индексы Симпсона и Бергера-Паркера

Индекс Симпсона рассчитывается как сумма квадратов относительных частот каждого слова (типа) в тексте и используется для оценки степени лексического богатства и выявления доминирования отдельных слов в корпусе. Чем выше индекс Симпсона, тем больше доминирование нескольких слов и меньше разнообразие.

Интерпретация индекса Симпсона:

- $D = 0.0$ - максимальное разнообразие (все слова с одинаковой частотой);
- $D = 1.0$ - максимальная концентрация (весь корпус состоит из повторений одного слова);
- $1-D$ = разнообразие (чем ближе к 1, тем более разнообразен словарь).

Индекс Бергера-Паркера измеряет доминирование наиболее частотного слова и высчитывается как доля самого частотного слова к общему числу слов в корпусе [15].

Для дореволюционного, советского и постсоветского корпусов были получены следующие результаты (см. график 6).

Таким образом, индекс Симпсона (D) показывает снижение концентрации слов вокруг частотного «ядра» от дореволюционного корпуса к постсоветскому: $0.005470 \rightarrow 0.005016 \rightarrow 0.004654$.

Индекс Симпсона ($1-D$), наоборот, показывает повышение разнообразия слов от дореволюционного к постсоветскому корпусу: $0.994530 \rightarrow 0.994984 \rightarrow 0.995346$.

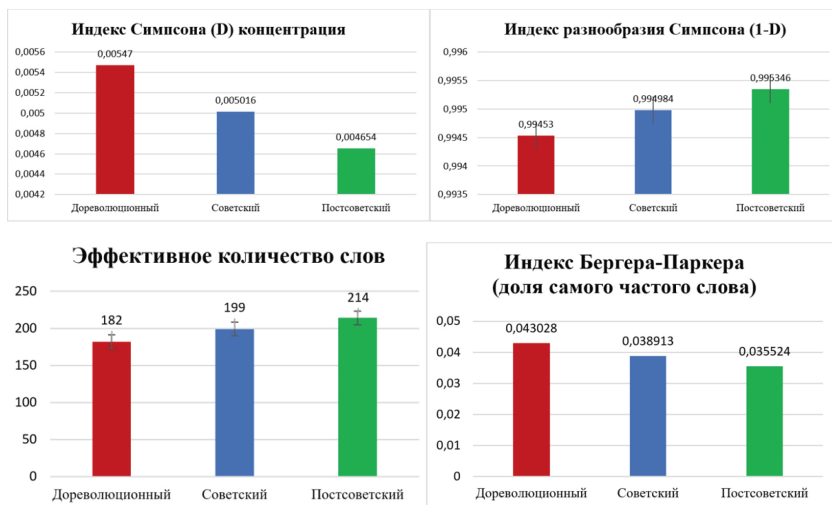


График 6

Дополнительно к индексу Симпсона был рассчитан показатель эффективного количества слов [16, с. 363-375]. Рост этого показателя от 183 до 215 означает, что современный русский язык стал более сбалансированным – редкие слова стали использоваться чаще, а частотные – реже.

Индекс Бергера-Паркера показывает, что доля самого частотного слова снижается от корпуса к корпусу: 0,0430 → 0,0389 → 0,0355.

Можно сделать вывод, что в дореволюционный период наблюдается наибольшая концентрация вокруг частотных слов. Это говорит о более иерархической структуре словаря и наличии классического «ядра» частотной лексики.

В советский период начинается выравнивание распределения частот, расширение активного словаря и уменьшение зависимости от самых частых слов.

В постсоветский период представлена наименьшая концентрация частотности в высокоранговой лексике и наибольшее разнообразие в ее использовании.

Лексическая система эволюционирует от модели с выраженным доминированием ограниченного ядра высокочастотных слов к мо-

дели с более равномерным и сбалансированным распределением частотности по всему словарному составу.

7. Статистические значимости (хи-квадрат)

Для выявления слов, частота употребления которых претерпела статистически значимые изменения между историческими периодами, был применен критерий согласия хи-квадрат (χ^2) [15] (см. график 7).



График 7

Наибольшие различия демонстрируют дореволюционный и постсоветский корпуса (11,411). Этот результат ожидаем, потому что между дореволюционным и постсоветским периодами прошло больше всего времени. Пара «дореволюционный и советский корпуса» показывают средние значения (8,680). Наименьшие различия обнаруживают «советский и постсоветский корпуса» (6,635).

Таким образом, если сравнивать пары «дореволюционный и советский» и «советский и постсоветский» корпуса, мы можем увидеть, что наибольшие изменения в лексической системе языка наблюдаются в первой паре, то есть в тот период происходил более значительный эволюционный сдвиг в лексике русского языка.

Обсуждение

Полученные в настоящем исследовании результаты о снижении общего лексического разнообразия при одновременном росте функциональной насыщенности активного словаря требуют осмысления

в контексте существующих корпусных исследований как русского, так и других языков. Несмотря на распространённость количественных методов в современной лингвистике, комплексный анализ эволюции лексического богатства на материале масштабных диахронических корпусов русского языка до сих пор не проводился.

Существующие исследования на материале русского языка демонстрируют методологическое сходство с настоящей работой, но существенно отличаются по целям, охвату и набору анализируемых показателей.

Так, есть две работы, которые используют те же диахронические корпуса НКРЯ [14; 17], однако в них фокус смещён на выявление изменений в значениях отдельных слов с помощью векторных моделей (word embeddings), а не на выявление глобальных изменений словарного состава. Хотя эти исследования в целом подтверждают факт значимой лексической перестройки на рубежах эпох, что согласуется с нашими выводами, полученными по критерию χ^2 , однако они не дают количественной оценки общего лексического богатства словаря.

Те исследования, которые нацелены именно на измерение лексического разнообразия в русском языке, ограничиваются только определенными областями. Например, работа, посвященная анализу лексической сложности документов Конституционного Суда РФ [10], использует широкий набор индексов лексического разнообразия (коэффициент лексического разнообразия (TTR), его скорректированную версию (CTTR), характеристику Юла К (Yule's K) и др.), но сосредоточена на одном жанре и коротком временном отрезке (1992–2018 гг.). Исследование А. Пиперского [21], посвящённое лексическому разнообразию русской поэзии, включает схожие с нашими индексы (стандартизированный TTR, индекс Симпсона) и фиксирует рост разнообразия и выравнивание активного словаря с XVIII века, что можно рассматривать как раннее проявление в художественном регистре общей тенденции, которую мы наблюдаем для языка в целом. Исследования узких лексических подсистем (например, цветообозначений в поэзии, [18]) также подтверждают

ценность диахронического подхода с нормализацией частот и использованием статистических критериев, однако они не ставят целью описание эволюции всей лексической системы.

Таким образом, хотя в научных работах по корпусному анализу современного русского языка имеются работы, применяющие отдельные элементы нашей методологии, настоящее исследование является первым, которое на едином материале трёх крупных исторических периодов (1700–2016 гг., 250 млн словоупотреблений) реализует комплексный подход, включающий одновременный расчёт и интерпретацию закона Ципфа (наклон, R^2), индексов концентрации (Херфиндала-Хиршмана, Симпсона, Бергера-Паркера), энтропии Шеннона, соотношения типов и токенов (TTR) и статистической значимости хи-квадрат (χ^2).

В свою очередь, межъязыковые параллели демонстрируют, что основные выявленные нами тренды не являются уникальными для русского языка, а вписываются в общую картину эволюции лексических систем. Исследование корпусов английского, испанского и турецкого языков [23], выявляет схожее фундаментальное соотношение: при увеличении объёма текстов и усложнении коммуникации энтропия Шеннона растёт, в то время как соотношение TTR снижается. Этот вывод полностью соответствует нашему ключевому наблюдению о парадоксальном сочетании снижения TTR с ростом энтропии от до-революционного к постсоветскому периоду, что свидетельствует о росте информационной насыщенности единицы текста.

Анализ динамики энтропии «ядра» словаря по данным Google Books Ngram для семи языков [12], показывает специфичную для русского языка траекторию с резким падением показателей около 1920-х годов и подъёмом в конце XX века. Эта картина качественно подтверждает нашу интерпретацию советского периода как эпохи унификации и снижения лексического разнообразия (смягчение наклона Ципфа, пик частотности топ-слов), за которой последовало выравнивание распределения в постсоветское время.

Похожие результаты выявляются в исследованиях классического китайского языка, где фиксируется устойчивый рост лексической

сложности при одновременном упрощении синтаксических структур, что трактуется как повышение информационной эффективности коммуникации [25].

Таким образом, проведённое исследование методологически соотносится с международными исследованиями крупных корпусов различных языков. При этом для русского языка оно является новым по своему масштабу (охват более трёх столетий) и сложности используемого аналитического аппарата.

Заключение

1. Корпусный анализ диахронических датасетов 1700-1916, 1918-1991 и 1992-2016 г. показал, что общее разнообразие и богатство лексического состава русского языка снижаются от дореволюционного к постсоветскому периоду.

2. Динамика лексической системы носит дифференцированный характер. Общее снижение разнообразия (TTR) происходит на периферии словаря — за счёт выхода из употребления редких слов. При этом центральная часть (активное ядро), наоборот, становится более разнообразной и равномерно используемой, что подтверждается ростом эффективного числа слов и снижением доли самых частотных лексем (топ-10, топ-100).

3. Для дореволюционного периода характерна наиболее высокая концентрация частотности вокруг узкого ядра высокоранговых лексем (максимальные значения индексов ННІ, Симпсона и доли самого частотного слова — индекс Бергера-Паркера). Это указывает на более иерархическую структуру словарного состава с чётким разделением на малое сверхчастотное ядро и обширный низкочастотный периферийный слой.

4. Эволюция лексической системы русского языка характеризуется повышением её информационной эффективности: несмотря на сокращение общего числа лемм и доли редкой лексики, активное ядро словаря расширяется и становится более сбалансированным (снижение индексов ННІ, Симпсона и Бергера-Паркера), а его способность кодировать информацию растёт (увеличение энтропии

Шеннона). Это указывает на тенденцию к передаче большего объема информации менее разнообразным, но более эффективно используемым набором слов.

Благодарности. Выражаем благодарность программисту Евгению Сергеевичу Столетову за компьютерную обработку диахронических датасетов и лингвисту-аналитику Валерии Михайловне Запорожцевой за помощь с расчетами статистических данных.

Список литературы

1. Завьялова, И. С., & Шерстинова, Т. Ю. (2022). О морфологических различиях в текстах русской малой прозы 1900–1930 гг. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, (2), 176–204. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.02.12>. EDN: <https://elibrary.ru/OEIGOJ>
2. Комарькова, М. А. (2021). Тенденции лингвистических изменений в современном английском языке. *Современное педагогическое образование*, (6), 153–155. EDN: <https://elibrary.ru/DNEYUT>
3. Мартыненко, Г. Я., Шерстинова, Т. Ю., Попова, Т. И., Мельник, А. Г., & Замирайлова, Е. В. (2018). О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века. В кн.: *Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике* (с. 180–197). EDN: <https://elibrary.ru/YFFGSO>
4. Соловьёв, В. Д. (2012). Статистические методы анализа диахронических корпусов текстов как инструмент исследования языковой динамики. В кн.: *Материалы международной конференции «Русский язык: функционирование и развитие»* (с. 47). Казань: Казанский университет.
5. Черкасова, Г. А. (2015). Сопоставительные исследования коэффициентов «Лексического разнообразия» и «Лексического богатства» Ю. Н. Караулова на материале русских ассоциативных словарей. *Вопросы психолингвистики*, (25), 93–104. EDN: <https://elibrary.ru/UDLHEJ>
6. Шерстинова, Т. Ю., & Завьялова, И. С. (2022). Динамика дистрибуции частеречных и грамматических категорий в русском рассказе 1900–1930. В кн.: *Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов* (с. 324). EDN: <https://elibrary.ru/LLVYK>
7. Шерстинова, Т. Ю. (2021). Русская литература 1900–1930: что изменилось в языке и стиле после Октябрьской революции? В кн.: *Второй российский эстетический конгресс* (с. 622–624). EDN: <https://elibrary.ru/PZGGQT>
8. Шерстинова, Т. Ю., Колпащикова, Е. О., Сейнова, А. Р., Максименко, П. И., & Родионов, Р. А. (2023). Русский рассказ 1900–1930-х и его восприятие чи-

- тателем: опыт квантитативного анализа оценки художественного текста. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, (2), 164–184. <https://doi.org/10.31249/chel/2023.02.09>. EDN: <https://elibrary.ru/GZYNIO>
9. Юлдашева, Л. У. (2023). Исследование лексического массива русского языка: вопросы сохранения и потери слов в современной эпохе. *Journal of Multidisciplinary Bulletin*, 6(5), 458–466.
 10. Blinova, O. V., Belov, S., & Revazov, M. A. (2021). Decisions of Russian constitutional court: lexical complexity analysis in shallow diachrony. В кн.: *CEUR Workshop Proceedings* (с. 61–74).
 11. Bochkarev, V. V., Solovyev, V. D., Nestik, T. A., & Shevlyakova, A. V. (2024). Variations in average word valence of Russian books over a century and social change. *Journal of Mathematical Sciences*, 285(1), 14–27. <https://doi.org/10.1007/s10958-024-07419-z>. EDN: <https://elibrary.ru/QYDSPS>
 12. Buntinx, V., & Kaplan, F. (2018). Negentropic linguistic evolution: A comparison of seven languages. В кн.: *Digital Humanities 2018: Book of Abstracts / Libro de resúmenes*.
 13. Dunn, J., Coupe, T., & Adams, B. (2020, November). Measuring linguistic diversity during COVID-19. В кн.: *Proceedings of the Fourth Workshop on Natural Language Processing and Computational Social Science* (с. 1–10). <https://doi.org/10.18653/v1/2020.nlpccs-1.1>
 14. Fomin, V., Bakshandaeva, D., Rodina, Ju., & Kutuzov, A. (2019). Tracing cultural diachronic semantic shifts in Russian using word embeddings. В кн.: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”* (Moscow, May 29 – June 1, 2019). Получено из: <https://arxiv.org/pdf/1905.06837>
 15. Gries, S. T. (2021). *Statistics for linguistics with R: A practical introduction* (3rd ed.). Berlin: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110718256>
 16. Jost, L. (2006). Entropy and diversity. *Oikos*, 113(2), 363–375. <https://doi.org/10.1111/j.2006.0030-1299>
 17. Kutuzov, A., & Kuzmenko, E. (2018). Two centuries in two thousand words: Neural embedding models in detecting diachronic lexical changes. В кн.: *Quantitative approaches to the Russian language* (с. 95–112). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315105048-5>
 18. Lyashevskaya, O., Vlasova, E., & Litvintseva, K. (2019). Lexical diversity and colour hues in Russian poetry: A corpus-based study of adjectives. В кн.: P. Plecháč, M. Skulacheva, & R. Pilš (Eds.), *Quantitative approaches to versification* (с. 131–141). Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences.
 19. Malvern, D., Richards, B., Chipere, N., & Durán, P. (2004). *Lexical diversity and language development* (с. 16–30). Palgrave Macmillan UK.

20. MacKay, D. J. (2003). *Information theory, inference and learning algorithms*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Piperski, A. (2023). Lexical diversity of Russian poets. В кн.: *Literature, language and computing: Russian contribution* (с. 113–120). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-3604-5_10
22. Piantadosi, S. T. (2014). Zipf's word frequency law in natural language: A critical review and future directions. *Psychonomic Bulletin & Review*, 21(5), 1112–1130. <https://doi.org/10.3758/s13423-014-0585-6>. EDN: <https://elibrary.ru/SFDFMF>
23. Rosillo-Rodes, P., San Miguel, M., & Sánchez, D. (2025). Entropy and type-token ratio in gigaword corpora. *Physical Review Research*, 7(3), 033054. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.10227>. EDN: <https://elibrary.ru/XQTDHY>
24. Sherstinova, T., & Martynenko, G. (2019, November). Linguistic and stylistic parameters for the study of literary language in the corpus of Russian short stories of the first third of the 20th century. В кн.: *R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics: Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)* (Saint Petersburg, Russia, с. 105–120).
25. Song, J., & Lei, L. (2025). Lexical bloom, syntactic retreat: Examining complexity trade-offs within Classical Chinese evolution across two millennia. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. <https://doi.org/10.1515/cllt-2024-0125>. EDN: <https://elibrary.ru/ZMAJJX>
26. Zipf, G. K. (1972). *Human behavior and the principle of least effort: An introduction to human ecology*. Hafner.

Список источников и словарей

27. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. (2003–2025). Скачиваемые корпуса. Получено 19.10.2025, из: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/>
28. *Диахронический словарь русской лексики* [Электронный ресурс] / Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт филологии и межкультурной коммуникации. Получено 20.10.2025, из: <https://kpfu.ru/philology-culture/struktura-instituta/nauchno-obrazovatelnye-centry-noc/noc-po-lingvistike-im-ia-boduena-de-kurtene/nil-39kvantitativnaya-lingvistika39/diahronicheskij-slovar.html>
29. Засорина, Л. Н. (Ред.). (1977). *Частотный словарь русского языка: около 40 000 слов*. Москва: Русский язык.
30. Ляшевская, О. Н., & Шаров, С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва: Азбуковник. Получено 20.10.2025, из: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

31. Штейфельдт, Э. А. (1963). *Частотный словарь современного русского литературного языка: 2500 наиболее употребительных слов: пособие для преподавателей русского языка*. Таллин: Издательство «Юхисэлу».
32. Lönngren, L. (1993). *The frequency dictionary of modern Russian*. Acta Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia. Uppsala.
33. Josselson, H. (1953). *The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian*.

References

1. Zav'yalova, I. S., & Sherstinova, T. Yu. (2022). On morphological differences in the texts of Russian short prose from 1900 to 1930. *Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, (2), 176–204. <https://doi.org/10.31249/chel/2022.02.12>. EDN: <https://elibrary.ru/OEIGOJ>
2. Komarkova, M. A. (2021). Trends in linguistic changes in modern English. *Modern Pedagogical Education*, (6), 153–155. EDN: <https://elibrary.ru/DNEYUT>
3. Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu., Popova, T. I., Melnik, A. G., & Zamirailova, E. V. (2018). On the principles of creating a corpus of Russian short stories from the first third of the 20th century. In: *Proceedings of the International Conference on Computational and Cognitive Linguistics* (pp. 180–197). EDN: <https://elibrary.ru/YFFGSO>
4. Solovyev, V. D. (2012). Statistical methods for analyzing diachronic text corpora as a tool for studying language dynamics. In: *Materials of the International Conference “Russian Language: Functioning and Development”* (p. 47). Kazan: Kazan University.
5. Cherkasova, G. A. (2015). Comparative studies of the coefficients of “Lexical Diversity” and “Lexical Richness” by Yu. N. Karaulov based on Russian associative dictionaries. *Journal of Psycholinguistics*, (25), 93–104. EDN: <https://elibrary.ru/UDLHEJ>
6. Sherstinova, T. Yu., & Zav'yalova, I. S. (2022). Dynamics of distribution of part-of-speech and grammatical categories in Russian short stories of 1900–1930. In: *Russian Grammar in the Dialogue of Scientific Schools, Directions, and Methods* (p. 324). EDN: <https://elibrary.ru/LLVVYK>
7. Sherstinova, T. Yu. (2021). Russian literature of 1900–1930: what changed in language and style after the October Revolution? In: *Second Russian Aesthetic Congress* (pp. 622–624). EDN: <https://elibrary.ru/PZGGQT>
8. Sherstinova, T. Yu., Kolpashchikova, E. O., Seinova, A. R., Maksimenko, P. I., & Rodionov, R. A. (2023). Russian short story of 1900–1930 and its reader perception: an experience of quantitative analysis of literary text evaluation. *Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, (2), 164–184. <https://doi.org/10.31249/chel/2023.02.09>. EDN: <https://elibrary.ru/GZYNIO>

9. Yuldasheva, L. U. (2023). Studying the lexical array of the Russian language: issues of preserving and losing words in the modern era. *Journal of Multidisciplinary Bulletin*, 6(5), 458–466.
10. Blinova, O. V., Belov, S., & Revazov, M. A. (2021). Decisions of Russian Constitutional Court: lexical complexity analysis in shallow diachrony. In: *CEUR Workshop Proceedings* (pp. 61–74).
11. Bochkarev, V. V., Solovyev, V. D., Nestik, T. A., & Shevlyakova, A. V. (2024). Variations in average word valence of Russian books over a century and social change. *Journal of Mathematical Sciences*, 285(1), 14–27. <https://doi.org/10.1007/s10958-024-07419-z>. EDN: <https://elibrary.ru/QYDSPS>
12. Buntinx, V., & Kaplan, F. (2018). Negentropic linguistic evolution: a comparison of seven languages. In: *Digital Humanities 2018: Book of Abstracts / Libro de resúmenes*.
13. Dunn, J., Coupe, T., & Adams, B. (2020, November). Measuring linguistic diversity during COVID-19. In: *Proceedings of the Fourth Workshop on Natural Language Processing and Computational Social Science* (pp. 1–10). <https://doi.org/10.18653/v1/2020.nlpccs-1.1>
14. Fomin, V., Bakshandaeva, D., Rodina, Ju., & Kutuzov, A. (2019). Tracing cultural diachronic semantic shifts in Russian using word embeddings. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”* (Moscow, May 29 – June 1, 2019). Получено из: <https://arxiv.org/pdf/1905.06837>
15. Gries, S. T. (2021). *Statistics for linguistics with R: A practical introduction* (3rd ed.). Berlin: De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110718256>
16. Jost, L. (2006). Entropy and diversity. *Oikos*, 113(2), 363–375. <https://doi.org/10.1111/j.2006.0030-1299>
17. Kutuzov, A., & Kuzmenko, E. (2018). Two centuries in two thousand words: Neural embedding models in detecting diachronic lexical changes. In: *Quantitative approaches to the Russian language* (pp. 95–112). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315105048-5>
18. Lyashevskaya, O., Vlasova, E., & Litvintseva, K. (2019). Lexical diversity and colour hues in Russian poetry: A corpus-based study of adjectives. In: P. Plecháč, M. Skulacheva, & R. Piš (Eds.), *Quantitative approaches to versification* (pp. 131–141). Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences.
19. Malvern, D., Richards, B., Chipere, N., & Durán, P. (2004). *Lexical diversity and language development* (pp. 16–30). Palgrave Macmillan UK.
20. MacKay, D. J. (2003). *Information theory, inference and learning algorithms*. Cambridge: Cambridge University Press.

21. Piperski, A. (2023). Lexical diversity of Russian poets. In: *Literature, language and computing: Russian contribution* (pp. 113–120). Singapore: Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-3604-5_10
22. Piantadosi, S. T. (2014). Zipf's word frequency law in natural language: A critical review and future directions. *Psychonomic Bulletin & Review*, 21(5), 1112–1130. <https://doi.org/10.3758/s13423-014-0585-6>. EDN: <https://elibrary.ru/SFDFMF>
23. Rosillo-Rodes, P., San Miguel, M., & Sánchez, D. (2025). Entropy and type-token ratio in gigaword corpora. *Physical Review Research*, 7(3), 033054. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.10227>. EDN: <https://elibrary.ru/XQTDHY>
24. Sherstinova, T., & Martynenko, G. (2019, November). Linguistic and stylistic parameters for the study of literary language in the corpus of Russian short stories of the first third of the 20th century. In: *R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics: Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)* (Saint Petersburg, Russia, pp. 105–120).
25. Song, J., & Lei, L. (2025). Lexical bloom, syntactic retreat: Examining complexity trade-offs within Classical Chinese evolution across two millennia. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. <https://doi.org/10.1515/cllt-2024-0125>. EDN: <https://elibrary.ru/ZMAJJX>
26. Zipf, G. K. (1972). *Human behavior and the principle of least effort: An introduction to human ecology*. Hafner.

Sources and dictionaries

27. National Corpus of the Russian Language (NCRL) [Electronic resource]. (2003–2025). Downloadable corpora. Retrieved on October 19, 2025, from: <https://ruscorpora.ru/page/corpora-datasets/>
28. Diachronic dictionary of Russian vocabulary [Electronic resource] / Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Philology and Intercultural Communication. Retrieved on October 20, 2025, from: <https://kpfu.ru/philology-culture/struktura-instituta/nauchno-obrazovatelnye-centry-noc/noc-po-lingvistike-im-ia-boduena-dekurtene/nil-39kvantitativnaya-lingvistika39/diachronicheskij-slovar.html>
29. Zazorina, L. N. (Ed.). (1977). *Frequency dictionary of the Russian language: about 40 000 words*. Moscow: Russkiy Yazyk.
30. Lyashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Frequency dictionary of modern Russian (based on materials from the National Corpus of the Russian Language)*. Moscow: Azbukovnik. Retrieved on October 20, 2025, from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
31. Shteyfeldt, E. A. (1963). *Frequency dictionary of modern standard Russian literature: 2500 most common words: a guide for Russian language teachers*. Tallinn: Yuhiselu Publishing House.

32. Lönngren, L. (1993). *The frequency dictionary of modern Russian*. Acta Univ. Ups., Studia Slavica Upsaliensia. Uppsala.
33. Josselson, H. (1953). *The Russian word count and frequency analysis of grammatical categories of standard literary Russian*.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Рычкова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, межкультурных коммуникаций и журналистики
Мурманский арктический университет
ул. Коммуны, 9, г. Мурманск, 183038, Российская Федерация
rychkovata@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Rychkova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philology, Intercultural Communications and Journalism
Murmansk Arctic University
9, Kommuny Str., Murmansk, 183038, Russian Federation
rychkovata@yandex.ru
SPIN-code: 8157-7942
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0342-1308>
Researcher ID: ABA-4880-2021
Scopus AuthorID: 57 215 913 998
ResearchGate: https://www.researchgate.net/profile/Tatiana-Rychkova?ev=hdr_xprf

Поступила 09.12.2025
После рецензирования 25.01.2026
Принята 12.02.2026

Received 09.12.2025
Revised 25.01.2026
Accepted 12.02.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-562](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-562)EDN: [DPRVFL](https://edn.ru/DPRVFL)

УДК 81. 367



Языковые средства выражения побудительности в текстах немецкой поэзии

Н.Н. Чайко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В центре внимания современной лингвистики находится проблема речевого воздействия. Одной из ключевых категорий, обеспечивающих реализацию воздействия, является побудительность — способность языковых средств выражать волеизъявление и ориентировать адресата на определённое действие или внутреннюю реакцию. Особую практическую ценность в этом контексте приобретает изучение побудительных высказываний в текстах немецкой поэзии. Поэты широко применяют различные средства выражения побудительности, демонстрируя свою волю, обращенную к собеседнику (читателю), создают контакт внимания, который помогает реализовать основную цель речевого воздействия.

Цель. Настоящая статья посвящена разбору побудительного предложения и средствам его языкового оформления в текстах немецких романтиков. Автор ставит целью описать разноструктурное проявление категории побуждения и раскрыть его стилистический потенциал.

Материалы и методы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвистического анализа. В качестве материала исследования выбраны произведения поэтов-романтиков 19 в.

Результаты. Проведенный анализ показал, что категория побуждения представлена в текстах поэзии немецких романтиков следующими основными языковыми средствами: императивные предложения, модальные глаголы, конъюнктив, эллипсис. Побудительные высказывания реализуют широкий спектр прагматических функций: от прямого приказа, настойчивого призыва/наставления до самовыражения, риторического обращения и философского мироощущения. Стимуляторами речевого воздействия выступают также анафора, обращение и синтаксический параллелизм.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов лингвопоэтики, стилистической грамматики, в семинаре по изучению особенностей языка немецкой поэзии.

Ключевые слова: воздействие; побудительность; поэтический текст; императивные предложения; модальные глаголы; конъюнктив; эллипсис

Для цитирования. Чайко, Н. Н. (2026). Языковые средства выражения побудительности в текстах немецкой поэзии. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 182–197. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-562>

Language means of expressing motivation in German poetry texts

N.N. Chaiko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

Background. The focus of modern linguistics is the problem of speech influence. One of the key categories that ensures the implementation of influence is the ability of language to express a will and orient the addressee towards a certain action or internal reaction. In this context, the study of impulsive statements in German poetry is particularly valuable. Poets widely use various means of expressing impulsiveness, demonstrating their will towards the interlocutor (reader), and creating a connection of attention that helps achieve the main goal of speech influence.

Purpose. This article is devoted to the analysis of the imperative sentence and the means of its linguistic expression in the texts of German Romanticists. The author aims to describe the diverse manifestations of the category of impulsion and reveal its stylistic potential.

Materials and methods. The study is based on the method of continuous sampling in the selection of practical material, as well as the descriptive method of linguostylistical analysis. The study uses the works of 19th-century Romantic poets as its material.

Results. The analysis showed that the category of impetus is represented in the texts of German Romantic poetry by the following main linguistic means: imperative sentences, modal verbs, the conjunctive mood, and ellipsis. Imperative statements implement a wide range of pragmatic functions: from direct orders and insistent appeals/instructions to self-expression, rhetorical appeals, and philosophical worldviews. Anaphora, address, and syntactic parallelism also serve as stimulants of speech influence.

Application area. The research results can be used in teaching courses on linguopoetics, stylistic grammar, and in a seminar on the language features of German poetry.

Keywords: impact; urgency; poetic text; imperative sentences; modal verbs; conjunctive; ellipsis

For citation. Chaiko, N. N. (2026). Language means of expressing motivation in German poetry texts. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 182–197. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-562>

Введение

Категория побудительности занимает важное место в системе языковых средств, направленных на выражение волеизъявления говорящего и организацию речевого воздействия на адресата. Побудительность представляет собой сложное языковое явление и рассматривается как многоуровневая категория, проявляющаяся на грамматическом, лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях языка.

Изучением категории побуждения в языкознании занимались такие учёные, как Д.Н. Шмелев [24], А.М. Пешковский [20], Г.О. Винокур [8], О.С. Ахманова [4], В.А. Звегинцев [16], В.В. Виноградов [7], Ю.С. Маслов [19], Н.В. Витт [9], Н.Д. Арутюнова [2; 3] и др. В традиционном языкознании побудительность соотносилась прежде всего с грамматической формой императива (сугубо грамматической категорией). Интерес к побудительным высказываниям усилился в последние десятилетия в связи с развитием функционально-коммуникативного подхода, в рамках которого язык осмысливается как средство целенаправленного воздействия. А. М. Пешковский в своих трудах подчёркивает, что коммуникативный смысл высказывания не исчерпывается его грамматической формой и во многом определяется интонацией и контекстом [20]. Аналогичную позицию занимает В. В. Виноградов, рассматривая побудительность как функционально-стилистическую категорию, способную реализовываться в различных типах предложений [7]. Функционально-семантический подход, разработанный А. В. Бондарко, позволил рассматривать побудительность как поле, включающее разнообразные языковые средства, объединённые общей коммуникативной направленностью [5, с. 45; 6]. Существенное влияние на интерпретацию побудительных высказываний оказала

теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, в рамках которой побуждение относится к директивным актам речи, целью которых является побуждение адресата к совершению или не совершению определенного действия [25; 27]. Прагматический аспект данной категории в отечественной лингвистике получил развитие в работах Н. Д. Арутюновой и ряда ученых, которые подчеркивают, что побудительность может носить как эксплицитный, так и имплицитный характер, маскируясь под иные типы высказываний и реализуясь через контекст, интонацию и образную систему языка [2; 3; 18; 26; 28]. В исследованиях по прагматике отмечается посткоммуникативная сила побуждения, т.е. использование побудительных реплик в качестве стимулов, способствующих развитию коммуникации [21, с. 25]. Особый интерес вызывает изучение категории побуждения с помощью концептуального анализа, который исследует концептуальные признаки или характеристики побуждения [12]. Культурологический подход позволяет выявить национально-специфические средства выражения значения побуждения [17].

Таким образом, следует признать значимым и более перспективным изучение категории побудительности с точки зрения ее реализации в языке речи, а для анализа побудительных высказываний лингвопрагматический подход.

Цель исследования – рассмотреть основные языковые средства выражения побудительности в стихотворных произведениях поэтов-романтиков 19 в. и проанализировать особенности их функционирования.

Актуальность данной работы определяется возрастающим интересом лингвистов к проблеме речевого воздействия, а средства выражения побудительной модальности представляют широкое поле для исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится анализ разноструктурных языковых средств выражения категории побудительности с учетом их стилистической окрашенности в языке поэтов-романтиков.

Материалы и методы

Фактическим материалом для исследования послужили стихотворные произведения поэтов-романтиков 19 в. [13]. Достоверность результатов исследования обеспечивается объемом привлеченного для анализа фактического материала. Общий объем исследованных поэтических произведений составил около 1200 страниц. Методом сплошной выборки было отобрано около 138 примеров. При анализе материала были использованы метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты и обсуждение

Поэзия романтизма глубока по своему содержанию, ее отличают особая яркость и многогранность. Стремясь отразить личные переживания, возвышенные мечты, свое равнодушное отношение к общечеловеческим проблемам, выражение любви к родине, поэты - романтики обращаются к различным языковым средствам эстетического и эмоционального воздействия. Данная характеристика невозможна без наличия побудительных предложений. В языке поэзии и в художественном тексте в целом категория побуждения приобретает особую значимость. Побудительность в поэзии превращается в важный компонент авторской интенции и художественного смысла, что находит яркое отражение в работах исследователей последнего десятилетия [1; 11; 14; 15; 22; 23].

Исследователи отмечают, что побудительная семантика может быть выражена различными единицами языка, которые выражают необходимость выполнения или невыполнения действия. Побудительная функция языка может эксплицироваться при этом «посредством лексических средств, морфологических форм, интонации, порядка слов, синтаксических конструкций, а также через особую организацию синтаксиса и ритма» [7]. Способы оформления побудительного предложения в его многообразных оттенках различны.

Проведенный нами анализ фактического материала показал, что абсолютно частотным языковым средством выражения категории

побудительности в текстах поэзии выступает императив (повелительное наклонение). Интенсивное употребление императива подтверждает его доминирующую позицию среди средств выражения побудительности.

Формы реализации императива в немецкой поэзии отличаются разнообразием и функциональной гибкостью. При этом в анализируемых поэтических текстах основным, ведущим носителем побудительного значения выступает императив 2-го лица единственного числа (du-Form). Данная форма побуждения обладает высокой степенью адресности и экспрессивности, что делает ее особенно продуктивной в поэтическом тексте:

*Wer weiß, wo dir dein Glücke blüht,
So **geh** und **such** 'es nur,
Der Abend kommt, der Morgen flieht,
Betrete bald die Spur!*

(L.Tieck, Zuversicht)

Приведенный фрагмент демонстрирует частотное употребление императивных побуждений. Категория побудительности выражается эксплицитно и прагматически ориентировано. Использование императивных форм 2-лица ед.ч. (geh, such'es, betrete) формирует чёткую директивную установку, направленную на адресата. Побуждение усиливается контекстуально: мотив быстротечности времени (Der Abend kommt, der Morgen flieht) придаёт императивам дополнительную семантику срочности и необходимости. Побудительность в данном тексте ориентирована на активное действие и внутренний выбор адресата, что соответствует романтической установке на движение, поиск и жизненное самоосуществление.

Двучленное выражение категории побудительности в следующем отрывке реализуется в имплицитной форме. Несмотря на наличие грамматически оформленного императива в форме 2 л. ед.ч., побуждение не направлено на реального адресата и лишено прагматической установки на выполнение действия. Лирический субъект осознаёт невозможность воздействия на адресата (Ich weiß, du kannst mich nicht erhören), что приводит к нейтрализации дирек-

тивной силы императива. В данном случае императивная форма выполняет не регулятивную, а экспрессивно-философскую функцию, выражая внутреннее напряжение и экзистенциальный конфликт. Таким образом, побудительность здесь носит условно-волеятативный характер, трансформируясь в средство самовыражения и риторического обращения.

*Natur, ich will dich nicht beschwören;
Verändre deinen ew'gen Lauf!
Ich weiß, du kannst mich nicht erhören,
Nur **wecke** mich am letzten auf!*

(Fr.Hebbel, Natur)

Императивные побуждения в стихотворных произведениях широко представлены и формой 2-го лица множественного числа (ihr-Form). Рассмотрим пример:

*Hört, ihr Herrn, und laßt euch sagen,
Was die Glocke hat geschlagen:
Geht nach Haus und **wahrt** das Licht,
Daß dem Staat kein Schaden geschicht.
Lobt die Jesuiten!*

(A. von Chamisso, Nachtwächterlied)

В приведенном отрывке градус воздействующей функции усиливается за счет многократных форм побуждения 2-лица мн.ч., что формирует чётко структурированное волеизъявление, ориентированное на коллективного адресата. Категория побудительности реализуется эксплицитно и многоуровнево, реализуя широкий спектр прагматических функций – от прямого приказа и социального наставления до иронического комментария. Множественность императивных форм и их последовательное развертывание позволяют рассматривать данный текст как пример комплексной реализации категории побудительности, в которой грамматическая форма повелительного наклонения становится инструментом не только волеизъявления, но и жанрово-стилистической организации поэтического высказывания.

Реализация императивного побуждения в поэзии во многом зависит и от его синтаксического окружения. В побудительном вы-

сказывании коммуникативно-прагматическая направленность на собеседника создается такими средствами как обращение, повтор и синтаксический параллелизм:

*Doch was soll er im Gedränge
Ohne Schlachten-Morgenrot?
Gib die friedlichen Gesänge
Oder **gib** des Krieges Strenge-
Gib mir Lieder oder Tod!
Laß mir der Begeist' rung Tränen,
Laß mir meine Liebesnacht-
Oder **wirf** mein freudig Sehnen
In die Nacht!*

(T.Körner, Missmut)

В приведённом фрагменте категория побудительности выражена в ярко эксплицитной форме. Побудительная семантика реализуется посредством шестикратного употребления императивных конструкций 2-лица ед. ч., что формирует высокую степень силы воздействия и придаёт высказыванию характер настойчивого требования. Императивы в данном тексте выстраиваются в структуру ритмического и смыслового нарастания. Экспрессивная выразительность императивных форм посредством лексического повтора способствует их внесению в ключевые смысловые позиции всей строфы, где побуждение приобретает характер эмоционального импульса или философского призыва, и направлено не на внешнее действие, а на утверждение права на чувство и переживание.

Анафорический трехкратный повтор императивной формы 2 л. ед. ч. (*Arbeite*) в следующем фрагменте усиливает иллокутивный потенциал побуждения, создаёт эффект нарастающего давления на адресата. Такое серийное использование императива формирует высокую степень директивной силы и придает высказыванию характер настойчивого, почти насильственного побуждения. Повтор позволяет рассматривать императив как грамматическую и прагматическую доминанту, формирующую основное смысловое и эмоциональное напряжение стихотворного высказывания:

Arbeite bis die Adern klopfen!
Arbeite bis die Rippe kracht!
Arbeite bis die Schläfen tropfen-
Du bist zur Arbeit ja gemacht.

(G. Weerth, *Arbeite!*)

Стимулирующую функцию в текстах поэзии выполняют и слова-обращения, которые усиливают в следующем фрагменте контакт внимания и речевое воздействие на адресата:

Soll ich in der Prosa sterben?
Poesie, du Flammenquell,
Brich nur los mit leuchtendem Verderben,
Aber schnell!

(Т. Körner, *Missmut*)

Включение в побудительные конструкции синтаксического повтора проявляется высокой степенью воздействия на адресата. В условиях параллельности (симметричного расположения) довольно часто оказываются языковые структуры, выражающие категорию волеизъявления в форме повелительного наклонения.

Например:

Und mach ihm jede Stunde froh,
Und mach ihm keine Stunde trüb!

(F. Freiligrath, *O lieb!*)

Данный фрагмент представляет собой двустушие, включающий две полностью симметричные стихотворные строки. Их структурная тождественность усиливается почти дословным лексическим повтором, за исключением отрицания во второй строке. Параллельная синтаксическая структура данных строк способствует ритмическому закреплению побудительной установки и подчёркивает бинарную оппозицию «радость – печаль», в рамках которой адресату предлагается сделать осознанный нравственный выбор. Грамматическая форма повелительного наклонения служит не инструментом давления, а средством этического наставления.

Императивное значение в поэтическом тексте может выражаться опосредованно – через конструкции с модальными глаголами (*müssen, sollen*). Рассмотрим примеры:

Du fühlst, wir können nicht verzichten;
Warum zu geben scheust du noch?
Du **mußt** die ganze Schuld entrichten,
Du **mußt**, gewiß, du **mußt** es doch.

(T.Storm, Du willst es nicht in Worten sagen)

Die Schleppe will ich dir tragen,
Ich will deinem Wink mich weihn,
An Festen und hohen Tagen
Sollst du meine Königin sein!

(T. Storm, Damendienst)

Модальная императивность в приведенных отрывках реализуется в опосредованной, модально обусловленной форме, где прямой императив отсутствует, однако побудительная семантика выражена посредством модальных конструкций. Данный тип побуждения отличается высокой степенью настойчивости и воспринимается как внутренне мотивированное требование, обращённое к адресату. Семантика модального побуждения усиливает общее волюнтаритивное звучание текста.

К косвенным способам выражения категории побудительности относятся и повествовательные предложения с глаголом в презенсе конъюнктиве. Конъюнктив употребляется, прежде всего, в побудительных предложениях со значением пожелания, для выражения смягченного приказания. Рассмотрим пример:

Ich küßts auf sein rotes Mündlein:
*Gott **segne** dich immerdar!*
*Gott **wolle** dich bewahren!*

(J.von Eichendorff, Der letzte Gruss)

В приведённом фрагменте категория побудительности выражается опосредованно – через форму конъюнктива. Высказывание не предполагает обязательного выполнения действия адресатом, а ориентировано на выражение эмоционального состояния говорящего – нежности, заботы, прощания. Конъюнктив в данном контексте служит средством смягчения императивности и придает высказыванию интимный и лирический характер. Побуждение здесь реа-

лизуется как экспрессивно-оценочная модальность, отражающая внутреннюю установку лирического субъекта, а не его намерение изменить поведение адресата.

Особым средством выражения категории побудительности выступает эллипсис. Побудительная семантика реализуется без формального императива, однако иллокутивное намерение автора остаётся легко распознаваемым. Эллипсис выполняет функцию усиления воздействия за счёт синтаксической редукции, интонационной напряженности, концентрации смысла в одном ключевом компоненте:

O weiter, stiller Friede!

So tief im Abendbrot. (J.von Eichendorff, Im Abendbrot)

Und auf! und nach der Liebsten Haus! (E.Mörike, Der Jäger)

Ja, vorwärts, bis der Morgen blinkt,

Ja, vorwärts, frisch und froh!

(G.Herwegh, Der letzte Krieg)

Приведенные фрагменты подтверждают, что эллиптические конструкции выступают в роли экспликаторов категории побудительности и выражают волеизъявление в сжатой, эмоционально насыщенной форме. Такие конструкции создают эффект мгновенного приказа или настойчивого призыва, лишённого смягчающих модальных компонентов.

Заключение

В ходе исследования было установлено, что ведущим средством выражения побудительной семантики в анализируемых текстах является императив. Особую продуктивность демонстрируют формы второго лица единственного числа, отличающиеся высокой степенью адресности, экспрессивности и прагматической направленности. Широкое использование императивных конструкций свидетельствует о доминирующей роли повелительного наклонения в системе языковых средств выражения побуждения в поэзии романтизма.

Вместе с тем анализ материала показал, что побудительность в поэтическом тексте реализуется не только посредством прямых импера-

тивных форм, но и через ряд косвенных языковых средств. К ним относятся модальные конструкции с глаголами *müssen* и *sollen*, формы конъюнктива, выражающие пожелание или благословение, а также эллиптические структуры, позволяющие передать волеизъявление в сжатой и эмоционально насыщенной форме. Использование данных средств свидетельствует о многообразии способов репрезентации побудительной семантики и подтверждает положение о функционально-семантической природе категории побудительности. Особую роль в усилении побудительного значения играют синтаксические средства организации текста, такие как лексический повтор, анафора, параллелизм и обращения. Их включение в структуру поэтического высказывания способствует усилению иллокутивной силы побуждения, повышает эмоциональную выразительность текста и формирует особую ритмико-интонационную организацию стихотворной речи.

Таким образом, анализ фактического материала показал, что категория побудительности занимает значимое место в структуре поэтического дискурса романтизма и выступает важным инструментом реализации авторской интенции, направленной на эмоциональное и эстетическое воздействие на адресата.

Список литературы

1. Алиева, Э., & Темирова, О. (2024). Повеления и побудительные высказывания со значением желания в поэтических текстах В. Ф. Ходасевича. *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук*, 4(5/9), с. 360–365. <https://doi.org/10.47390/SPR1342V4SI9Y2024N52>. EDN: <https://elibrary.ru/NEADEQ>
2. Арутюнова, Н. Д. (1990). Перформатив. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 685 с.
3. Арутюнова, Н. Д., & Падучева, Е. В. (1985). Истоки, проблемы и категории прагматики. В: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика* (с. 3–43). Москва: Прогресс.
4. Ахманова, О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия, 608 с. EDN: <https://elibrary.ru/IMNYVY>
5. Бондарко, А. В. (2001). *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии: монография*. Москва: Эдиториал УРСС, 207 с.
6. Бондарко, А. В. (1990). *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука, 264 с.

7. Виноградов, В. В. (1975). *Исследование по русской грамматике*. Москва: Наука, 559 с.
8. Винокур, Г. О. (1959). *Избранные работы по русскому языку*. Москва: Учпедгиз, 492 с.
9. Витт, Н. В. (1988). *Эмоциональная регуляция речи: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора психологических наук*. Москва, 49 с.
10. Вольф, Е. М. (1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука, 228 с.
11. Глухова, О. П. (2021). Императивные высказывания в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». *Современные исследования социальных проблем*, 13(4-2), с. 179–184. EDN: <https://elibrary.ru/GNLLGJ>
12. Гочева, И. В. (2021). Концептуальный анализ побуждения (на материале русского и английского языков). *Неофилология*, 7(26), с. 264–269. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269>. EDN: <https://elibrary.ru/DCRRWL>
13. Дмитриев, А. С. (1984). *Немецкая поэзия XIX века*. Москва: Радуга, 704 с.
14. Дреева, Дж. М., & Абдукадырова, Т. Т. (2023). *Императив в поэтическом тексте как отражение особенностей индивидуально-авторской картины мира в аспекте художественного перевода: монография*. Владикавказ: ООО НПКП «МАВР», 160 с. ISBN: 978-5-605-09463-0. EDN: <https://elibrary.ru/GTPLVA>
15. Дреева, Дж. М., & Гиголаева, И. Р. (2016). Побуждение в немецком поэтическом тексте. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, (3) (23), с. 99–101. EDN: <https://elibrary.ru/XBEUPV>
16. Звегинцев, В. А. (1962). *Очерки по общему языкознанию*. Москва: Издательство Московского университета, 327 с.
17. Кауфова, И. Б., & Кауфова, Л. А. (2021). Культурно маркированные национально-специфические средства выражения значения побуждения в британском политическом дискурсе. *Современные исследования социальных проблем*, 13(3), с. 169–179. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-3-169-179>. EDN: <https://elibrary.ru/YAZYRW>
18. Кубарева, Е. Е. (1977). Эксплицитные и имплицитные побудительные конструкции в английском языке (в сопоставлении с русским). В: *Сопоставительный лингвистический анализ: научные труды* (Т. 202, 82 с.). Куйбышев.
19. Маслов, Ю. С. (1987). *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа, 272 с.
20. Пешковский, А. М. (1956). *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Учпедгиз, 511 с.
21. Почепцов, О. Г. (1986). *Основы прагматического описания предложения*. Киев: Вища школа, 115 с.
22. Семенова, Т. В. (2019). *Особенности языковой репрезентации индивидуально-авторской картины мира в поэтическом дискурсе (на материале свободного стиха У. Х. Одена): автореферат диссертации на соискание учёной степени*

- пени кандидата филологических наук. Нальчик, 25 с. EDN: <https://elibrary.ru/ADUEQZ>
23. Толпарова, Дз. В. (2025). *Синтаксис поэтического текста как отражение особенностей концептуальной модели мира элитарной личности (на материале поэтического идиолекта И. Бахман): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Нальчик, 27 с.
 24. Шмелёв, Д. Н. (1955). *Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Москва, 18 с.
 25. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Cambridge: Harvard University Press, 174 p.
 26. Engel, U. (1996). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Gross, 888 S.
 27. Searle, J. R. (2010). *Sprechakte: ein sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 305 S.
 28. Sitta, H. (1995). *Der Satz. B: Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* (864 S.). Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus.

References

1. Alieva, E., & Temirova, O. (2024). Commands and imperative utterances with the meaning of desire in the poetic texts of V. F. Khodasevich. *Current Issues in Social and Humanitarian Sciences*, 4(S/9), pp. 360–365. <https://doi.org/10.47390/SPR1342V4SI9Y2024N52>. EDN: <https://elibrary.ru/NEADEQ>
2. Arutyunova, N. D. (1990). Performative. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 685 pp.
3. Arutyunova, N. D., & Paducheva, E. V. (1985). Origins, problems, and categories of pragmatics. In: *New in Foreign Linguistics. Issue 16: Linguistic Pragmatics* (pp. 3–43). Moscow: Progress.
4. Akhmanova, O. S. (1966). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 608 pp. EDN: <https://elibrary.ru/IMNYVY>
5. Bondarko, A. V. (2001). *Principles of Functional Grammar and Aspectology Issues: A Monograph*. Moscow: Editorial URSS, 207 pp.
6. Bondarko, A. V. (1990). *Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality*. Leningrad: Nauka, 264 pp.
7. Vinogradov, V. V. (1975). *Studies in Russian Grammar*. Moscow: Nauka, 559 pp.
8. Vinokur, G. O. (1959). *Selected Works on the Russian Language*. Moscow: Uchpedgiz, 492 pp.
9. Vitt, N. V. (1988). *Emotional Regulation of Speech: Abstract of Doctoral Dissertation in Psychological Sciences*. Moscow, 49 pp.
10. Volf, E. M. (1985). *Functional Semantics of Evaluation*. Moscow: Nauka, 228 pp.

11. Glukhova, O. P. (2021). Imperative utterances in N. V. Gogol's comedy "The Inspector General". *Modern Studies of Social Problems*, 13(4 2), pp. 179–184. EDN: <https://elibrary.ru/GNLLGJ>
12. Gocheva, I. V. (2021). Conceptual analysis of inducement (based on Russian and English languages). *Neofilologiya*, 7(26), pp. 264–269. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-264-269>. EDN: <https://elibrary.ru/DCRRWL>
13. Dmitriev, A. S. (1984). *German Poetry of the 19th Century*. Moscow: Raduga, 704 pp.
14. Dreeva, Dzh. M., & Abdukadyrova, T. T. (2023). *The Imperative in Poetic Text as a Reflection of the Features of an Individual Author's Worldview in the Aspect of Literary Translation: A Monograph*. Vladikavkaz: OOO NPKP "MAVR", 160 pp. ISBN: 978-5-605-09463-0. EDN: <https://elibrary.ru/GTPLVA>
15. Dreeva, Dzh. M., & Gigolaeva, I. R. (2016). Inducement in German poetic text. *Current Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, (3) (23), pp. 99–101. EDN: <https://elibrary.ru/XBEUPV>
16. Zvegintsev, V. A. (1962). *Essays on General Linguistics*. Moscow: Moscow University Press, 327 pp.
17. Kaufova, I. B., & Kaufova, L. A. (2021). Culturally marked nationally specific means of expressing inducement in British political discourse. *Modern Studies of Social Problems*, 13(3), pp. 169–179. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-3-169-179>. EDN: <https://elibrary.ru/YAZYRW>
18. Kubareva, E. E. (1977). Explicit and implicit inducement constructions in English (compared with Russian). In: *Comparative Linguistic Analysis: Scientific Works* (Vol. 202, 82 pp.). Kuibyshev.
19. Maslov, Yu. S. (1987). *Introduction to Linguistics*. Moscow: Vysshaya Shkola, 272 pp.
20. Peshkovsky, A. M. (1956). *Russian Syntax in Scientific Perspective*. Moscow: Uchpedgiz, 511 pp.
21. Pocheptsov, O. G. (1986). *Fundamentals of Pragmatic Sentence Description*. Kiev: Vishcha Shkola, 115 pp.
22. Semenova, T. V. (2019). *Features of Linguistic Representation of an Individual Author's Worldview in Poetic Discourse (Based on Free Verse by W. H. Auden): Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Nalchik, 25 pp. EDN: <https://elibrary.ru/ADUEQZ>
23. Tolparova, Dz. V. (2025). *Syntax of Poetic Text as a Reflection of Features of the Conceptual Model of the World of an Elite Personality (Based on the Poetic Idiolect of I. Bachmann): Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Nalchik, 27 pp.
24. Shmelyov, D. N. (1955). *Meaning and Usage of the Imperative Mood Form in Modern Russian: Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Moscow, 18 pp.

25. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 174 pp.
26. Engel, U. (1996). *Deutsche Grammatik*. Heidelberg: Gross, 888 pp.
27. Searle, J. R. (2010). *Sprechakte: Ein Sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 305 pp.
28. Sitta, H. (1995). Der Satz. In: *Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* (864 pp.). Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Российская Федерация
n.tchaiko@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalja N. Chaiko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German Philology
Kuban State University
149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
n.tchaiko@yandex.ru

Поступила 25.02.2026

После рецензирования 10.03.2026

Принята 21.03.2026

Received 25.02.2026

Revised 10.03.2026

Accepted 21.03.2026

Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-530](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-530)EDN: [RATDEP](https://edn.ru/RATDEP)

УДК 81'42:327.8(73)



Образ Арктики в институциональном политическом дискурсе США: корпусное исследование

У.В. Мазуркевич, Е.С. Мучкина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Арктический регион в последние десятилетия сосредотачивает на себе пристальное внимание мирового сообщества. В статье исследуется корпус текстов институционального политического дискурса США на арктическую тематику. Предметом исследования выступают лексико-семантические средства, формирующие образные характеристики Арктического региона в сфере политической коммуникации руководства США.

Цель – выявление основных образных характеристик Арктического региона, представленных в институциональном политическом дискурсе США в 2022–2025 годах.

Материалы и методы. Главный метод исследования – корпусный анализ с использованием корпусного менеджера Sketch Engine. В исследовании также используется дискурсивный анализ, включающий в себя элементы лексико-семантического анализа и контент-анализа.

Результаты. С помощью частотного анализа лексики и ключевых слов в корпус-менеджере Sketch Engine выявлены значимые образные характеристики Арктического региона, транслируемые институциональным политическим дискурсом США. Так, в американском политическом дискурсе 2022–2025 годов преобладают лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Законодательство и органы власти», «Экология» и «Сотрудничество». Арктика представлена объектом и местом, которому угрожают внешние (недружественные государства) и внутренние (глобальное потепление) факторы, но которое, тем не менее, находится под защитой ответственного руководства Соединенных Штатов.

Ключевые слова: политический дискурс; образ; Арктика; образные характеристики Арктики; корпусный анализ

Для цитирования. Мазуркевич, У. В., & Мучкина, Е. С. (2026). Образ Арктики в институциональном политическом дискурсе США: корпусное исследование.

Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования, 18(1), 198–216. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-530>

The image of the Arctic in the institutional political discourse of the United States: a corpus study

U.V. Mazurkevich, E.S. Muchkina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

Background. In recent decades, the Arctic region has become a focal point of intense attention for the global community. The article examines the corpus of the US institutional political discourse texts addressing Arctic issues. The article explores the verbal means used to construct the image of the Arctic within the sphere of the US authorities' political communication.

The **purpose** of the research is to identify the main verbal characteristics of the Arctic region as presented in the institutional political discourse of the United States from 2022 to 2025.

Materials and methods. The primary research method is corpus analysis using the Sketch Engine corpus manager. The study also employs discourse analysis, which incorporates other methods such as lexico-semantic analysis and content analysis.

Results. Through frequency analysis of keywords in the Sketch Engine corpus manager, significant characteristics of the Arctic's image conveyed in US institutional political discourse have been identified. This discourse is dominated by the thematic fields of "Threat to Military Security", "Legislation and Authorities", "Ecology", and "Cooperation". The Arctic is presented as an object and a place threatened by both external and internal factors, yet one that remains under the protection of responsible US leadership.

Keywords: political discourse; image; Arctic; text representations; corpus analysis

For citation. Mazurkevich, U. V., & Muchkina, E. S. (2026). The image of the Arctic in the institutional political discourse of the United States: a corpus study. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 198–216. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-530>

Введение

Арктический регион как зона, разделенная между рядом циркумполярных государств, в последние десятилетия сосредотачивает на себе пристальное международное внимание. Растущее геополитическое значение Арктики находит отражение в институциональном

политическом дискурсе, который рассматривается как общение представителей общества, реализующих свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов [11, с. 190]. Данный тип дискурса является системообразующим каналом для формирования государственной повестки, транслирующей значимые для общественного развития идеи и смыслы. Так, государственная повестка сегодня представляет Арктику в качестве значимого объекта, «новой национальной идеи» [10, с. 3]. Передаваемый институциональным политическим дискурсом образ Арктики отражает реальные практики и стратегии поведения отдельного государства в этом регионе. Вместе с тем передаваемая политиками и чиновниками реальность не объективна: в процессе познания и мышления предметный мир преломляется, а образ мира моделируется и конструируется в зависимости от дискурсивных смыслов [6, с. 98], доминантных для определенного общества культурных ценностей, которые оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности и служат руководством к принятию решений и действию [8, с. 209]. Выявление особенностей лексико-семантической репрезентации образа Арктики руководством Соединенных Штатов Америки как одной из ключевых арктических держав составляет основу настоящего исследования.

Целью исследования является выявление основных образных характеристик Арктического региона, представленных в институциональном политическом дискурсе США в 2022–2025 гг. Предметом исследования являются лексико-семантические средства репрезентации образа Арктики в институциональном политическом дискурсе США.

Важным аспектом исследования является понятие «образ», которое обладает мультидисциплинарным характером. Образ активно изучается и в лингвистике, получая различные трактовки (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Г.М. Гаспаров, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд, Д.Н. Шмелев и др.). В рамках настоящего исследования вслед за Н.Д. Арутюновой мы понимаем образ как «модель действитель-

ного объекта, взятого в целостности», которая, тем не менее, не может совпадать с самим ним в точности [2, с. 322]. Иными словами, отсутствие содержательного соответствия образа предмета самому предмету приводит к тому, что образ выступает в качестве продукта реконструкции реальности и может быть рассмотрен как двухуровневый знак [16, с. 52]. Образ является сложным, комплексным конструктом, выполняющим когнитивную функцию [1, с. 15]. Выступая инструментом познания предметного мира и оставляя в памяти след от взаимодействия с ним, образ становится важным культурным элементом дискурсивной деятельности [1, с. 17].

Лингвистика рассматривает образ в аспекте процесса его формирования, его семантику, а также суггестивный потенциал [15, с. 188]. Учитывая воздействующую природу образа, особый интерес представляет исследование репрезентации данного феномена в политической сфере. Политика как сфера борьбы за власть [21, с. 5], неспособная существовать без коммуникации [17, с. 28], часто выступает объектом лингвистических исследований (Э.В. Будаев, Р. Водак, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, О.Л. Михалева, Н. Фэрклаф, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) В узком смысле под политическим дискурсом понимается «структурированная совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализирующихся в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализующихся в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом» [9, с. 25]. Немаловажно, что ключевым понятием политического дискурса выступает идеология, понимаемая как систематически организованная репрезентация реальности, создаваемая при помощи языковых средств [18, с. 15]. Так, образ, возникающий в институциональной коммуникации, является следствием укоренённых в данном дискурсе устойчивых систем оценки и идеологически маркированных способов категоризации мира. Он формируется произвольно, через воспроизводство типичных для данного вида дискурса лексико-семантических шаблонов, которые в совокупности создают целостный образ Арктики. Следовательно, в современной

политике образы отражают языковую картину мира как различных политических сил, так и социума в целом [3, с. 1180].

Для системного анализа дискурсивных практик в выбранном дискурсе эффективным представляется корпусный подход. Под корпусной лингвистикой понимается область компьютерной лингвистики, использующей корпус как собрание текстов ограниченного объема, представленное преимущественно в машиночитаемом формате [19, с. 17]. Стимулируя развитие функционального подхода в лингвистике [5, с. 12], корпусные методы исследования позволяют прийти к наиболее точным и обоснованным выводам и выявить закономерности развития конкретного языкового феномена в том или ином типе дискурса за счет анализа значительного объема материала [4, с. 112]. Полученные результаты при этом выступают как эмпирически релевантные [7, с. 32], так как обоснованы статистической обработкой данных. Статистика при этом выступает важным инструментом верификации полученных результатов, а также их воспроизводимости [13, с. 93]. Корпусные исследования политической коммуникации позволяют выявить повторяющиеся в этой сфере идеи и смыслы, формирующие основу идеологических установок, транслируемых тем или иным политическим руководством.

Материалы и методы

Ключевым для данного исследования является корпусный анализ с использованием корпус-менеджера Sketch Engine. Образные характеристики Арктики были выявлены с помощью функций «Key Words» и «Word Sketch» в данном корпус-менеджере (Рис. 1, 2). Для дискурсивного анализа предложенных корпус-менеджером ключевых слов в конкретном контексте далее была использована функция «Key Words in Context». Дискурсивный анализ проводится с применением лексико-семантического и контент-анализа.

Материалами исследования служат тексты встреч, интервью, комментариев, пресс-конференций, пресс-релизов, совещаний должностных лиц США, а также тексты заседаний, постановлений, распоряжений, посвященные тематике Арктического региона

и опубликованные в Интернет-пространстве в период с февраля 2022 по февраль 2025 г.

Term	Term	Term
1 Arctic region ...	14 performance report ...	27 Arctic environment ...
2 Coast Guard ...	15 Native tribe ...	28 Arctic Executive steering ...
3 Arctic strategy ...	16 NATO ally ...	29 GAO-24-106491 Coast Guard ...
4 Special area ...	17 Arctic challenge ...	30 Arctic capability ...
5 Arctic Council ...	18 subsistence resource ...	31 Biden-Harris administration ...
6 domain awareness ...	19 National Strategy ...	32 office of the Spokesperson ...
7 Joint Force ...	20 Arctic implementation plan ...	33 homeland defense ...

Рис. 1. Состав ключевых слов Корпуса в корпус-менеджере Sketch Engine, функция «Key Words»

Fig. 1. List of keywords in the corpus within the Sketch Engine corpus manager, “Key Words” feature

Тексты взяты с официальных сайтов таких ведомств, как Государственный департамент, Министерство внутренних дел, Министерство обороны и др. Материалы отобраны методом сплошной выборки и сформированы в электронный корпус текстов. Корпус включает в себя 60 англоязычных текстов и насчитывает 100 тыс. токенов.

Результаты и обсуждение

Анализ практического материала позволяет выделить в корпусе 4 основных лексико-семантических поля, формирующих ядро образного представления Арктического региона в политическом дискурсе США. Отметим, что лексико-семантические поля выстроены в порядке убывания, исходя из количества вхождений ключевых слов в то или иное поле. Количество вхождений в лексико-семантическое поле выявлено путем сложения количества всех ключевых слов, относящихся к полю.

Сфокусируемся на ключевых словах и определяемых ими лексико-семантических полях, формирующих ядро образа Арктики в политическом дискурсе США.

1. Арктика как территория угрозы для военной безопасности. Анализ материала демонстрирует, что в ядро образа Арктического региона в политическом дискурсе США входят признаки,

которые позволяют представить регион в качестве **территории повышенной угрозы для военной безопасности страны** (*Threat to Military Security*, 341 вхождение в корпус). Выделенные ключевые слова подразделяются на три лексико-семантические группы: «Военные институты и структуры» (236 вхождений), «Абстрактные концепты безопасности» (74 вхождения), «Военная инфраструктура и методы» (31 вхождение). Рассмотрение ключевых слов в контексте позволяет сделать вывод, что американское политическое руководство уверено в снижении безопасности в регионе вследствие нарастания стратегического соперничества (*Strategic competition*, 9 вхождений). Так, обороной страны (*Homeland defense*, 16 вхождений, пример 1) и обеспечением суверенитета и безопасности государства в Арктическом регионе (*Arctic security*, 27 вхождений) занимается преимущественно Береговая охрана (*Coast Guard*, 173 вхождения), официальные представители (*Coast Guard officials*, 29 вхождений) которой ежемесячно предоставляют данные о проводимых операциях (*Arctic operations*, 9 вхождений). Примером подобной операции могут служить учения «Арктический вызов» (*Arctic challenge*, 10 вхождений), в ходе которых в открытом море задействованы полярные ледоколы разных классов (*Polar icebreaker*, 13 вхождений; *Major cutter*, 9 вхождений). Кроме того, учения проводятся и объединенными вооруженными силами (*Joint Force*, 34 вхождения, пример 2) союзников в рамках системы двусторонних стратегических обязательств (*Strategic commitment*, 12 вхождений):

(1) *DOD will exercise calibrated presence in the Arctic by regularly training in the region and conducting routine operations critical to upholding deterrence and **homeland defense**.*

(2) *As such, the **Joint Force** will continue to exercise frequently in the Arctic through Service specific training, joint exercises...*

Так, лексико-семантическое поле «Угроза безопасности» актуализируется в институциональном политическом дискурсе США вследствие существенных изменений в международной геополитической конъюнктуре, связанных с событиями февраля 2022 г., и репрезентируется лексикой с негативной (*Strategic competition*,

Homeland defense, Arctic operations, Arctic challenge) либо нейтральной коннотацией (*Arctic security, Coast guard*). Термины с милитаристской семантикой (*Arctic security, Homeland defense, Arctic operations, Joint Force, Strategic competition*) в дискурсе об Арктике выполняют эмотивную функцию, способствуя возникновению ощущения тревоги и перманентной угрозы в дискурсе, а также на имплицитном уровне осуществляют функцию аргументации, предоставляя обоснование для усиления военного присутствия в регионе. С прагматической точки зрения обнаруживается, что риторика об ответе на угрозу в Арктическом регионе имеет под собой преппозицию «реальная угроза существует».

Анализ связей показывает, что Арктика часто представлена либо объектом защиты, либо пространством, на котором происходят действия по защите. Агентом защиты выступают отдельные структуры государства (*Joint Force, Coast Guard*), что подтверждается превалированием в таких предложениях активного залога. Подобная структура предложения позволяет отметить важную роль США в регионе в качестве деятельного и активного игрока. Источник угрозы при этом либо выражен имплицитно, либо зачастую представлен абстрактными номинализациями (*Strategic competition*), нацеленными на сокрытие реального деятеля.

2. Арктика, как территория, управляемая государством и регулируемая законодательством. В политическом дискурсе США Арктический регион предстает в образе **территории, находящейся под государственным управлением и регулируемой законодательством** (*Legislation and Authorities*, 319 вхождений). Лексико-семантическое поле «Законодательство и органы власти» включает в себя группы «Органы власти» (166 вхождений), «Документы и нормативные акты» (153 вхождения). Ключевыми документами, регулирующими деятельность в регионе, являются Арктическая стратегия (*Arctic Strategy*, 54 вхождения, пример 3), или Национальная стратегия (*National Strategy*, 28 вхождений). Деятельность осуществляется в соответствии с Планом действий (*Implementation Plan*, 42 вхождения), формой отчетности является отчет об испол-

нении бюджета (*Performance Report*, 29 вхождений). Главными действующими лицами в регионе являются действующий президент Д. Трамп (*President Trump*, 135 вхождений) и администрация бывшего президента Д. Байдена (*Biden-Harris Administration*, 16 вхождений, пример 4). Особая роль отводится Исполнительному руководящему комитету по делам Арктики (*Arctic Executive Steering Committee*, 15 вхождений):

(3) *Our Arctic strategy will guide the department's efforts to ensure that the Arctic remains a secure and stable region...*

(4) *Today's announcement builds on the Biden-Harris administration's actions to conserve millions of acres of lands and waters in Alaska...*

Лексико-семантическое поле «Законодательство и органы власти» репрезентировано лексемами с нейтральной коннотацией (*Arctic Strategy*, *National Strategy*, *Implementation Plan*, *Arctic Executive Steering Committee*, *Performance Report*), что свидетельствует о лишенной оценки и эмоций политике, имплементации стратегий и планов. Семантически политика США в регионе имеет двойственную природу: с одной стороны, это – бюрократический механизм, независимый от личных амбиций и внутрипартийных разногласий (*Implementation Plan*, *Performance Report*, *Executive Committee*), а с другой – ряд действий, совершаемый конкретными администрациями (*President Trump*, *Biden-Harris Administration*). Прагматически ссылка на нормативные акты и государственную документацию служит для обоснования государственного контроля над территорией. Освоения Арктики представлено как спланированный, регулируемый процесс. Так, образ Арктики как управляемой территории служит инструментом легитимации американского присутствия и суверенитета в регионе. Путем апелляции к формальным механизмам американское руководство представляет свою деятельность в Арктике в качестве нормальной и рутинной государственной практики.

3. Арктика как пространство обострения экологического вопроса. Политический дискурс США периода 2022–2025 гг. рассматривает Арктику через призму пространства обострения эко-

логического вопроса (*Ecology*, 149 вхождений), моделируемого лексико-семантическими группами «Ресурсы и природные компоненты» (74 вхождения), «Территория» (63 вхождения), «Меры» (12 вхождений). Так, государство формирует повестку усиленной защиты (*Maximum protection*, 12 вхождений) и сохранности арктических экосистем (*Arctic ecosystems*, 9 вхождений), окружающей среды региона (*Arctic environment*, 17 вхождений), а также осуществляет контроль за состоянием морских льдов (*Sea ice*, 17 вхождений). Официальные структуры формируют специальные природоохранные зоны (*Special Areas*, 49 вхождений), среди которых – Национальный арктический заповедник (*Arctic National Wildlife Refuge*, 14 вхождений). Таким образом, исполнительные структуры государства озабочены сохранностью территорий традиционной хозяйственной деятельности и их ресурсной базы (*Subsistence resource*, 19 вхождений), сохранением невозобновляемых источников энергии и первозданной природы (*Resource value*, 12 вхождений, пример 5):

(5) *Congress directed the BLM to balance oil and gas development with the management and protection of significant **resource values** in locations known as Special Areas and mitigate impacts of oil and gas activities...*

В аспекте семантики в лексико-семантическом поле «Экология» преобладают лексемы с позитивной (*Maximum Protection*) и нейтральной коннотацией (*Arctic ecosystems*, *Arctic environment*, *Arctic National Wildlife Refuge*, *Resource value*). Вместе с тем вопрос усиленной защиты (*Maximum Protection*) окружающей среды фиксирует в сознании реципиента установку «Арктике требуется защита», которая на имплицитном уровне имеет под собой пресуппозицию «Арктике что-то угрожает», повышающую эмоциональный фон. Прагматическая цель данной тематики – аргументация присутствия США в регионе и его законного расширения, обоснование необходимости охранять Арктику. Руководство США вновь представлено ответственным источником защиты, в то время как Арктика – ее объектом. На эксплицитном уровне закрепляются либеральные ценности, важным элементом которых является ответственное отношение к природе.

4. Арктика как площадка для международного сотрудничества. Образные характеристики Арктики в американском политическом дискурсе отличаются представлением региона в качестве **площадки для международного сотрудничества** (*Cooperation*, 133 вхождения), определяемой лексико-семантическими группами «Союзники» (68 вхождений), «Международные организации и взаимодействие» (56 вхождений), «Проблемы» (9 вхождений). Так, особая роль отводится Арктическому совету (*Arctic Council*, 38 вхождения) как ключевой платформе взаимодействия с международными партнерами (*International partners*, 12 вхождений; *Arctic allies*, 24 вхождения) в регионе в целях борьбы с общими вызовами (*Shared challenges*, 9 вхождений). В свете вступления Швеции в НАТО (*Sweden's accession*, 7 вхождений), сотрудничество в Арктике (*Arctic cooperation*, 10 вхождений) происходит в режиме взаимодействия с партнерами по Северному альянсу (*NATO Allies*, 25 вхождений, пример 6), в том числе и в европейской части региона (*European Arctic*, 8 вхождений):

(6) *Seven of eight Arctic nations (Canada, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden, and the United States) are now NATO Allies, thereby strengthening the Western security architecture in the region.*

Лексико-семантическое поле «Сотрудничество» представлено лексикой как с позитивными (*International partners*, *Arctic cooperation*), так и с негативными (*Shared challenges*) коннотациями. Количественное преобладание существительного с военной семантикой «*allies*» (союзники) над нейтральным существительным «*partners*» (партнеры) представляет Арктику в качестве локации для создания военно-стратегических альянсов. Тематика сотрудничества построена на оппозициях, в которых эксплицитно выраженные «свои» (*NATO allies*, *Arctic allies*, *European Arctic*) противопоставлены имплицитно обозначенным «чужим». Так, в примере 6 указание на семь арктических держав (*seven of eight Arctic nations*) с их дальнейшим перечислением обращает внимание на отсутствие России как восьмой державы, что помещает ее в сферу «чужих», отмечая скрытую конфронтацию. Обращается внимание и на оппо-

зицию «Запад – Восток» (*Western security*). Арктика, таким образом, представлена как территория военного присутствия сплоченного Запада, а сотрудничество в Арктике с прагматической точки зрения подразумевает под собой военно-стратегические объединения западных государств. Так, на эксплицитном уровне выражены либеральные устои и ценности, а на имплицитном – фактическом – уровне фиксируются установки реализма, основанного на жесткой силе и принципе «все против всех».

Помимо ядерной зоны в структуре исследуемого образа можно выделить периферийную зону. Анализ частотных характеристик материала помогает понять, что регион представлен также в качестве **зоны стратегических национальных интересов государства** (*National priorities*, 149 вхождений), **родной земли коренных народов** (*Native communities*, 101 вхождение), **региона преобладания добывающей промышленности, в частности, нефти и газа** (*Mining and Oil Industry*, 97 вхождений). Частотное распределение свидетельствует о доминировании государство-центричного подхода, в котором гуманитарная и экономическая составляющие служат дополнительными элементами структуры образа региона. Представленные лексико-семантические поля углубляют оппозицию «Либерализм – Реализм» в американском институциональном политическом дискурсе, где с одной стороны расположены интересы человека, его права и свободы, а с другой – интересы государства, сохранение и укрепление его геополитической и экономической мощи.

Функция «Word Sketch» позволяет сделать вывод о грамматических структурах, преобладающих в текстах Корпуса (Рис. 2). Так, Арктика представлена Объектом, на который направлено действие и который следует сохранять, улучшать, обеспечивать его стабильность (*preserve, improve, ensure*, пример 7):

(7) ...*ensuring a Stable Arctic Through Vigilance, Power Projection, Cooperation, and Preparation.*

В то же время Арктика как Агент действия становится более доступной (*become*), вследствие чего играет значительную роль для формирования политики циркумполярных государств (*play*). Вме-

сте с тем Арктика представлена пассивным Агентом, поскольку является объектом влияния, переживая трансформации и изменения (*undergo*, пример 8):

verbs with "Arctic" as object	verbs with "Arctic" as subject
preserve ... to preserve the Arctic as a stable	remain ... ensure that the Arctic remains a secure and
improve ... and partner to improve Arctic all-domain awareness	become ... Arctic is becoming
ensure ... ensure the Arctic	be ... the Arctic is
	undergo ... the Arctic undergoes
	play ... The Arctic plays
	require ... in the Arctic requires

Рис. 2. Репрезентация Арктики как Агента и Объекта в Корпусе, функция «Word Sketch»
Fig. 2. Representation of the Arctic as an Agent and an Object in the Corpus, using the “Word Sketch” feature

(8) *The United States works together with Canada to solve shared challenges as **the Arctic undergoes** a dramatic transformation driven by climate change.*

Закключение

1. Ядро образа Арктического региона в рамках политического дискурса США тематически формирует идея повышенной угрозы

военной безопасности региона, преобладание экологической повестки и международного сотрудничества. Все упомянутые сферы регулируются законодательством и государственными структурами США.

2. В структуре образа Арктики в американском политическом дискурсе доминируют лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Законодательство и органы власти», «Экология» и «Сотрудничество». Лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Экология» и «Сотрудничество» эксплицитно или имплицитно актуализируют тематику внешней или внутренней угрозы. Фиксируется семантическая оппозиция «свои» (союзники по НАТО) и «чужие» (имплицитно выраженные акторы, в том числе Россия).

3. Анализ грамматических структур, преобладающих в текстах корпуса, демонстрирует, что на вершине иерархии находится государство как активный субъект (агент). Арктика при этом служит объектом, для сохранности которого прикладываются усилия, а также местом реализации этих усилий.

4. Прагматический анализ позволяет заключить, что репрезентация Арктики в американском дискурсе подчинена целям легитимации присутствия США и его расширения в регионе, а также созданию образа США в качестве ответственного либерального актора. Эксплицитно выраженная экологическая и гуманитарная риторика имеет имплицитную основу в виде военно-стратегических и энергетических интересов.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. (2021). Языковые образы как единицы этнокультурного сознания. *Гуманитарные исследования. Языкознание*, 4(80), с. 10–18. <https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018>. EDN: <https://elibrary.ru/ERMWMY>
2. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 895 с. ISBN: 5-7859-0027-0. EDN: <https://elibrary.ru/YLAWAR>

3. Балашова, Л. В. (2017). Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения). *Quaestio Rossica*, 5(4), с. 1178–1196. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274>. EDN: <https://elibrary.ru/YMMEJT>
4. Баранов, А. Н. (2001). *Корпусная лингвистика. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие*. Москва: Эдиториал УРСС, 360 с.
5. Белов, В. А. (2024). Компьютерные технологии в лингвистике. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*, 3(13), с. 8–23. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3\(13\)-8-23](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-8-23). EDN: <https://elibrary.ru/VWMOOH>
6. Берендеев, М. В. (2011). Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, (6), с. 91–99. EDN: <https://elibrary.ru/NWDHDV>
7. Борискина, О. О., & Шилихина, К. М. (2017). Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике. *Политическая наука*, (2), с. 30–53. EDN: <https://elibrary.ru/ZAFKUT>
8. Будаев, Э. В. (2020). *Сопоставительная политическая метафорология*. Санкт-Петербург: Научно-технологические технологии, 464 с. ISBN: 978-5-6044793-2-2. EDN: <https://elibrary.ru/EJLKDK>
9. Детинко, Ю. И., & Куликова, Л. В. (2017). *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа*. Красноярск: СФУ, 168 с. ISBN: 978-5-7638-3468-0. EDN: <https://elibrary.ru/XWWCAP>
10. Жигунов, А. Ю. (2022). *Концепт-идеологема «Арктика»: формирование и динамика развития в русской медийной картине мира: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Омск, 24 с. EDN: <https://elibrary.ru/MFUOLU>
11. Карасик, В. И. (1998). О категориях дискурса. В: *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов* (с. 185–197). Волгоград–Саратов: Перемена.

12. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 331 с. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: <https://elibrary.ru/UGQAMP>
13. Копотев, М. В. (2021). О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка. *Филологический класс*, 26(2), с. 90–102. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-07>. EDN: <https://elibrary.ru/KSQGQN>
14. *Корпус-менеджер «Sketch Engine»*. Retrieved from: <https://www.sketchengine.eu> (accessed: 03.12.2025).
15. Токарев, Г. В. (2018). Семиотический аспект образности художественного текста. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*, 4(70), с. 187–196. EDN: <https://elibrary.ru/OWIOUN>
16. Фомин, И. В. (2018). Образ государства: семиотическая модель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, (8), с. 47–60. EDN: <https://elibrary.ru/YLTMHJ>
17. Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук*. Волгоград, 431 с. EDN: <https://elibrary.ru/NLROTZ>
18. Kress, G., & Hodge, R. (1979). *Language as Ideology*. London: Routledge & Kegan Paul, 163 p.
19. McEnery, T., & Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics: An Introduction. Second edition*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 256 p.
20. Van Dijk, T. A. (2011). Discourse and Ideology. B: *Discourse Studies* (pp. 379–407). London: Sage.
21. Wodak, R. (2009). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Palgrave Macmillan, 268 p.

References

1. Alefirenko, N. F. (2021). Linguistic images as units of ethnocultural consciousness. *Humanities Research. Linguistics*, 4(80), pp. 10–18. <https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018>. EDN: <https://elibrary.ru/ERMWMY>

2. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the Human World*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 895 pp. ISBN: 5-7859-0027-0. EDN: <https://elibrary.ru/YLAWAR>
3. Balashova, L. V. (2017). The horizontal model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), pp. 1178–1196. <https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274>. EDN: <https://elibrary.ru/YMMEJT>
4. Baranov, A. N. (2001). *Corpus Linguistics. Introduction to Applied Linguistics: A Textbook*. Moscow: Editorial URSS, 360 pp.
5. Belov, V. A. (2024). Computer technologies in linguistics. *Verba. North-Western Linguistic Journal*, 3(13), pp. 8–23. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3\(13\)-8-23](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-8-23). EDN: <https://elibrary.ru/VWMOOH>
6. Berendeev, M. V. (2011). Image and discourse: On the discursive nature of political image formation. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (6), pp. 91–99. EDN: <https://elibrary.ru/NWDHVD>
7. Boriskina, O. O., & Shilikhina, K. M. (2017). Corpus studies of political discourse in linguistics. *Political Science*, (2), pp. 30–53. EDN: <https://elibrary.ru/ZAFKUT>
8. Budaev, E. V. (2020). *Comparative Political Metaphorology*. Saint Petersburg: Naukoemkie Tekhnologii, 464 pp. ISBN: 978-5-6044793-2-2. EDN: <https://elibrary.ru/EJLKDK>
9. Detinko, Yu. I., & Kulikova, L. V. (2017). *Political Communication: Experience in Multimodal and Critical Discourse Analysis*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 168 pp. ISBN: 978-5-7638-3468-0. EDN: <https://elibrary.ru/XWWCAP>
10. Zhigunov, A. Yu. (2022). *The Concept-Ideologeme “Arctic”: Formation and Development Dynamics in the Russian Media Worldview: Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Omsk, 24 pp. EDN: <https://elibrary.ru/MFUOLU>
11. Karasik, V. I. (1998). On discourse categories. In: *Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects: Collection of Scientific Papers* (pp. 185–197). Volgograd–Saratov: Peremena.

12. Karasik, V. I. (2002). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 331 pp. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: <https://elibrary.ru/UGQAMP>
13. Kopotev, M. V. (2021). On some consequences of corpus linguistics for the general theory of language. *Philological Class*, 26(2), pp. 90–102. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-07>. EDN: <https://elibrary.ru/KSQGQN>
14. *Sketch Engine Corpus Manager*. Retrieved from: <https://www.sketchengine.eu> (accessed: 03.12.2025).
15. Tokarev, G. V. (2018). The semiotic aspect of imagery in literary text. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 4(70), pp. 187–196. EDN: <https://elibrary.ru/OWIOUN>
16. Fomin, I. V. (2018). The image of the state: A semiotic model. *METOD: Moscow Yearbook of Works in Social Sciences*, (8), pp. 47–60. EDN: <https://elibrary.ru/YLTMHJ>
17. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotics of Political Discourse: Doctoral Dissertation in Philological Sciences*. Volgograd, 431 pp. EDN: <https://elibrary.ru/NLROTZ>
18. Kress, G., & Hodge, R. (1979). *Language as Ideology*. London: Routledge & Kegan Paul, 163 pp.
19. McEnery, T., & Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics: An Introduction* (2nd ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 256 pp.
20. Van Dijk, T. A. (2011). Discourse and ideology. In: *Discourse Studies* (pp. 379–407). London: Sage.
21. Wodak, R. (2009). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Palgrave Macmillan, 268 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мазуркевич Ульяна Вячеславовна, магистрант кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
umazurkevich111@mail.ru

Мучкина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории германских и романских языков и
прикладной лингвистики
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Феде-
рация
mes_kras@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ulyana V. Mazurkevich, Master's student at School of Philology and
Language Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Rus-
sian Federation
umazurkevich111@mail.ru

Ekaterina S. Muchkina, PhD in Philology, Associate Professor at
School of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Rus-
sian Federation
mes_kras@mail.ru
SPIN-code: 7122-1950
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7173-0583>
ScopusAuthor ID: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221222935>
Google Scholar: <https://scholar.google.ru/citations?user=zOLG-faYAAAAAJ&hl=ru>

Поступила 10.02.2026
После рецензирования 04.03.2026
Принята 10.03.2026

Received 10.02.2026
Revised 04.03.2026
Accepted 10.03.2026

Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-563](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-563)

EDN: [PKSDPU](https://www.edn.ru/entry/10.12731/3033-5981-2026-18-1-563)

УДК 81.37



Географическая терминология в зеркале медицинской метафоры

Л.В. Наденна¹, Е.А. Принеслик²

¹*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Российская Федерация*

²*Сибирский государственный медицинский университет,
Томск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Нельзя назвать развитие какой-либо науки эффективным, если ее концептуальный аппарат не обладает строгой научной терминологией. Специальная терминология, являясь основной лингвистической составляющей любого профессионального языка, играет главную роль в обеспечении названиями объектов, процессов и явлений, которые появляются в различных сферах деятельности человека, а также в новых областях знаний. Известно, что медицина владеет одной из самых богатых, сложных, разнообразных и разветвленных терминологий, поскольку медицинская терминология корнями уходит в античное прошлое, то есть в Древнюю Грецию и Древний Рим. На современном этапе в языке медицины насчитываются сотни тысяч терминов, и корпус медицинской терминологии продолжает активно пополняться.

Цель. В статье предпринимается попытка исследовать явление терминологической метафоризации и показать, что метафора, выступая основой переноса наименования терминов из одной научной области (географии) в другую (медицину), является одним из основных источников пополнения медицинской терминосистемы.

Материалы и методы. В работе использовались методы когнитивного и компонентного анализов, а также метод сплошной выборки, при помощи которого для исследования из медицинских энциклопедических словарей и словарей-справочников медицинских терминов был отобран материал для исследования (400 единиц).

Результаты. Результаты показали, что термины таких подразделов географии, как геоморфология и гидрология, служат источником метафорического терминообразования и базой пополнения анатомической терминосистемы. В рамках прове-

денного исследования авторы пришли к выводу, что в сознании человека перенос значения может осуществляться на основе появляющихся ассоциативных связей между разными предметами. В данной работе эта связь наблюдается между анатомическими объектами и предметами из области географии, а метафорический перенос осуществляется на основании сходства их форм, размеров и функций.

Ключевые слова: физическая география; медицина; анатомия; метафора; термин; метафоризация

Для цитирования. Надеина, Л. В., & Принеслик, Е. А. (2026). Географическая терминология в зеркале медицинской метафоры. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 217–238. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-563>

Geographical terminology in the medical metaphor mirror

L.V. Nadeina¹, E.A. Prineslik²

¹*National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

²*Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation*

Abstract

Background. One cannot call the development of a science effective if its conceptual apparatus doesn't possess strict scientific terminology. Being the main linguistic component of any professional language, special terminology plays a major role in providing names for objects, processes and phenomena that appear in various spheres of human activity and in new areas of knowledge. It is known medicine possesses one of the richest and broadest terminology, because medical terminology has its roots in an ancient past, namely Ancient Greece and Ancient Rome. There are hundreds of thousands of terms in the modern language of medicine, and the corpus of medical terminology continues to grow rapidly.

Purpose. The article makes an attempt to explore the phenomenon of terminology metaphorism and show that the metaphor, serving as a basis for transferring the name of terms from one scientific field (geography) to another (medicine).

Materials and methods. Cognitive and component analysis methods, as well as a continuous sampling method were used in the work; 400 units were selected from medical encyclopedic dictionaries.

Results. The results showed the terms of geographical subdivisions (geomorphology and hydrology) are the source of metaphorical term formation and the basis for replenishment in the anatomical term system. The authors concluded the transfer of meaning can be carried out on the basis of emerging associative connections between different objects. This connection is observed between anatomical objects and objects from the

field of geography, and the metaphorical transfer is based on the similarity of their forms, dimensions and functions.

Keywords: physical geography; medicine; anatomy; metaphor; term; metaphorization

For citation. Nadeina, L. V., & Prineslik, E. A. (2026). Geographical terminology in the medical metaphor mirror. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 217–238. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-563>

Введение

В настоящее время ни одна наука не обходится без присущей только ей терминосистемы, центральной единицей которой является термин. Существует много точек зрения на то, что такое «термин» (это работы М.Н. Володиной (1997), Л.М. Алексеевой (1998), А.В. Лемова (2000), В.П. Даниленко, Н.В. Новиковой (2001), К.Я. Авербуха (2004), С.Н. Виноградова (2005), А.Н. Баранова (2009), М.Э. Ахметовой (2014), С.Д. Шелова (2018) и мн. др.). Мы в своем исследовании будем придерживаться определения, данного С.Д. Шеловым в монографии «Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практическое приложение»: «термин – языковой знак <...>, соответствующий норме его употребления в профессиональном <...> сообществе и выражающий специальное понятие какой-либо области знания и <...> имеющий дефиницию» [32, с. 46–47]. Бесспорно, что чем древнее наука, тем богаче и разнообразнее будет ее терминологический аппарат, т.к. терминологический корпус постоянно пополняется. Медицина, относясь к тем наукам, которые появились не одно тысячелетие назад, имеет очень разветвленную систему, включающую многочисленные разделы и подразделы, каждый из которых имеет свою микротерминосистему. На современном этапе она представляет собой своеобразную макросистему, а следовательно, обладает макротерминосистемой.

Известно, что медицинская терминология формируется на двуязычной греко-латинской основе, поэтому невозможно изучать медицину без базисных знаний терминов и понятий на латинском и греческом языках. Анатомия, являясь областью знаний о строении человека, выступает базовой медицинской дисциплиной. Интерес к изучению именования органов человека, к способу пополнения

анатомического терминологического корпуса появился много десятилетий назад, т.е. еще в прошлом столетии. Следует отметить, что этот интерес не пропадает в настоящее время, а только усиливается.

О «незатухающем» интересе к изучению медицинской терминологии с разных ракурсов говорят работы отечественных лингвистов, опубликованные в первой четверти XXI века (Л.В. Бабошкина, 2019; Э.М. Байдашева, 2021; О.В. Величко, 2007; Д.Б. Дашиева, 2010; Е.Н. Загрекова, 2008; С.Л. Мишланова, 2002; В.В. Подгорна, 2016; Г.О. Папшева, Н.В. Голубцова, О.Н. Матвеева, 2021; Л.А. Сергеева, 2017; Н.В. Сеницына, 2011; А.А. Цуканова, О.В. Махинова, Д.А. Повалюхина, 2023 и др.).

Человек, с присущим ему внутренним свойством находиться в процессе создания своей картины мира, выражает не только собственное представление о мире и репрезентирует свое понимание того, как он устроен, но и соотносит свое постижение и осмысление мира с социумом, в котором он живет. Поэтому в формировании картины мира значительную роль начинают играть и представления коллектива, которые, как известно, определяются мифологией, религией, искусством, развитием и достижениями разных наук и т.д. Все то, что человек в результате деятельности мышления закрепляет в своем сознании, передается через язык, который, по справедливому замечанию В.Н. Телии, «является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом» [31, с. 175]. Языковое воплощение объективного мира представляет языковую картину мира, самым продуктивным способом организации которой в лингвистике в течение не одного десятка лет является метафора.

Как показывают многочисленные исследования отечественных и зарубежных лингвистов, метафора уже давно не воспринимается как «художественный троп», а является одним из ведущих способов моделирования концептуальной картины мира. Метафора помогает человеку принять новые концепты и, оформив их на основе сходства с уже известными ему процессами или явлениями, получить новое знание. Изучая ее роль в научной картине мира, видим, что являясь естественным проявлением языка и мышления, которое

связано со способностью человека обобщать, метафора, обладая ограниченным диапазоном средств, создает мощное ассоциативное поле для получения новых знаний о предмете. Человек, используя метафору, может моделировать окружающую действительность, поскольку «метафорическое смыслообразование <...> отражает <...> тип интерпретации <...> отражающий историческую изменчивость формируемого образа, воплощенного в языковых единицах». [28, с. 17–18]. Метафору в современной лингвистике рассматривают как явление человеческого мышления, которое несет очень важную функцию в познании мира. В том, что когнитивная наука фокусирует свое внимание на метафоре, нет ничего удивительного, поскольку «главную роль в наших повседневных выводах играют не формализованные процедуры <...>, а аналогия», т.е. «перенос знаний из одной содержательной области в другую» [23, с. 139].

Актуальность нашего исследования обусловлена повышенным вниманием к происхождению и интерпретации терминов в области анатомии. Семантика анатомических терминов, которые составляют в общем медицинском терминологическом корпусе многочисленную группу, связана с такими категориями, как размер, форма и функция. При именовании человеком какого-либо анатомического органа существенно значимыми оказываются такие признаки, как большой-малый, выпуклый-вогнутый, длинный-короткий, толстый-тонкий и мн. др. Следует отметить, что в настоящее время активизировался интерес к исследованию семантики анатомических терминологических единиц и в рамках начавшегося активно развиваться еще в прошлом столетии такого научного направления как когнитивистика.

Цель данной работы – показать, что метафора выступает основой переноса наименования терминов из одной научной сферы (физической географии) в другую (медицину) и является одним из главных источников пополнения медицинского терминологического корпуса.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач: 1) выявить область-источник для формирования

терминов-метафор; 2) определить область-мишень в терминосистеме медицины; 3) установить основные параметры, на базе которых происходит метафорический перенос терминов из области-источника («географический объект») в область-мишень («анатомический орган»).

Методы и материалы

Для решения задач использовались следующие общенаучные и лингвистические методы: метод компонентного анализа, необходимый при описании структурно-семантических характеристик метафорических единиц; этимологический и статистический методы, а также метод сплошной выборки.

Для проведения исследования из 3-х томного энциклопедического словаря медицинских терминов (под редакцией академика Б.В. Петровского), историко-этимологического словаря А.Г. Ильяхова, словаря-справочника латинской медицинской терминологии (Светиры Станназар), латинско-русского словаря медицинской терминологии (составитель А.П. Алексеев), многоязычного справочника «Медицинская терминология на пяти языках» Г.Д. Арнаудова методом сплошной выборки было отобрано свыше 400 медицинских терминов-метафор.

Результаты и обсуждение

Говоря о лексической системе любого языка, видим, что она включает в себя большое количество терминов из разных наук. Каждый термин в определенной науке призван точно выражать понятие, т.е. должен быть однозначным. Но в связи с тем, что появляются разные направления и развиваются новые отрасли знаний, то термины получают новое «смысловое наполнение». Одна наука может щедро делиться своей терминологией с другой, пополняя ее терминологический корпус. В качестве одного из главных источников пополнения может служить метафора.

В данной работе исследуются терминосистемы двух наук, имеющих тысячелетнюю историю развития – географии и медицины.

Рассматривая метафорический процесс, при котором термин, подвергшись определенной когнитивной «обработке», может перейти из терминосистемы одной науки в систему терминов другой, отмечаем, что география, представляя комплекс наук, изучающих поверхность Земли с ее природными условиями, в этом исследовании является терминосистемой-источником. Следует уточнить, что в данной работе внимание было уделено не всем разделам географии, а только физической географии с такими подразделами, как геоморфология и гидрология. Терминосистемой-мишенью в настоящем исследовании выступает медицина, под которой понимается «система научных знаний <...>, целью которой является сохранение здоровья <...> и лечение болезней человека» [38, с. 155]. Поскольку, как и география, медицина представляет собой совокупность наук, то детально был изучен только один из многочисленных разделов медицины – анатомия.

Давно доказано, что действительность отражается в виде картины мира, представленной с помощью языка. Чтобы создать концептуальную картину мира, человек начинает использовать различные инструменты. Бесспорно, что одним из основных способов моделирования концептуальной картины мира является метафора. Нельзя не согласиться с исследователями в области метафорологии, что метафоре отведена роль «призмы, через которую совершается мировидение» [25, с. 32], она обеспечивает рассмотрение «вновь познаваемого через уже познанное» [31, с. 179]. Действительно, образованию бесконечного числа новых слов помогает возможность развития в слове переносных значений. В своей работе Я. Парандовский утверждал, что «метафора выручает словотворчество: без метафоры словотворчество было бы обречено на непрерывное производство все новых и новых слов и отяготило бы человеческую память неимоверным грузом» [22, с. 103]. Не подвергается сомнению и тот факт, что, метафора настолько прочно вошла в язык и закрепились там, что если бы ее вдруг убрали оттуда, то люди просто перестали бы понимать друг друга. Следует добавить, что процесс метафоризации непрерывен, поскольку достаточно только незна-

чительного сходства и два совершенно разных предмета сливаются воедино в слове.

Обзор литературы, посвященный исследованию метафоры, показал, что ее изучают уже не один десяток лет. А особый интерес к процессу метафоризации, появившийся еще в середине прошлого столетия, не угасает и в XXI веке. Ученые пытаются смотреть на метафору с разных ракурсов (Я. Парандовский (1972), В.И. Постовалова (1988), В.Н. Телия (1988), В.П. Москвин (2000), О.Н. Лагута (2003), Дж. Лакофф, М. Джонсон (2008), Н.А. Илюхина (2010), Т.С. Росянова (2011), М.Н. Лату, А.Ю. Багиян (2015), А.В. Раздубаев (2017) и мн. др.). Таким образом, как в лингвистике, так и в других областях знания, она рассматривается в рамках различных теорий, подходов и направлений. На современном этапе внимание уделяется двум основным направлениям изучения метафоры – это лексикологическое, где метафора рассматривается как вид полисемии, и когнитивное, в основе которого лежит идея о том, что вся понятийная система языка метафорична по своей сути. Наше исследование выполнено в рамках когнитивного подхода к изучению метафоры, когда метафора рассматривается как «базовый когнитивный механизм, заключающийся в переносе структуры одной понятийной области-источника на другую – область-цели» (или области-мишени) [1, с. 221]. Если рассматривать такое взаимодействие понятийных областей, то одна из них (область-источник – «географические объекты») является осмысленной и познанной, а другая (область-мишень – «анатомическая терминология») – еще нуждается в осмыслении. Метафора способствует формированию у термина полисемии, которая может связывать изначально несовместимые терминосистемы. О.А. Алимуратов и М.Н. Лату утверждают, что «каждый метафорический термин имеет семантическое ядро и периферию» [4, с. 26].

В данном исследовании мы, рассматривая метафору как основной когнитивный механизм, одной из функций которого является терминообразование, видим метафорическую проекцию в новую предметную сферу на базе свойств, сформированных в об-

ласти-источнике. Как было сказано выше, в фокусе нашего внимания оказываются такие области знания, как география и медицина, становление и развитие которых уходит корнями в античность. Из истории знаем, что древние римляне и греки под «географией» понимали все известные сведения о Земле. Сначала познания в этой области черпались из мифологии, но когда активно начало развиваться мореплавание и стали совершаться путешествия в дальние страны, то представление о мире значительно расширилось, а к 476 н.э. назрела необходимость в составлении точных карт Земли.

В настоящей работе мы выделили и проанализировали группу медицинских терминов, в которых наблюдается ассоциативная связь анатомических объектов с географическими предметами или явлениями, и в качестве примера приведём некоторые из них: *спинномозговой канал*, *потовый проток*, *полушарие большого мозга*, *щитовидный бугорок/седалищный бугор*, височная *ямка*, зрительная *ось*, лобный *полюс*, демаркационный *вал*, лобковое *возвышение*, *перешеек* ромбовидного мозга, надсуставная *бугристость*, ветлужная *впадина*, подреберная *плоскость*, *пояс* верхней конечности, околоматочное *пространство*, слезный *ручей*, семенной *холмик*, *углубление* барабанной перепонки заднее, слезное *озеро*, *экватор* хрусталика, панкреатический *островок*, подошвенная *борозда* латеральная и мн. др.

М.Н. Лату и А.Ю. Багиян полагают, что мышление человека является ассоциативным. Полностью разделяем их точку зрения на то, что в составе терминологий лидирующую позицию занимают метафорические модели терминообразования, которые создаются на основе переосмысления образа объекта при его наименовании [18, с. 113]. Об этом же свидетельствуют и многочисленные работы других отечественных и зарубежных ученых, доказавших, что метафоризация давно и прочно занимает ведущее место в образовании терминов, т.е. она предстает как передача информации от одного концептуального поля (источника) к другому полю (цели). Используя такой способ образования новых терминов, как перенос по сходству и полное или частичное переосмысление исходных значений терминов, мы в

рамках данного исследования придерживаемся следующей классификации метафорических групп: 1) сходство по форме и внешним параметрам; и 2) сходство качеств и функций объекта. Всестороннее изучение метафоры показало, что она является очень эффективным инструментом для того, чтобы сделать сложное понятие простым, создать яркий образ и помочь преодолеть барьер между языком науки и бытовым языком, благодаря чему информация становится гораздо доступней. Как упоминалось выше, из многочисленных разделов анализируемой нами области знаний – физической географии – мы выбрали в качестве иллюстрации процесса метафоризации два подраздела, которые, на наш взгляд, являются высокометафоричными: это геоморфология и гидрология.

Прежде чем приступить к анализу терминов из подраздела геоморфология, обратимся к дефиниции «геоморфология». Словарь дает следующее толкование данного термина: «геоморфология – это наука о рельефе Земли; она изучает его формы, строение <...>, исследует сушу <...>, классифицирует формы рельефа – равнины, горы, долины, котловины» [6, с. 62]. Следовательно, исходя из определения геоморфологии, в терминологию этого подраздела включены такие термины, как «холм», «вал», «бугор», «возвышенность», «бугристость», «яма», «трещина», «углубление» и мн. др.

Известно, что одной из основных когнитивных способностей человека считается его способность устанавливать аналогии, сопоставлять достаточно освоенные и хорошо знакомые ему понятия с новыми понятиями. Мы, говоря о семантической структуре термина, видим, что она неоднородна, и ее можно разбить на целый ряд областей. Семантическое ядро термина (или ядерная область) – это та часть, на которую приходится основная понятийная нагрузка. Ядерная область содержит в себе мотивирующий признак. Так, например, у таких географических терминов, как «бугор» – (в геоморфологии используется как «бугры пучения»), обозначающий формы рельефа в зонах вечной мерзлоты и имеющий ледяное ядро; «холм» – невысокая гора <...> с пологими склонами, округлой вершиной и нечетко выраженным подножием; и «вал», обозначающий

узкую, длинную и невысокую (возвышенную) форму рельефа, в качестве ядерной семы, которая является основой метафорического переноса данных терминов из области географии в область медицины, выступает «изменение» формы рельефа, появление на некогда ровной поверхности различных по размерам и формам «возвышенностей», «выпуклостей», «пучений».

Анализируя анатомические терминологические единицы данной группы, например, *седалищный бугор* «(лат. *tuber ischiadicum*) – выступающее книзу утолщение седалищной кости»; *скуловой бугор* «(лат. *tuber zygomaticum*) – выступающая часть латеральной поверхности скуловой кости»; *рожковидный бугорок* «(лат. *tuberculum corniculatum*) – утолщение задней части черпалонадгортанной складки»; *надкозелковый бугорок* «(лат. *tuberculum supratragicum*) – возвышение на ушной раковине»; *надсуставной бугорок* «(лат. *tuberculum supraglenoidale*) – выступ на поверхности лопатки»; *запирательный бугорок передний* «(лат. *tuberculum obturatorium anterius*) – выступ на переднем конце запирательной борозды лобковой кости» и мн. др., видим, что в данных анатомических терминах в основе метафорического переноса лежат такие компоненты значения, как «возвышение», «пучение», «изменение ровной поверхности в высоту».

Исследуя такие анатомические термины, как например, *семенной холмик* «(лат. *colliculus seminalis*) – возвышение на середине задней стенки предстательной части мужской уретры»; *яйценосный холмик* «(лат. *cumulus oophorus*) – участок многослойного эпителия в стенке везикулярного яичникового фолликула»; *демаркационный вал* «(лат. *torus demarcationis*) – воспалительный инфильтрат, ограничивающий некротизированные участки органа или ткани» и мн. др.), [37; 38; 39] в первую очередь обращаем внимание на те компоненты значения, которые при создании образов являются основными. В данном случае такими компонентами в термине «холм» будут «возвышения», «скопления», «кучи», «образования разной формы», а в терминологической единице «вал» – это «нанос», «насыпь», «наслоение», «вытянутая возвышенность».

Метафора, занимая лидирующую позицию среди других тропов, позволяет создать образ, который базируется на ассоциациях, когда в основу кладутся самые различные признаки предметов: это может быть и форма, и цвет, и объём, и локализация и т.д. Проводя анализ такого географического термина как «яма», под которой понимается любое образовавшееся в земле углубление, что является элементом рельефа, в качестве ядра, участвующего в метафорической трансформации терминов из географической области в область медицинскую, выступает «изменение формы» рельефа, т.е. представляющее собой появление на ровной поверхности различных по размерам углублений. Рассматривая анатомические термины вышеназванной группы, например, такие как *височная ямка* «(лат. fossa temporalis) – парное углубление на черепе»; *клыковая ямка* «(лат. fossa canina) – углубление на <...> верхней челюсти»; *локтевая ямка* «(лат. fossa cubitalis) – углубление в передней локтевой области»; *подключичная ямка* «(лат. trigonum deltoideopectoralе) – углубление, ограниченное дельтовидной и большой грудной мышцами и краем ключицы» и мн. др., [37; 38] видим, что в основе метафорического переноса лежат ассоциативные связи с лексемой «яма/ямка». Здесь необходимо добавить, что это слово не только относится к специальной лексике, но и является одним из наиболее известных понятий и предметов из ближайшего окружения человека. В исследуемой нами области знаний такой компонент значения слова «яма», как «углубление», т.е. то, что «находится ниже уровня поверхности», лежит в основе метафоричности анатомического термина. Можно констатировать, что термин «яма», являясь элементом рельефа в географии, и изначально применявшийся для описания местности, перешел в область анатомии, так как образовавшиеся ямы/ямки на некогда ровной земной поверхности (почве) можно сравнить с углублениями, которые появляются на том или ином органе человека.

Не менее интересными для анализа оказались и географические термины – «перешеек» (греч. «isthmus») и «остров» (лат. «insula»). В географическом словаре находим такое определение: перешеек – это «узкая полоса суши, соединяющая два крупных участка и разде-

ляющая акватории или два водных бассейна» [11, с. 115]. Известно, что в древности перешейки часто служили так называемыми «волоками», т.е. такими местами, через которые перетаскивались суда. В переводе с греческого «isthmus» означает «шея». Исходя из того, что в анатомии «шея» – это «часть тела позвоночных, соединяющая голову с туловищем», видим, что в основу метафорического переноса положен признак – «что-то узкое, соединяющее две части» (например, *перешеек аорты* «(isthmus aortae) – сужение аорты в месте перехода ее дуги в нисходящую часть»; *перешеек зева* «(isthmus faucium) – суженный участок пищеварительного тракта между полостью рта и глоткой»; *перешеек матки* «(isthmus uteri) – суженный участок матки между телом и шейкой»; *перешеек маточной трубы* «(isthmus tubae uterinae) – суженный отдел маточной трубы, расположенный между ее внутриматочной частью и ампулой»; *перешеек поясной извилины* «(isthmus gyri cinguli) – суженная часть поясной извилины коры большого мозга»; *перешеек щитовидной железы* «(isthmus glandulae thyroideae) – узкая часть щитовидной железы, соединяющая ее боковые доли» и др.) [38].

Что касается термина «остров», то в физической географии «остров» трактуется как «участок суши, окружённый водой» [11, с. 111]. Здесь следует сфокусировать внимание на речных островах, которые подразделяются на русловые, обозначающие скопление наносов, и пойменные, образующиеся в результате «расчленения поймы эрозивным действием течения». Рассматривая феномен метафоры в рамках антропоцентрического подхода, когда «при анализе тех или иных явлений точкой отсчета становится человек» [15, с. 199], который способен вычленять общие признаки у разных объектов и сравнивать их с собственным внутренним миром, видим, что в данном случае главным компонентом значения, принимающим участие в механизме метафоризации становится такой признак, как «отдельно располагающееся скопление чего-либо» (например, *панкреатический островок* «(лат. insula pancreatica) – эндокринная часть поджелудочной железы, представляющая собой скопление инсулоцитов; *Малассе эпителиальные островки* –

«скопления эпителиальных клеток в периодонте сформированных зубов, представляющие собой остатки гертвиговского эпителиального влагалища» и мн. др.) [38].

Прежде чем приступить к детальному исследованию терминов из выбранного нами для анализа второго подраздела географии – гидрологии (а точнее, гидрологии суши), поясним, что под гидрологией суши мы понимаем «раздел гидрологии, изучающий поверхностные воды суши: реки, озера, ручьи, водохранилища, болота, ледники и т.п.» [11, с. 46]. Следовательно, в данную группу терминов-источников были включены такие лексемы, как «канал», «ручей», «проток/протока», «озеро», «река», «сток» и мн. др.

Исходя из данного в географии определения термина «канал», означающего «созданное искусственное русло, соединяющее два водоема или водотока с разным практическим назначением» [11, с. 81], видим, что основой метафорического переноса выступает в этом случае не форма и размер, а функция. Соглашаясь с точкой зрения В.Н. Прохоровой на то, что метафора всегда представляет «результат сравнения, а <...> метафорическое образование термина предполагает сопоставление и <...> сопоставление может происходить по одному признаку или нескольким», констатируем, что здесь именно «функция» является основным признаком метафорического переноса, т.к. канал представляет либо «русло» для прохождения чего-либо, либо «пространство» для соединения чего-либо [26, с. 42]. Проиллюстрируем это утверждение примерами: **подглазничный канал** «(лат. *canalis infraorbitalis*) – канал в теле верхней челюсти», в котором находятся подглазничные нерв и артерия; **резцовый канал** «(лат. *canalis incisivus*) – непарный костный канал», это место, где проходит носонёбный нерв; **нёбный канал большой** «(лат. *canalis palatinus major* – канал, соединяющий крылонёбную ямку с ротовой полостью <...>, через нёбный канал большой на нёбо выходят нёбная артерия, вена и одноименный нерв»; **позвоночный канал** «(лат. *canalis vertebralis*) – канал <...> сообщается с полостью черепа через большое затылочное отверстие, содержит спинной мозг с оболочками и венозные сплетения» и мн. др. [38; 39].

Именно такой компонент значения как «функция» лег и в основу метафорического переноса из географической области в анатомическую таких терминов, как «проток (или протока)», означающего в географии «водоток, соединяющий два водных объекта, или являющийся частью более крупного водотока», и «*сток*», понимаемого как «движение воды по склонам в понижения, впадины, реки, как по поверхности, так и в почвогрунтах». На основе актуализации смысла «доставка и/или отведение чего-то жидкого» или «слияние чего-либо» создается семантика таких анатомических терминов, как, например, *артериальный проток* «(лат. ductus arteriosus) – кровеносный сосуд, соединяющий легочный ствол плода с аортой»; *подъязычный проток большой* «(лат. ductus sublingualis major) – непостоянный проток подъязычной слюнной железы»; *потовый проток* «(лат. ductus sudorifer) – выводной проток потовой железы, открывающийся на поверхность кожи»; *проток сальной железы* (лат. ductus glandulae sebaceae) – выводной проток сальной железы, открывающийся в воронке фолликула волоса или <...> на поверхности кожи» и мн. др., а также «*сток синусов*» «(лат. confluent sinus) – анатомическое место в полости черепа, где сливаются несколько крупных венозных пазух твердой мозговой оболочки» и мн. др. [37; 38].

Отталкиваясь от определений, данных в географическом словаре терминам «озеро» («естественный замкнутый водоём, заполняющий углубление на поверхности суши») [11, с. 108] и «ручей» («небольшой постоянный или временный водоток») [Географический словарь, 2020, с. 130], видим, что одним общим объединяющим признаком, по которому происходит метафорический перенос, является «сходство по функции». Проиллюстрируем это утверждение следующими примерами: *слезный ручей* «(лат. rivus lacrimalis) – пространство между краем нижнего века и глазным яблоком, по которому слезная жидкость перемещается к слезному озеру; *слезное озеро* (лат. lacus lacrimalis) – расширение глазной щели <...>, куда поступает слезная жидкость из конъюнктивного мешка и др. [38]. Метафора устанавливает отношение подобия, сходства

между функциями «ручья» («служить водотоком»), «озера» («быть углублением на поверхности для заполнения водой») и функциями анатомических органов («являться пространством, по которому перемещается слезная жидкость» и «быть своеобразным углублением для сбора слезной жидкости»).

Заключение

1. В представленной работе детально были проанализированы два подраздела – это геоморфология (названия частей рельефа – *бугор, бугристость, возвышенность, холм, яма/ямка, углубление, поле, борозда* и др.) и гидрология суши (процессы формирования водного баланса и стока – *сток, проток/протока, озеро, канал, ручей* и др.)

2. Проведенный анализ показал, что достаточно большое количество терминов одной из областей медицины – анатомии – образовано на основе метафорического переноса.

3. Исследование метафорических терминов анатомии доказало, что в анатомических терминологических единицах наблюдается ассоциативная связь данных объектов с географическими терминами.

4. Данное исследование показало, что метафора представляет собой универсальное явление в языке и является активным способом семантического образования в анатомической терминологии.

5. Приведены доказательства, что наименования того или иного понятия могут переноситься на предмет из одной терминологии на любой предмет другой терминологии на основании сходства форм, размеров или функций этих предметов.

Список литературы

1. Абдыкаимова, О. С. (2016). Когнитивная теория метафоры. *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*, (6), с. 221–224. EDN: <https://elibrary.ru/WISOJX>
2. Авербух, К. Я. (2004). *Общая теория термина*. Иваново: Ивановский государственный университет, 252 с.
3. Алексеева, Л. М. (1998). *Проблемы термина и терминообразования*. Пермь: ПГНИУ, 120 с. ISBN: 5-7944-0054-4. EDN: <https://elibrary.ru/UIIPUX>

4. Алимуратов, О. А., & Лату, М. Н. (2006). Метафоричность термина как переводческая проблема. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, (4), с. 24–27. EDN: <https://elibrary.ru/UCWBXC>
5. Ахметова, М. Э. (2014). Отечественный и зарубежный опыт изучения терминоведения: эволюция понятия «термин» в лингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8(38), в 2-х ч., Ч. I, с. 22–26. EDN: <https://elibrary.ru/SEKFUR>
6. Ахромеев, Л. М. (2002). *Геоморфологический словарь-справочник* / под ред. П. Г. Шевченкова. Брянск: Издательство Брянского государственного университета, 320 с. ISBN: 5-88543-110-8. EDN: <https://elibrary.ru/WZYSLT>
7. Баранов, А. Н. (2009). *Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие*. 2-е изд., испр. Москва: Едиториал УРСС, 360 с.
8. Бородулина, Н. Ю. (2007). *Метафорическая репрезентация экономических понятий как объект семиотического анализа: монография*. Тамбов: Грамота, 184 с. ISBN: 978-5-9900942-5-3. EDN: <https://elibrary.ru/WXCHBJ>
9. Виноградов, С. Н. (2005). *Термин как средство и объект описания: знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 48 с. ISBN: 5-85746-855-8. EDN: <https://elibrary.ru/QRXUXP>
10. Володина, М. Н. (1997). *Теория терминологической номинации*. Москва: Издательство Московского университета, 180 с.
11. *Географический словарь первокурсника: учебно-методическое пособие* (2020). Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 177 с.
12. Даниленко, В. П., & Новикова, Н. В. (2001). Культура научной и профессиональной речи. В: *Культура русской речи: учебник для вузов* / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева (с. 169–197). Москва.
13. Ивина, Л. В. (2003). *Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем*. Москва: Академический Проект, 301 с. ISBN: 5-8291-0356-7. EDN: <https://elibrary.ru/SUNLCP>
14. Илюхина, Н. А. (2010). *Метафорический образ в семасиологической интерпретации: монография*. Москва: Флинта: Наука, 320 с. ISBN: 978-5-9765-0952-8. EDN: <https://elibrary.ru/SDQBBP>
15. Костомаров, П. И. (2014). Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2(1), с. 198–203. EDN: <https://elibrary.ru/SMMWNN>
16. Лагута, О. Н. (2003). *Метафорология: теоретические аспекты. Ч. I*. Новосибирск, 114 с.

17. Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2008). *Метафоры, которыми мы живём* / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 256 с.
18. Лату, М. Н., & Багиян, А. Ю. (2015). Когнитивные модели терминологической номинации (на примере терминологии астрономии). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12-3(54), с. 112–117. EDN: <https://elibrary.ru/UZEUPF>
19. Лемов, А. В. (2000). *Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии)*. Саранск: Издательство Мордовского университета, 192 с.
20. Мишланова, С. Л. (2002). *Метафора в медицинском дискурсе*. Пермь, 159 с.
21. Москвин, В. П. (2000). Русская метафора: параметры классификации. *Филологические науки*, (2), с. 66–74. EDN: <https://elibrary.ru/UIASNF>
22. Парандовский, Я. (1972). *Алхимия слова*. Москва: Прогресс, 336 с.
23. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу. *Вопросы языкознания*, (3), с. 135–146.
24. Пименова, М. В. Принципы категоризации и концептуализации мира. *Studia linguistica Cognitiva*, (1), с. 172–186.
25. Постовалова, В. И. (1988). Картина мира в жизнедеятельности человека. В: *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира* (с. 8–69). Москва.
26. Прохорова, В. Н. (1996). *Русская терминология (лексико-семантическое образование)*. Москва: Филологический факультет, 125 с.
27. Раздубов, А. В. (2017). Метафоризация и метонимизация в англоязычной терминологии сферы нанотехнологий: антропоцентрический аспект. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (2), с. 70–77. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-2-70-77>. EDN: <https://elibrary.ru/YINSLP>
28. Резанова, З. И. (2002). Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры. В: *Картина мира. Модели, методы, концепты: материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных* (с. 8–34). Томск. EDN: <https://elibrary.ru/TOSKXP>
29. Росянова, Т. С. (2011). Когнитивный подход к рассмотрению термина. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, (5), с. 105–108. EDN: <https://elibrary.ru/OIMKQJ>
30. Сергеева, Л. А. (2017). Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (12), с. 163–166. EDN: <https://elibrary.ru/YMGQXP>
31. Телия, В. Н. (1988). Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. В: *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира* (с. 173–204). Москва.

32. Шелов, С. Д. (2018). *Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения*. Москва: ПринтПро, 472 с.

Список источников

33. Арnaudов, Г. Д. (1966). *Медицинская терминология на пяти языках*. София: Медицина и физкультура, 1029 с.
34. Ильяхов, А. Г. (2015). *Медицина. Античный код в деловой терминологии: историко-этимологический словарь*. Краснодар: Флер-1, 384 с.
35. *Латинско-русский словарь медицинской терминологии* / сост. А. П. Алексеев. Москва: Центрополиграф, 2006, 508 с.
36. *Словарь-справочник латинской медицинской терминологии* / авт. Светира Станназар. Издательские решения, 2025, 176 с.
37. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х томах. Около 60 000 терминов. Т. 1: А – Йореса способ* / гл. ред. Б. В. Петровский. Москва: Советская энциклопедия, 1982, 464 с.
38. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х томах. Около 60 000 терминов. Т. 2: Кабана болезнь – Пяточный бугор* / гл. ред. Б. В. Петровский. Москва: Советская энциклопедия, 1983, 448 с.
39. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3-х томах. Около 60 000 терминов. Т. 3: Рабдитозы – Ящур* / гл. ред. Б. В. Петровский. Москва: Советская энциклопедия, 1984, 512 с.

References

1. Abdykaimova, O. S. (2016). Cognitive theory of metaphor. *Science, New Technologies and Innovations of Kyrgyzstan*, (6), pp. 221–224. EDN: <https://elibrary.ru/WISOJX>
2. Averbukh, K. Ya. (2004). *General Theory of the Term*. Ivanovo: Ivanovo State University, 252 pp.
3. Alekseeva, L. M. (1998). *Problems of the Term and Term Formation*. Perm: Perm State National Research University, 120 pp. ISBN: 5-7944-0054-4. EDN: <https://elibrary.ru/UIIPUX>
4. Alimuradov, O. A., & Latu, M. N. (2006). Metaphorical nature of the term as a translation problem. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, (4), pp. 24–27. EDN: <https://elibrary.ru/UCWBXC>
5. Akhmetova, M. E. (2014). Domestic and foreign experience in studying terminology: Evolution of the concept of “term” in linguistics. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 8(38), Part I, pp. 22–26. EDN: <https://elibrary.ru/SEKFUR>
6. Akhromeev, L. M. (2002). *Geomorphological Dictionary-Reference* (P. G. Shevchenkov, Ed.). Bryansk: Bryansk State University Press, 320 pp. ISBN: 5-88543-110-8. EDN: <https://elibrary.ru/WZYSLT>

7. Baranov, A. N. (2009). *Introduction to Applied Linguistics: A Textbook* (2nd ed., rev.). Moscow: Editorial URSS, 360 pp.
8. Borodulina, N. Yu. (2007). *Metaphorical Representation of Economic Concepts as an Object of Semiotic Analysis: A Monograph*. Tambov: Gramota, 184 pp. ISBN: 978-5-9900942-5-3. EDN: <https://elibrary.ru/WXCHBJ>
9. Vinogradov, S. N. (2005). *The Term as a Means and Object of Description: Sign-Interpretative Aspect of Russian Linguistic Terminology: Abstract of Doctoral Dissertation in Philological Sciences*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 48 pp. ISBN: 5-85746-855-8. EDN: <https://elibrary.ru/QRXUXP>
10. Volodina, M. N. (1997). *Theory of Terminological Nomination*. Moscow: Moscow University Press, 180 pp.
11. *Geographical Dictionary for Freshmen: A Teaching and Methodological Guide*. (2020). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 177 pp.
12. Danilenko, V. P., & Novikova, N. V. (2001). Culture of scientific and professional speech. In: L. K. Graudina & E. N. Shiryayev (Eds.), *Culture of Russian Speech: A Textbook for Universities* (pp. 169–197). Moscow.
13. Ivina, L. V. (2003). *Linguo-Cognitive Foundations of Analyzing Branch Term Systems*. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 301 pp. ISBN: 5-8291-0356-7. EDN: <https://elibrary.ru/SUNLCP>
14. Ilyukhina, N. A. (2010). *Metaphorical Image in Semasiological Interpretation: A Monograph*. Moscow: Flinta: Nauka, 320 pp. ISBN: 978-5-9765-0952-8. EDN: <https://elibrary.ru/SDQBBP>
15. Kostomarov, P. I. (2014). Anthropocentrism as a key feature of modern linguistics. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2(1), pp. 198–203. EDN: <https://elibrary.ru/SMMWNH>
16. Laguta, O. N. (2003). *Metaphorology: Theoretical Aspects* (Part 1). Novosibirsk, 114 pp.
17. Lakoff, G., & Johnson, M. (2008). *Metaphors We Live By* (A. N. Baranov, Trans. & Ed., 2nd ed.). Moscow: LKI Publishing House, 256 pp.
18. Latu, M. N., & Bagiyan, A. Yu. (2015). Cognitive models of terminological nomination (using astronomy terminology as an example). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12 3(54), pp. 112–117. EDN: <https://elibrary.ru/UZEUPF>
19. Lemov, A. V. (2000). *System, Structure, and Functioning of the Scientific Term (Based on Russian Linguistic Terminology)*. Saransk: Mordovia University Press, 192 pp.
20. Mishlanova, S. L. (2002). *Metaphor in Medical Discourse*. Perm, 159 pp.
21. Moskvina, V. P. (2000). Russian metaphor: Classification parameters. *Philological Sciences*, (2), pp. 66–74. EDN: <https://elibrary.ru/UIASNF>
22. Parandovsky, J. (1972). *The Alchemy of the Word*. Moscow: Progress, 336 pp.

23. Petrov, V. V. Metaphor: From semantic representations to cognitive analysis. *Voprosy Jazykoznanii* (*Topics in the Study of Language*), (3), pp. 135–146.
24. Pimenova, M. V. Principles of categorization and conceptualization of the world. *Studia Linguistica Cognitiva*, (1), pp. 172–186.
25. Postovalova, V. I. (1988). The worldview in human life. In: *The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview* (pp. 8–69). Moscow.
26. Prokhorova, V. N. (1996). *Russian Terminology (Lexico-Semantic Formation)*. Moscow: Faculty of Philology, 125 pp.
27. Razduev, A. V. (2017). Metaphorization and metonymization in English-language terminology of nanotechnology: An anthropocentric aspect. *Issues of Cognitive Linguistics*, (2), pp. 70–77. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-2-70-77>. EDN: <https://elibrary.ru/YINSLP>
28. Rezanova, Z. I. (2002). Linguistic worldview: A view of the phenomenon through the prism of the term metaphor. In: *Worldview. Models, Methods, Concepts: Proceedings of the All-Russian Interdisciplinary School for Young Scientists* (pp. 8–34). Tomsk. EDN: <https://elibrary.ru/TOSKXP>
29. Rosyanova, T. S. (2011). Cognitive approach to the consideration of the term. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Economics*, (5), pp. 105–108. EDN: <https://elibrary.ru/OIMKQJ>
30. Sergeeva, L. A. (2017). Metaphor as a cognitive mechanism of forming axiological concepts. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (12), pp. 163–166. EDN: <https://elibrary.ru/YMGQXP>
31. Teliya, V. N. (1988). Metaphorization and its role in creating a linguistic worldview. In: *The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview* (pp. 173–204). Moscow.
32. Shelov, S. D. (2018). *Essay on Terminology Theory: Composition, Conceptual Organization, Practical Applications*. Moscow: PrintPro, 472 pp.

List of sources

33. Arnaudov, G. D. (1966). *Medical Terminology in Five Languages*. Sofia: Meditsina i Fizkultura, 1029 pp.
34. Ilyakhov, A. G. (2015). *Medicine. The Ancient Code in Business Terminology: A Historical and Etymological Dictionary*. Krasnodar: Fler 1, 384 pp.
35. Alekseev, A. P. (Ed.). (2006). *Latin-Russian Dictionary of Medical Terminology*. Moscow: Tsentropoligraf, 508 pp.
36. Stannazar, Svetira (Author). (2025). *Dictionary-Reference of Latin Medical Terminology*. Izdatelskie Resheniya, 176 pp.
37. Petrovsky, B. V. (Ed.). (1982). *Encyclopedic Dictionary of Medical Terms* (Vol. 1: A – Yores Method; approx. 60 000 terms). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 464 pp.

38. Petrovsky, B. V. (Ed.). (1983). *Encyclopedic Dictionary of Medical Terms* (Vol. 2: Kaban Disease – Calcaneal Tubercle; approx. 60 000 terms). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 448 pp.
39. Petrovsky, B. V. (Ed.). (1984). *Encyclopedic Dictionary of Medical Terms* (Vol. 3: Rabditoses – Foot-and-Mouth Disease; approx. 60 000 terms). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 512 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Надеина Луиза Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент отделения иностранных языков
*Национальный исследовательский Томский политехнический университет
пр. Ленина 30, г. Томск, 634050, Российская Федерация
louise@tpu.ru*

Принеслик Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии
*Сибирский государственный медицинский университет
ул. Московский тракт, 2, г. Томск, 634050, Российская Федерация
prineslik.ea@ssmu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Luiza V. Nadeina, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Division of Foreign Languages
*National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
louise@tpu.ru
SPIN-code: 6187-2280
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6660-3611>
ResearcherID: AAD-7712-2020
Scopus Author ID: 56514137400*

Elena A. Prineslik, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of the Latin Language and Medical Terminology
*Siberian State Medical University
2, Moscovsky Tract Str., Tomsk, 634050, Russian Federation
prineslik.ea@ssmu.ru
SPIN-code: 6761-4739*

Поступила 27.02.2026
После рецензирования 24.03.2026
Принята 26.03.2026

Received 27.02.2026
Revised 24.03.2026
Accepted 26.03.2026

Методология и новые подходы в гуманитарных науках / Methodology and Novel Approaches in Humanities

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-1-564](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-564)

EDN: [PULCBQ](#)

УДК 378.4:001.891



Результативность деятельности вузов в международных рейтингах учреждений высшего образования

Т.Г. Иванович

*Волгоградский государственный технический университет,
Волгоград, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Образовательные модели разных государств часто становятся источником всестороннего анализа и диалога с целью привлечения передовых образовательных технологий на внутреннем пространстве страны - реципиента. Оценка деятельности вузов, применяющих и поддерживающих образовательные инициативы, осуществляется посредством всемирных рейтингов университетов.

Цель исследования состоит в изучении критериев оценивания вузов в общепризнанных международных рейтингах THE, QS.

Материалом для исследования стали международные рейтинговые системы THE (Times Higher Education), QS (Quacquarelli Symonds). **Методами** исследования являются сопоставительный анализ, метод синтеза и обобщения.

Результаты. Значение науки и университетов как основы для интеграции страны в международный научный альянс, особенно важно при расширении международного сотрудничества, повышении потенциала ученых, привлечении инвестиций, создании прогрессивных отечественных вузов, что напрямую может способствовать созданию положительного образа страны в целом.

По утверждению исследователей в области государственной стратегии, страны стали конкурировать не только за наличие большей территории и ресурсов, но также в международной репутации, качестве образования, науки и технологиях (Joseph S. Nye, 2009).

Влияние университетов обусловлено их участием в разработках международных инновационных проектов, возглавляемыми ведущими учеными вузов.

В статье рассматривается оценка эффективности работы вузов в рейтинговых системах THE, QS, а также изучены их предметные рейтинги, объединенные по областям знаний, выделены университеты-лидеры.

Сделан вывод, что международные рейтинги позволяют структурировано изучать эффективность работы вузов, а также отмечено, что высокая рейтинговая позиция вуза оказывает влияние на положительный имидж страны в целом.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты могут быть использованы специалистами в области анализа государственной системы образования, а также при оценке потенциала работы российских вузов.

Ключевые слова: образовательная модель; международный авторитет страны; положительный образ; многоуровневая рейтинговая система; эффективность работы вуза

Для цитирования. Йованович, Т. Г. (2026). Результативность деятельности вузов в международных рейтингах учреждений высшего образования. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(1), 239–252. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-564>

The university efficiency in the international university ratings

T.G. Yovanovich

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Background. Different states' educational models of often become a source for comprehensive analysis and dialogue with the aim of attraction first rank educational technologies inside recipient country. The university activity's measurement using and supporting educational initiative is being implemented through international university ranks.

The **purpose** is to examine generally recognized international ratings THE, QS influencing public opinion in the field of higher education.

International university ratings THE, QS were used as a **material** for research. The **methods** of research are a comprehensive analysis, method of synthesis and summarizing.

Results. The importance of science and universities as a base for countries' integration into international alliance is extremely important when expands international collaboration, increases scientists' potential, attracting investments, creating progressive national universities, that can directly contribute to the positive country's image in general.

According to the statement of the researches in the state strategy, countries began to compare not only for large territory and resources but also for better international reputation, quality of education, science and technologies.

Universities' influence is due to participation in the international innovative project's development led by leading scientists.

The university working effectiveness is considered in different rating systems, and also subject ratings, connected by different fields of science, leading universities are pointed out.

The conclusion is that international ranks allow studying the university working effectiveness in a structured way, it is proved that high ranking position makes the positive country's image.

Practical importance explained by the fact that the results can be used by specialists in the field of analytic state educational system and capacity work assessment of Russian universities, attracting academic expertise through the activity analyses, opening opportunities for students and specialists to use in practice rating results when they choose a country for studying and living.

Keywords: educational model; international country's authority; positive image; multilevel rating system; university's efficiency

For citation. Yovanovich, T. G. (2026). The university efficiency in the international university ratings. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(1), 239–252. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-564>

Введение

Взяв курс на обретение стратегического суверенитета, наука и учреждения высшего образования становятся частью академической среды, в которой осуществляется внедрение, освоение и модернизация новых технологий в области науки. К числу главных приоритетов отнесено усиление научно-технического потенциала страны в связи с введением дополнительных мер по обеспечению и поддержанию достойной конкурентоспособной научной базы, которая будет способствовать достижению необходимого уровня национальной безопасности в сфере применения наукоемких технологий, что приведет к подъему показателей эффективности деятельности отраслей экономики, которое отразит консолидирующие усилия по применению достижений науки и технологий в интересах государства [7; 18]. При условии государственной поддержки деятельности вузов, консолидация средств осуществляется для внедрения передовых технологий и научных знаний во все сферы деятельности.

Итак, в рамках международного альянса необходимо иметь научный суверенитет и создавать необходимые предпосылки для внесения значимого вклада в интеллектуальное достояние и самостоя-

тельность принятия стратегических решений по развитию научного потенциала страны [21].

Учитывая современную ситуацию, очевидно, что развитие науки и вузов является стратегически важным, означает признание необходимости их участия в мировом интеграционном альянсе, являясь «умной силой», способной повлиять на международное признание, закрепить позитивную оценку и положительный имидж страны [12].

Именно поэтому стало возможным ввести концепт «умная сила» применительно к науке и университетам в связи с наличием современных тенденций по воздействию научных достижений и инновационных идей, системы прогрессивных образовательных технологий на международный авторитет страны и продвижение государственных интересов через систему университетов.

Для определения рейтингового положения в мировой системе оценки качества и эффективности работы, вузы, особенно являющиеся передовыми, а также перспективными, часто сами заинтересованы участвовать в проектах по выявлению лидеров международного образовательного пространства. Среди рейтинговых систем возможно определить перечень наиболее влиятельных агентств по формированию позиций вузов с учетом специфики их деятельности в академической сфере [21]. Существуют дифференциальные подходы по определению результативности работы, причем, следует рассматривать вузы в различных рейтинговых системах с точки зрения многостороннего подхода к критериям оценки деятельности и способности адаптироваться к меняющимся потребностям современного мира [6].

Цель исследования состоит в изучении критериев оценивания вузов в общепризнанных международных рейтингах THE, QS.

В соответствии с целью были определены следующие *задачи*: изучить критерии рейтингового отбора, рассмотреть аспекты формирования рейтинговых систем в различных областях знаний, проанализировать положительный опыт страны, занявшей первое место в сфере образовательных технологий.

Объектом исследования стали рейтинговые показатели в редакциях рейтинговых издательств THE, QS, а также страна-лидер рейтинговых систем.

Новизна исследования определяется системным подходом при рассмотрении международных рейтингов с целью изучения, обобщения и систематизации данных, а также анализом предметных рейтингов, объединенных по областям знаний.

Материалы и методы

Методом исследования является сопоставительный анализ, позволивший обобщить, структурировать и систематизировать основные рейтинговые парадигмы путем метода синтеза и обобщения концептуальных положений и определения рейтинговых составляющих в процентном соотношении.

Материалом для исследования стали международные рейтинговые системы THE (Times Higher Education), QS (Quacquarelli Symonds), определяющие положение в мировой системе оценки качества вузов, исследовательские работы и научный комментарий ежегодных публикаций рейтинговых списков.

Значение науки и университетов, как основы для интеграции страны в международный научный альянс, особенно важно при расширении международного сотрудничества, повышении потенциала ученых, привлечении инвестиций, создании прогрессивных отечественных вузов, что напрямую может способствовать созданию положительного образа страны в целом.

По утверждению исследователей в области государственной стратегии, страны стали конкурировать не только за наличие большей территории и ресурсов, но также в международной репутации, качестве образования, науки и технологиях [12; 14].

Результаты и обсуждение

Существует несколько многоуровневых рейтинговых систем для определения позиции вуза. Следует особо отметить мировые рейтинги «THE (Times Higher Education)», «QS World University Ranking: Top global universities».

Мировой рейтинг университетов «THE» осуществляет свою деятельность с 2004 года и взаимодействует с 2000 учебными заведениями более, чем из 115 стран мира [8].

В нем определяются лидеры по объему научной работы и количеству цитирований в научных базах ведущих издательств Scopus и Web of Science, качеству обучения (Learning Experience), желанию работодателей видеть выпускников вузов среди своих сотрудников (Employability), глобальному взаимодействию (Global Engagement), устойчивому развитию (Sustainability).

В академическом рейтинге «QS» также учитывается репутация учебного заведения в академической среде (Reputation), соотношение числа студентов и преподавателей (Students/ Staff), индекс цитирования научных публикаций (Citation Index) [10].

Так как образование в европейских странах нацелено на индивидуальный подход к каждому студенту, требования к педагогическому составу вуза также является важным критерием, поэтому, наряду с лучшими качествами личности сотрудника рассматривается публикационная активность и показатель цитирований в международных изданиях (20%) [4]. Учитывается количество иностранных студентов и преподавателей (10%), а также охват международного пространства обучающихся и ученых, задействованных в международных проектах и исследованиях (5%), что свидетельствует о престижности вуза в международной образовательной среде. Рейтинговое значение для признания вуза является также его устойчивое развитие, потенциальные возможности, планирование значимых проектов и способность к адаптации к изменяющимся реалиям современного образовательного пространства (5%) [3].

Показатель репутации учебного заведения в академической сфере (Reputation) имеет определяющее значение при рассмотрении внесения вуза в список для рейтингового исследования, которое проводится, основываясь на экспертном мнении академических деятелей, ученых, преподавателей [1].

Положительная репутация среди работодателей (Employability) является важным аспектом при рассмотрении показателей вуза в международном рейтинге. Среди представителей бизнеса проводится мониторинг официальной статистики трудоустройства студентов после выпуска, а также для оказания предпочтений выпускникам определенного вуза и предоставления им больших возможностей для карьерного роста. Большое значение имеет оплата за работу, ее сравнивают с показателями на уровне страны и мира. В этом разделе также учитывается показатель достижений (Achievements), процент студентов, занимающих высшие государственные должности, входящих в списки состоятельных и влиятельных людей страны и мира, получивших Нобелевскую премию.

Уровень соотношения числа студентов и преподавателей (Students/ Staff) также является одним из показателей эффективности и качественной подготовки выпускников.

Во внимание также принимается обучение иностранных студентов, их многонациональность, а также масштабность программ студенческого обмена (International Affairs).

Устойчивое развитие вуза определено его стабильным положением в международной рейтинговой системе (Sustainability).

В рейтинге «QS» также рассматривается качество преподавания 29,5% (15% качество обучения, 4.5% соотношение штата сотрудников – количество студентов, многонациональность студентов-иностранцев, соотношение по половому признаку обеспеченность оборудованием, необходимым для обучения, 2% относится к соотношению наличия программных уровней для бакалавриата - докторантуры), возможности для проведения исследований, качество исследований (индекс цитирований, репутация исследователей, успешность внедрения и признание исследования, взаимодействие исследователей с промышленным сектором (рентабельность исследований и получение патентов) [2; 5].

Данные по показателям результативности представлены в таблице №1.

Таблица 1.

Критерии рейтингового отбора (по версии THE, QS)**Table 1. Ranking Criteria (according to THE and QS)**

Доля в рейтинге	Рейтинговые составляющие	Процентное соотношение
Качество преподавания (29.5%)	- качество обучения;	15%
	- соотношение штата сотрудников к количеству студентов;	4.5%
	- соотношение наличия программ для бакалавриата/ докторантуры;	2%
	- соотношение докторов/кандидатов наук к штату сотрудников;	5.5%
	- доход университета от образовательной деятельности.	2.5%
Возможности для проведения исследований (29%)	- качество исследования;	18%
	- доходность исследования;	5.5%
	- внедрение в производство.	5.5%
Качество исследования (30%)	- индекс цитирования;	15%
	- значимость исследования;	5%
	- оказанное влияние на другие исследования.	5%
		5%
Международный авторитет (7.5%)	- наличие студентов-иностранцев;	2.5%
	- наличие преподавателей-иностранцев;	2.5%
	- международный обмен.	2.5%
Взаимодействие с промышленным сектором (4%)	- доход от изобретений;	2%
	- патенты на изобретения.	2%

Согласно современным международным исследованиям, особое место, а также приоритетным правом на вхождение в рейтинговые списки имеют вузы, чья деятельность известна, отмечена и пользуется популярностью большого количества респондентов, участвующих в опросе [1].

В редакциях рейтинговых издательств существуют также предметные рейтинги, в которых учебные предметы объединены в 11 отраслей знаний, что дает дополнительную возможность вузам занять лидирующие позиции уже в границах тех предметных областей, в которых они специализируются.

В рейтинге «THE» на протяжении 19 лет Оксфорд находится на первом месте, каждый год усиливая позиции научными разработками для практического применения в сфере промышленных тех-

нологий, образования, медицины, подтверждая признание страны, как мирового лидера в сфере высшего образования [20].

Таблица 2.

Предметный рейтинг
Table 2. Subject-Specific Ranking

Название предметного рейтинга	Объединение по областям знаний	Университет
Искусство и гуманитарные науки	Образование, история, философия, лингвистика, теология, археология, архитектура, дизайн, театры, кино, телевидение	Массачусетский технологический университет
Бизнес и экономика	Статистика, финансовый анализ, макроэкономика, микроэкономика, эконометрика.	Массачусетский технологический университет
Компьютерные науки (приняли участие 1112 университетов из 83 стран)	Теоретическое программирование, кибербезопасность и всемирная сеть, информационные системы, большие данные и аналитика, искусственный интеллект и программная инженерия.	Оксфорд
Педагогика и образование (приняли участие 767 университетов из 87 стран)	Педагогика, образование, философия, социология.	Стэнфордский университет
Технические науки (приняли участие 1488 университетов из 97 стран)	Общая технология, электрика и электроника, механика и аэрокосмическая инженерия, гражданская инженерия, химическая инженерия	Гарвард
Право	Конституционное и административное право, международное право, коммерческое и корпоративное право, уголовное, гражданское и процессуальное право, теория юриспруденции.	Стэнфордский университет
Наука о жизненных циклах (приняли участие 1143 университета из 98 стран)	Ветеринария, биохимия и биотехнология, сельское хозяйство и растениеводство, спорт (спортивная медицина, физиология).	Гарвард
Медицина и здоровье (приняли участие 1150 университетов из 102 стран)	Медицина и хирургия, стоматология, здравоохранение, эпидемиология.	Оксфорд

Психология (приняли участие 654 университета из 66 стран)	Клиническая психология, психология образования, спортивная психология, бизнес психология.	Гарвард
Социальные науки (приняли участие 1093 университета из 100 стран)	Социология, география, антропология.	Массачусетский университет
Физика (приняли участие 1447 университетов из 10 стран)	Физика, морское дело, химия, математика, статистика, астрономия, геология, окружающая среда, наука о земле.	Калифорнийский институт технологий

Международное признание, качество и престиж получения образования в Оксфорде поддерживается профессионализмом преподавателей, успешно развитой системой тьюторства, большим территориальным охватом обучающихся студентов. Причем, рейтинговое положение вуза оказывает значительное положительное влияние на отношение к системе образования страны в целом (Gelb Leslie, 2010).

Образовательная модель Великобритании на протяжении многих веков успешно применяется как внутри страны, так в странах Содружества Наций (The Commonwealth of Nations) на уровне межнационального общения в космополитическом государстве, основанного на принципе неукоснительного соблюдения традиций, что является одним из основ жизни современного британского общества [17].

Интересно отметить уникальность исторического опыта вузов Британии в современных условиях, когда, с одной стороны, существует взаимосвязь между уважительным отношением к традиционному культурному наследию, а с другой стороны, необходимостью адаптации к постоянно меняющимся реалиям и запросам современного мира. Через призму высокого рейтингового положения, представители многих государств мира проявляют интерес к Великобритании, как месту учебы и работы. Так, Оксфордский университет занимает первое место, Кембриджский университет – 3 место, Имперский колледж Лондона – 4 место, Университетский колледж Лондона – 5 место, Эдинбургский университет – 6 место,

Манчестерский университет – 8 место, Королевский колледж Лондона – 10 место [14].

Заключение

Международные рейтинги нацелены на дальнейшую эволюцию и формулирование интегрированного мнения и его обсуждения.

Процесс структурирования системы оценки вузов представляет собой масштабный проект по глобализации информации, которая необходима для всестороннего анализа, изучения, обобщения, систематизации и интеграции знаний [11; 13].

Перспектива академического развития является основополагающей для стабильности, упрочнения и получения лидирующих позиций при рассмотрении эффективности работы вуза, при этом, наметившаяся тенденция по утверждению позиций посредством рейтинговой системы особенно актуальна при сетевом взаимодействии.

Российские вузы взяли курс на открытость, высокое качество образования, экономическую стабильность и финансовую независимость, консолидацию усилий по стратегическому развитию и взаимодействию с представителями промышленности и бизнеса, крупными госкорпорациями.

Список литературы

1. *Всё о рейтингах зарубежных университетов*. <https://www.itecgroup.ru/articles/vse-o-rejtingah-zarubezhnyh-universitetov>
2. *Глобальный рейтинг вузов Times Higher Education*. <https://www.forbes.ru/education/522993-opublikovan-novyj-global-nyj-rejting-vuzov-times-higher-education>
3. Дианина, С. Ю., Золотухина, Ю. И., & Рагозин, Г. С. (2024). Культурная и образовательная политика Швеции как элемент национального брендинга страны. *Концепт: философия, религия, культура*, 8(1), с. 91–111. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-91-111>. EDN: <https://elibrary.ru/TQGVNW>
4. Йованович, Т. Г. (2024). Эстетические аспекты идеального образа в философских концепциях эпохи Возрождения. *Современные исследования социальных проблем*, 16(2), с. 156–172. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2024-16-2-428>. EDN: <https://elibrary.ru/GPXXRU>
5. *Как составляют международные рейтинги университетов*. <https://sky.pro/wiki/profession/kak-sostavlyayutsya-mezhdunarodnye-rejtingi-universitetov>

6. Лебедева, М. М. (2017). *Публичная дипломатия: Теория и практика: научное издание*. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 272 с.
7. Панкрухин, А. П. (2013). Рейтинги стран. *Практический маркетинг*, (3) (193), с. 4–11. EDN: <https://elibrary.ru/PXJGEN>
8. Пугач, В. Ф. (2012). Рейтинги вузов: международный и российский подходы. *Высшее образование*, (8), с. 15–25. EDN: <https://elibrary.ru/PCEJEF>
9. *Рейтинги стран — Global Relocate*. <https://global-relocate.com/ru/rankings>
10. *Российские вузы в рейтинге мировых университетов QS 2025*. <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/rossiyskie-vuzy-v-reytinge-mirovyh-universitetov-q5-2025>
11. *Самые влиятельные организации мира*. <https://dzen.ru/a/XRiQmm74hgCsA3BN>
12. Торкунов, А. В. (2012). Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, (4), с. 85–93. EDN: <https://elibrary.ru/PYMQTD>
13. Энтин, М. Л., Энтина, Е. Г., & Тизлм, Н. И. (2023). *Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов — XII: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах: научная монография*. Москва: Галактика, 760 с.
14. Gelb, Leslie. *Power Rules*. New York Times Book Review, 2010. www.amazon.com/Power-Rules-Common-American-Foreign/dp/0061714569
15. *Globalization: A Study by a Group of Members of the Royal Institute of International Affairs*. Oxford University Press.
16. Nye, Joseph S. (2009). Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*, July/August. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.43dc4425-687649e8-56075a31-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/List_of_international_rankings
17. Nye, J. S. *Soft Power and Great-Power Competition*. *Foreign Policy*. <https://library.oapen.org/bitstream/id/323d1f23-7395-4abd-83d7-5c8ce6be0e7a/978-981-99-0714-4.pdf>
18. *Power Rules*. Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/book/power-rules>
19. *Soft Power*. Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Soft_power

References

1. *Everything About Rankings of Foreign Universities*. Retrieved from: <https://www.itecgroup.ru/articles/vse-o-reytingah-zarubezhnyh-universitetov>
2. *Times Higher Education Global University Ranking*. Retrieved from: <https://www.forbes.ru/education/522993-opublikovan-novyj-global-nyj-rejting-vuzov-times-higher-education>
3. Dianina, S. Yu., Zolotukhina, Yu. I., & Ragozin, G. S. (2024). Cultural and educational policy of Sweden as an element of the country's national branding. *Concept*:

-
- Philosophy, Religion, Culture*, 8(1), pp. 91–111. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-91-111>. EDN: <https://elibrary.ru/TQGVNW>
4. Jovanovich, T. G. (2024). Aesthetic aspects of the ideal image in philosophical concepts of the Renaissance. *Modern Studies of Social Problems*, 16(2), pp. 156–172. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2024-16-2-428>. EDN: <https://elibrary.ru/GPXXRU>
 5. *How International University Rankings Are Compiled*. Retrieved from: <https://sky.pro/wiki/profession/kak-sostavlyayutsya-mezhdunarodnye-rejtingi-universitetov>
 6. Lebedeva, M. M. (2017). *Public Diplomacy: Theory and Practice: A Scientific Publication*. Moscow: Aspekt Press, 272 pp.
 7. Pankruhin, A. P. (2013). Country rankings. *Practical Marketing*, (3) (193), pp. 4–11. EDN: <https://elibrary.ru/PXJGEH>
 8. Pugach, V. F. (2012). University rankings: International and Russian approaches. *Higher Education*, (8), pp. 15–25. EDN: <https://elibrary.ru/PCEJEF>
 9. *Country Rankings — Global Relocate*. Retrieved from: <https://global-relocate.com/ru/rankings>
 10. *Russian Universities in the QS World University Ranking 2025*. Retrieved from: <https://www.interfax-russia.ru/academia/analytics/rossiyskie-vuzy-v-reytinge-mirovyh-universitetov-qs-2025>
 11. *The Most Influential Organizations in the World*. Retrieved from: <https://dzen.ru/a/XRiQmm74hgCsA3BN>
 12. Torkunov, A. V. (2012). Education as an instrument of “soft power” in Russia’s foreign policy. *Bulletin of MGIMO University*, (4), pp. 85–93. EDN: <https://elibrary.ru/PYMQTD>
 13. Entin, M. L., Entina, E. G., & Tielm, N. I. (2023). *Political and Regulatory Support of Global Integration Processes — XII: Efforts of Russia, China, India, the EU, and the USA to Gain Strategic Depth in 2022–2023: A Scientific Monograph*. Moscow: Galaktika, 760 pp.
 14. Gelb, L. (2010). *Power Rules*. *New York Times Book Review*. Retrieved from: www.amazon.com/Power-Rules-Common-American-Foreign/dp/0061714569
 15. *Globalization: A Study by a Group of Members of the Royal Institute of International Affairs*. Oxford: Oxford University Press.
 16. Nye, J. S. (2009). Get smart: Combining hard and soft power. *Foreign Affairs*, July/August. Retrieved from: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.43dc4425-687649e8-56075a31-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/List_of_international_rankings
 17. Nye, J. S. *Soft power and great power competition*. *Foreign Policy*. Retrieved from: <https://library.oapen.org/bitstream/id/323d1f23-7395-4abd-83d7-5c8ce-6be0e7a/978-981-99-0714-4.pdf>

-
18. *Power Rules*. Council on Foreign Relations. Retrieved from: <https://www.cfr.org/book/power-rules>
 19. *Soft Power*. Wikipedia. Retrieved from: https://en.wikipedia.org/wiki/Soft_power

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Йованович Тамара Георгиевна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки»
Волгоградский государственный технический университет
пр. им. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
jovanovic.tamara5@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara G. Yovanovich, PhD, Associate Professor of Foreign Languages Department
Volgograd State Technical University
28, Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation
jovanovic.tamara5@yandex.ru

Поступила 11.02.2026

После рецензирования 07.03.2026

Принята 18.03.2026

Received 11.02.2026

Revised 07.03.2026

Accepted 18.03.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<https://soc-journal.ru/>)

Научный журнал представляет собой междисциплинарную платформу для публикации результатов исследований в области социально-гуманитарного знания. Издание фокусируется на интеграции историко-культурных, философских и лингвистических исследований, способствуя формированию целостного представления о развитии человеческого общества.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ	

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<https://soc-journal.ru/>)

The scientific journal is an interdisciplinary platform for publishing research results in the field of social and humanitarian knowledge. The publication focuses on the integration of historical, cultural, philosophical, and linguistic research, contributing to the formation of a holistic view of the development of human society.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЁЛОЧНЫХ ИГРУШЕК
И УКРАШЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ
И ЖИВОПИСИ

И.В. Корнилова, Н.Г. Панфилов 10

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ФИЛОСОФИЯ БЕРЕМЕННОСТИ: ПОНИМАНИЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

С.М. Мальцева, Т.П. Хозерова, А.С. Куликова 31

АКТУАЛЬНЫЕ ИДЕИ РУССКИХ КОСМИСТОВ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С.М. Мальцева, К.И. Мохнов, Е.А. Нагорнов 47

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
НОВОЙ ДИДАКТИКИ

Е.Ф. Мороз 61

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКУ

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Ворохобов, Р.В. Собко 85

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Н.А. Нарыкова, И.В. Крюкова 106

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ Д. ТРАМПА)

Мунеев Ю.А. Алхамад, А.А. Билялова 120

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

И.Н. Протопопова, Н.А. Сытина 138

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО БОГАТСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ДИАХРОНИЧЕСКИХ ДАТАСЕТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Т.А. Рычкова 156

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Н.Н. Чайко 182

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБРАЗ АРКТИКИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

У.В. Мазуркевич, Е.С. Мучкина 198

**ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ
МЕТАФОРЫ****Л.В. Надеина, Е.А. Принеслик 217****МЕТОДОЛОГИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ****РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ В
МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ****Т.Г. Йованович 239****ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 253**

CONTENTS

HISTORY IN THE SYSTEM OF SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCES

REPRESENTATION OF CHRISTMAS
ITEMS AND DECORATIONS IN SOVIET ILLUSTRATION
AND PAINTING

I.V. Kornilova, N.G. Panfilov 10

INDIVIDUAL, SOCIETY, AND STATE IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

THE PHILOSOPHY OF PREGNANCY:
UNDERSTANDING THE EXISTENTIAL
AND ETHICAL ASPECTS

S.M. Maltseva, T.P. Khozerova, A.S. Kulikova 31

CURRENT IDEAS OF RUSSIAN COSMOLOGISTS
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES OF MANKIND

S.M. Maltseva, K.I. Mokhnov, E.A. Nagornov 47

RESPONSIBILITY AS AN ACADEMIC SUBJECT:
PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS
OF A NEW DIDACTICS

E.F. Moros 61

INFLUENCE OF RELIGIOUS TRADITIONS ON SOCIETY AND POLITICS

THE INFLUENCE OF RELIGIOUS TRADITIONS ON THE FORMATION
OF CIVIC IDENTITY IN MODERN RUSSIA

A.V. Vorokhobov, R.V. Sobko 85

LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES**STUDY OF THE FEATURES OF LACUNAR UNITS
OF THE GERMAN LANGUAGE AT THE SEMANTIC LEVEL****N.A. Narykova, I.V. Kryukova 106****APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS****CLASSIFICATION AND INTERACTION
OF MANIPULATIVE STRATEGIES IN POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL OF D. TRUMP'S POLITICAL INTERVIEW)****Muneeb Y.A. Alhamad, A.A. Bilyalova 120****IMPLEMENTATION OF NEGATIVE POLITENESS STRATEGIES
IN DIRECTIVE SPEECH ACTS WITH MODAL VERBS (IN GERMAN)****I.N. Protopopova, N.A. Sytina 138****THE EVOLUTION OF THE LEXICAL RICHNESS OF THE RUSSIAN
LANGUAGE (CORPUS RESEARCH BASED ON DIACHRONIC
DATASETS FROM THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN
LANGUAGE)****T.A. Rychkova 156****LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING MOTIVATION
IN GERMAN POETRY TEXTS****N.N. Chaiko 182****INTEGRATIVE HUMANITIES RESEARCH****THE IMAGE OF THE ARCTIC IN THE INSTITUTIONAL POLITICAL
DISCOURSE OF THE UNITED STATES: A CORPUS STUDY****U.V. Mazurkevich, E.S. Muchkina 198****GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY IN THE MEDICAL
METAPHOR MIRROR****L.V. Nadeina, E.A. Prineslik 217**

**METHODOLOGY AND NOVEL APPROACHES
IN HUMANITIES**

THE UNIVERSITY EFFICIENCY IN THE INTERNATIONAL
UNIVERSITY RATINGS
 T.G. Yovanovich 239

RULES FOR AUTHORS 253

Подписано в печать 31.03.2026. Дата выхода в свет 31.03.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 18,81. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSHS181/026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия.